

8511
М 60
К943614

**М. И. МИЛЬЧИК,
Ю. С. УШАКОВ**

**ДЕРЕВЯННАЯ
АРХИТЕКТУРА
РУССКОГО
СЕВЕРА**

4/5

Вологодской
областной
библиотеке —
давню вашу книгу
книгу, заветную
вещь, которую
очень радует
автора

Александр

Вологда
4 марта 2007.

ГБІТЕЛЬ ОШЕВЕСКА

ГБІТЕЛЬ
ОШЕВЕСКА
А

М. И. МИЛЬЧИК,
Ю. С. УШАКОВ

**ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА
РУССКОГО СЕВЕРА
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**

943 614

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. П. В. Бабушкина

72
ББК-85.11-

М 60

УДК 72.023 : 691.11(—17)

Текст книги и публикация исторического материала — кандидата искусствоведения М. И. Мильчика, архитектурные реконструкции — кандидата архитектуры Ю. С. Ушакова.

М 60 Мильчик М. И., Ушаков Ю. С.
Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории. — Л. : Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1981. 128 с., ил.

Книга посвящена некоторым малоизученным страницам истории деревянной архитектуры русского Севера XVII—XVIII вв. Она целиком построена на подлинных письменных и изобразительных документах. Эта ее особенность дает возможность предложить графические реконструкции как отдельных памятников, так и целых ансамблей, не сохранившихся до наших дней. Тем самым книга расширяет представления читателей о многообразии типов жилых, культовых и крепостных построек, существовавших в прошлом. Привлекаемые материалы позволяют впервые подробно рассказать об организации и ходе строительных работ, о «добром мастерстве» плотников Севера.

Книга иллюстрирована репродукциями старинных чертежей, миниатюр и фотографии. Значительная часть этого материала публикуется впервые.

Предназначена книга архитекторам, историкам, искусствоведам, а также читателям, интересующимся русской народной культурой.

ББК 85.11

72

НА КОНТРАТИУЛЕ: Никольская церковь
Ошевенского монастыря. Фрагмент иконы
Александра Ошевенского. Вторая поло-
вина XVII в.

М 30202—001 84—80. 4902020000
047(01)—81

ВВЕДЕНИЕ

Русь издревле была страной дерева, особенно ее северные земли, о которых пойдет речь в этой книге. В лесу, а он здесь всегда был рядом, под рукой, заготавливали бревна для избяного или церковного сруба, для острожного тына, тес, дранье и лемех на крыши, доски на крыльца и перегородки, плахи для полов, слегы потоньше на изгороди, потолще — на кровли. В лесу можно было найти дерево, чтобы выдолбить из него лодку или вытесать санный полоз. Строившиеся из дерева селения часто так и назывались — **деревни**, а некоторые из них даже имели имена древесных пород — Березники, Сосновки, Ельни, Дубрówki и т. д.

Не было ни одного занятия, ни одного ремесла, которые не требовали бы в том или ином виде общения с лесом. Неудивительно, что топор — инструмент почти универсальный — умел держать в руках каждый крестьянин, но еще в глубокой древности особенно славилась плотничьим ремеслом — искусством сплачивать, связывать бревна в единые срубы — новгородцы. Судя по летописной записи 1016 г., воевода киевского князя Святополка укорял их, пришедших к Киеву, что занялись они не своим делом: *«а вы плотницы суще, а приставим вы хоромы рубити нашим»* [9, I, в. 1, с. 142]. В самом Новгороде существовал тогда Плотничий конец, где жили плотники.

Размах плотничьих работ на протяжении всего русского средневековья был поистине огромным: летописи полны сообщений о возведении деревянных городов-укреплений*, начиная с записи под 988 годом: *«...и поча нарубати мужи лучшие от словен, и от кривич, и от чуди, и от вятич, и от сих насели грады»* [9, I, в. 1, с. 121]. А затем: *«...и сруби город над Волховом и прозваша и Новгород»* [там же, с. 15]; Святополк в 1095 г. *«повеле рубити город на Ветичеве холму»* [там же, с. 229]; в 1192 г. *«заложен бысть град Суждаль и срублен того же лета»* [там же, с. 409]; в 1276 г. князь Владимир Галицкий послал искать место для постройки нового города *«мужи хитри именем Алексу, иже бяше при отце его ж многы города рубя»* [там же, с. 412]; в 1531 г. *«срублен бысть... на Кошире град древян»* [9, VIII, с. 273]. И так вплоть до самого конца XVII в.: еще в 1692 г. на Северной Двине *«Холмогорской город починиван и перебран весь от подошвы, и башни рублены новые все так же...»* [9, XXXIII, с. 191]. Слово «рубить» в старину прежде всего означало строить, а его употребление свидетельствовало о том, что пилу в плотничьем деле не знали.

* Термин «город» здесь и далее употребляется в его древнерусском значении — как оборонительная ограда, укрепленное, огороженное место.

О возведении деревянных церквей в летописях говорится меньше, чем о каменных, лишь потому, что это было делом повседневным, а уже если летописец счел нужным упомянуть такой храм, значит было в нем что-то необычное: в лето 989-ое в Новгороде *«постави владыко епископ Иоаким первую церковь деревянную дубовую святыи Софии, имущую верх тринадцать...»* [9, III, с. 208]. Под 991 годом читаем: *«...поставлена бысть церковь в Ростове дубовая Успение святыя Богородица... а стояла та церковь дубовая сто лет и шестьдесят и осмь лет, и погоре град Ростов и церковь дубовая сгорела, якоже не бывала такова и потом не будет»* [9, VII, с. 313—314]. В 1471 г. сгорела в Пскове церковь святого Николы *«велики преудивлена и чудна, таковое не было во всей Псковской волости, о полѣтретью десяти углах»* [9, IV, с. 240], т. е. имевшая в основании 25 рубленых углов.

До нашего времени не дошли эти и многие другие выдающиеся памятники деревянного зодчества, которое, по словам его известного исследователя И. В. Маковецкого, всегда было наиболее хрупкой частью архитектурного наследия. Одни погибли из-за небрежения или непонимания людьми ценности этих построек, у других же подошел предельный возраст (секретами консервации древесины специалисты овладевают лишь в последние годы), третьи сгорели в огне многочисленных пожаров, упоминания о которых постоянно встречаются на страницах летописей. Так, во Владимире в 1183 г. *«погоре мало бы не весь город и княж двор великий згоре, и церкви числом 32»* [9, II, с. 27]; в 1369 г. *«весь Псков погорел и церкви священные... Того ж лета и Новгород погоре»* [9, IV, с. 193]; в 1636 г. *«...сгоре в городе Архангельске монастырь, церкви, и кельи, и воеводской двор, и полгорода от Двины реки»*, а в 1670 г. снова *«...Архангельской город, и острог, и съезжая изба, и воеводской двор, и государевы житницы с хлебом, и анбары, и лавки... все погорело без остатка»* [9, XXXIII, с. 173—180].

Дерево — материал недолговечный и не только из-за того, что оно легко горит. Жилые постройки стоят не дольше 100—120 лет, культовые, даже если у них вовремя перекрывают кровлю и заменяют сгнившие бревна (*«гнилые бревна выметывать, а в те места вставляли бревна новые...»*), как сказано в одной грамоте XVII в. [56, с. 14]), — 300—350 лет. Дольше — крайне редко, да и то при условии, что сруб за это время один-два раза будет перебран (*«роспѣтан»*) полностью. Теперь ясно, что самые старые из сохранившихся крестьянских домов срублены не раньше первой половины XIX в., большинство церквей относится к XVIII в., значительно меньше — к XVII в. и лишь единицы — к XVI в.

Всего три памятника — церкви Лазаря Муромского (ныне в Кижском заповеднике), Ризположенская села Бородавы (ныне в Кирилло-Белозерском монастыре) и Георгиевская из

Юковичей (Ленинградская область) датируются, да и то предположительно, соответственно — до 1391 [51, с. 106]*, 1486 [25, с. 161] и 1493 гг. [39, с. 187—188; 34, с. 76]**.

От каменных зданий, даже если они и разрушены до основания, обычно остаются фундаменты или хотя бы фундаментные рвы, позволяющие в большинстве случаев восстановить план, определить особенности кладки. От деревянных же строений часто не остается и этого, а потому изучение тех, что давно исчезли с лица земли, наталкивается на трудности почти непреодолимые, что не раз отмечали исследователи деревянного зодчества [16, с. 173; 30, с. 36].

Известны, к примеру, типы деревянных храмов, подобные которым в прошлом веке насчитывались еще десятками. Сегодня от них остались единицы. О существовании других мы знаем только по фотографиям конца прошлого—начала нашего столетия. Несметное число было лишь упомянуто летописями, писцовыми книгами или иными документами прошлого. А сколько исчезло и вовсе бесследно?! Не дошла до нашего времени и ни одна деревянная крепость***.

Естественно, что все, интересовавшиеся деревянной архитектурой, стремились прежде всего как можно больше зафиксировать из того, что сохранилось. Еще в 20-е годы академик И. Э. Грабарь с большой прозорливостью писал: «Изучение народного искусства русского севера находится в том зачаточном состоянии, когда приходится думать не столько о научном его исследовании, сколько о простом накоплении материала. Мы все еще слишком мало собрали и потому слишком мало знаем, чтобы решать сложные и спорные вопросы о происхождении и эволюции отдельных типов и форм, и даже хотя бы серьезно систематизировать собранное: пока надо только ездить, фотографировать, зарисовывать, собирать эти исчезающие с каждым годом бесподобные вещи, а там когда-нибудь доберемся и до исследований» [27, с. 3].

Надо сказать, что трудами обездивших и исхивших основные дороги русского Севера сделано было чрезвычайно много. Архитекторы В. В. Сулов (1857—1921), Д. В. Милеев (1878—1914), Ф. Ф. Горностаев (1867—1915), Л. Р. Сологуб (1884— ?), К. К. Романов (1882—1942), художники и историки искусства И. Э. Грабарь (1871—1960), И. Я. Билибин (1876—1942), В. А. Плотников (1866—1917) и многие другие еще до 1917 г. сфотографировали и обмерили сотни памятников****. Их работу продолжили советские историки архитектуры.

Собранный материал лег в основу тех капитальных исследований, появление которых предсказывал И. Э. Грабарь. Это неопубликованная работа К. К. Романова о крестьянском жилище*****, книги Р. М. Габе [26], С. Я. Забелло, В. Н. Иванова и П. Н. Максимова [34], Е. А. Ащепкова [16], И. В. Маковского [43], В. П. Орфинского [52]. Особняком среди них

* В. П. Орфинский относит церковь Лазаря к XVI в. (1578 г. ?) — см. Орфинский В. П. Логика красоты. Петрозаводск, 1978, с. 59—60.

О том же писал и М. В. Красовский [39, с. 184].

** Согласно недавно обнаруженному документу, Георгиевская церковь построена в 1522 г. (ЦГИА, ф. 796, оп. 37, № 56, л. 1 об.).

*** Сохранились лишь искаженные перестройками башни Якутского, Илимского, Бельского и Братского острогов, а также надвратная башня Николо-Корельского монастыря, перевезенная в московский музей села Коломенского [35, с. 201; 21, с. 7—29; 37, с. 41—42; 34, с. 67—68].

**** Большинство обмеров и фотографий памятников деревянной архитектуры хранится в Научно-исследовательском музее Академии художеств СССР, Ленинградском отделении Института археологии АН СССР и Научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева.

***** Архив ЛОИА, ф. 29, оп. 2, № 1123.

стоит труд М. Г. Милославского о технике деревянного строительства на Руси [45], целиком построенный на богатом архивном материале.

И все же наши представления о деревянных постройках прошлого, даже не очень древнего — 200—300-летней давности, о многообразии существовавших типов, об их распространенности, о богатстве конструктивных и композиционных решений до сих пор имеют большие пробелы. Достаточно сказать, что еще по существу не прослежено развитие основных типов культовых построек, не выявлена история формирования ни одного ансамбля деревянного погоста или монастыря.

Русская деревянная архитектура, на протяжении всего средневековья с исключительной полнотой отражавшая как развитие производительных сил, так и пути формирования национальной культуры народа, отражавшая его жизнь, его верования и представления, нуждается в своей истории. До недавнего времени существовала парадоксальная ситуация, когда древнейшие формы деревянного зодчества изучались на примере памятников... XVI—XVIII вв. Ошибочность такого подхода стала очевидной по мере накопления археологических материалов.

Теперь наши сведения о деревянной архитектуре до эпохи монгольского нашествия, пусть скудные и отрывочные, почти целиком основаны на данных археологии, совершившей подлинный переворот в исторических знаниях. Оказалось, что повышенная влажность нижних слоев почвы в Новгороде, Ладоге и ряде других мест предохраняет дерево от гниения: некоторые восьмисотлетние бревна, найденные при раскопках, сохранились так, что могли бы и теперь быть использованы для строительства.

К сегодняшнему дню открыто около двух тысяч остатков жилищ ранней поры, но в лучшем случае это развал печи, фрагменты пола, два-три нижних венца. Счастливое исключение представил собой киевский Подол, где во время раскопок были найдены срубы X—XI вв., которые возвышались на шесть—девять венцов [61, с. 449]. Однако среди находок, к сожалению, нет таких, о которых можно было бы точно сказать, что это остатки церквей или часовен. Причем подавляющее большинство жилищ найдено на территориях городских поселений, а древнерусские селыща по-прежнему остаются слабо исследованными.

Тем не менее сделано археологами немало: удалось выявить распространенность тех или иных планов жилища, некоторые конструктивные детали. Но как выглядели эти строения? Сколько они имели этажей? Какие были у них окна, кровли, крыльца? Разбросанные по дворовому участку, соединялись ли они друг с другом? Иными словами, «ни внешний облик древних жилищ, ни их внутреннее оборудование мы и

сейчас не можем представить себе достаточно ясно» [55, с. 104].

Долгое время господствовало убеждение, что жилище мало изменялось на протяжении веков. И. Е. Забелин — один из крупнейших знатоков культуры древней Руси в XIX в. — выразил эту мысль с предельной ясностью: «...теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился, может быть, за триста, четыреста и даже за тысячу лет» [33, с. 27]. И вот появилась книга Ю. П. Спегальского, в которой доказывается, что облик древнейших построек Руси мало напоминал позднейшие, что многие строительные формы на протяжении веков исчезали бесследно. Автор одним из первых в нашей исторической науке предложил целую серию смелых графических интерпретаций остатков деревянных строений, открытых археологами.

«Более или менее ясное представление о древней постройке, — писал ученый, — не только воплощается в изображениях ее первоначального вида, но и складывается в значительной мере именно в серьезной работе над ними» [58, с. 15]. В этой книге много спорного и предположительного, но бесспорно одно — она знаменует собой определенный этап в изучении деревянной архитектуры древности и призывает к дальнейшим сопоставлениям и накоплению фактов.

• Положение существенно меняется, когда мы обращаемся к более позднему периоду русского средневековья: археологические источники здесь отступают на второй план, ибо археологи исследуют по преимуществу памятники домонгольской эпохи. Однако значительно богаче становятся памятники письменные. Это различные грамоты — купчие, вкладные (в монастыри), закладные, переписные и прихода-расходные книги, в которых нередко встречаются подробные описания деревянных построек.

Исключительное место занимают строительные порядные (от древнерусского «р я д» — договор), заключавшиеся между заказчиками, которыми чаще всего были крестьянские общины-миры или монастыри, и плотниками. По существу это единственные документы, составленные самими мастерами. Там мы находим не только условия найма, но и ссылки на образцы, описание деталей будущей постройки — иначе говоря, ее словесный проект, ибо чертежи и эскизы в современном понимании, как правило, тогда не применялись.

Эти порядные до сих пор мало изучены, даже далеко не все выявлены, хотя их значение по достоинству было оценено еще И. Е. Забелиным: «В числе материалов для истории наших древних художеств и ремесел, — писал он, — подрядные записи по богатству данных занимают одно из важнейших мест. Без них и сами памятники останутся навсегда немые. Техническое же дело древних художеств с его неясными терминами... может быть разъяснено единственно только при

помощи этих записей, в которых находим самые подробные указания по этому предмету» [32, с. 159].

⁴ Для изучения деревянной архитектуры XVI—XVII вв. мы располагаем, кроме того, немногочисленными, но разнообразными изобразительными источниками. Это рисунки иностранных путешественников, планы (в старину их называли чертежами) некоторых городов и селений,⁵ которые составлялись при строительстве новых городов-крепостей или при перестройке старых, а также для разбора земельных тяжб. Выполнены они без соблюдения масштаба и часто соединяют в себе собственно план (иногда там указаны размеры города) с изображением фасадов, что позволяет в той или иной степени представить внешний вид построек. Судя по описям Царского архива и Разрядного приказа, в Русском государстве чертежи были широко распространены. Достаточно сказать, что по одному Белгороду их перечислено 27 [18, с. 62]. К сожалению, от этого богатства до нас дошли лишь обрывки, нередко в самом прямом смысле слова.

• Кроме того, в XVII в. начинают изображать деревянные церкви и целые монастырские ансамбли на иконах, посвященных местным северным святым. Правда, передача подлинной архитектуры никогда не являлась целью иконописцев и все же изредка они писали вполне конкретные, даже узнаваемые храмы, как бы представлявшие святого и его обитель. Привлечение письменных сведений, а когда возможно, и натуральных, сравнение с аналогичными из сохранившихся памятников позволяет использовать и этот трудночитаемый источник [48, с. 333, 343].

После сказанного не приходится удивляться, что памятники деревянного зодчества все чаще и чаще мы изучаем не под открытым небом, а в тиши музеев и читальных залов, ибо материалы о них рассеяны по фондам многих архивов и рукописных отделов библиотек. На соби́рание этих бесценных крупиц уходят годы. Иногда целые недели не дают никакого «улова», не сбываются самые заветные надежды, но случается (чаще всего неожиданно), что вы вдруг находите то, что уже отчаялись найти или же вовсе не искали: год постройки «вашего» памятника, имена строителей, «роспись» — описание города-крепости, запись о расходе строительных материалов, смету XVIII или XIX вв. на ремонт, из которой иногда можно узнать об исчезнувших частях, о первоначальном покрытии кровли, о существовании крылец, о прежнем иконостасе, который заменяют по ветхости, и т. д. Если же нашлось старинное изображение — это редкая удача.

Постепенно вы сживаетесь со «своим» памятником и от души радуетесь любому упоминанию о нем, будто это весть о родном человеке. Так давно не существующее сооружение неизвестных мастеров начинает жить новой жизнью. Понемногу заполняются «белые пятна» его строительной биогра-

фии: к одному документу рано или поздно приходит другой, третий. Вместе с тем, естественно, появляются и новые вопросы, и новые предположения. Сопоставление многочисленных свидетельств, кстати, нередко противоречивых, приводит к тому, что в вашем сознании все отчетливее вырисовываются контуры памятника, определяются этапы в жизни целого погоста или монастыря, затерянного где-нибудь в глухих северных лесах. И тут мы подходим к важному моменту исследования, когда все наши знания, представления и даже догадки суммируются в реконструкции на бумаге.

Разумеется, графическое изображение — не фотография, это скорее гипотетический портрет, в одних деталях которого мы уверены вполне, в других сомневаемся, но, как справедливо писал Ю. П. Спегальский, «предположения и допущения в такой работе неизбежны... Попытка обойтись без гипотез привела бы не к объективности, а, наоборот, к явному искажению фактов... Значение гипотезы нельзя не только отрицать, но и не в меру ограничивать — она должна получать место и в решении широких вопросов, и при реконструкции отдельных зданий» [58, с. 16].

Сегодня мы еще далеки от того, чтобы с достаточной полнотой представить картину развития народного зодчества даже в позднем средневековье, не говоря уже о раннем. История деревянной архитектуры, если она будет написана, непременно явится итогом общего труда архитекторов, археологов, историков, этнографов, искусствоведов.]

Продолжая мысль И. Э. Грабаря, можно сказать, что задача современных исследователей — завершив изучение того, что осталось от деревянной архитектуры, начать собирание и систематизацию письменного, а также изобразительного материала. Цель же этой книги — показать на нескольких примерах результаты сопоставления разнородных источников: актов, чертежей, икон XVII—XVIII вв., фотографий начала нашего столетия, материалов натурного изучения сохранившихся построек. Это лишь отдельные страницы истории деревянного зодчества, рассказывающие о давно и недавно исчезнувших памятниках. Подобные им составляли некогда лицо северной Руси, ибо каменные храмы и палаты, хотя и строились в XVI—XVII вв. чаще, чем прежде, но на Севере все же были редкостью.

Читатели узнают о крестьянских и посадских дворах Тихвинского посада, о богатых хоромах Вологды и Олонца, о храмах на берегах Северной Двины и Минцы (в бассейне Мологи), о формировании ансамблей Введенского погоста на Устье — притоке Ваги и Александро-Ошевенского монастыря неподалеку от Каргополя, наконец, о строительстве «города» в Олонце — одной из самых значительных деревянных крепостей на Севере в XVII в. Здесь пойдет речь также и о плот-

ничьих артелях, их повседневной работе и инструментах, о секретах мастерства.

Мы специально приводим много старинных документов, чтобы читатель смог сам «услышать» язык ушедшей эпохи и сам увидеть, каким образом интерпретируется их текст, не всегда и не во всем до конца понятный теперь даже исследователю.

«Рубить... добро и стройно» — записали плотники в одной из своих порядных. В этом обязательстве — вся суть народного зодчества, воплотившего в себе и человечность, и высокое мастерство, и извечное стремление людей к гармонии — к стройности, как сказали бы в старину.

І. ТИХВИНСКИЕ ДВОРЫ И ВОЛОГОДСКИЕ ХОРОМЫ

*А во дворе хором:
изба, да клеть, да сени...*

Во всем многообразии деревянных строений на Руси жилые и хозяйственные — самые распространенные. Это избы, горницы, повалуши, сени, клетки, а также погреба, мшаники, повети, конюшни, хлева, сенники, амбары, сараи, житницы, гумна, овины и другие постройки, объединенные в прошлом общим словом «хоромы». Но почти ни одна из них не сохранилась даже от XVIII в., не говоря уже о более ранних временах. Обращаться в нашем случае к этнографическим материалам следует с осторожностью, ибо некоторые характерные черты жилища XIX—XX вв. сложились относительно поздно [30, с. 48; 43, с. 230—231; 65, с. 99—100; 58, с. 69]. И потому особое значение имеют для нас два известных плана Тихвинского посада 70-х гг. XVII в.*, один из которых обычно называют планом Ивана Зеленина (рис. 1, вклейка).

Здесь мы ограничимся главным образом ими и впервые публикуемой порядной на строительство в Вологде двух горниц (см. приложение). Дальше, рассказывая об Олонце, мы еще раз вернемся к гражданским постройкам, чтобы рассмотреть хоромы воеводы, дьяка и приказную избу, стоявшие на территории крепости. Однако надо напомнить, что все эти строения дают представление лишь о незначительной части северных жилищ XVII в.

Хотя к планам Тихвинского посада исследователи обращались неоднократно, запутанная история их создания до недавнего времени оставалась невыясненной. А между тем ее изучение помогает уточнить даты составления планов, а также определить степень достоверности изображенных там посада и близлежащих деревень.

Снятие этих планов связано с многолетней тяжбой двух тихвинских монастырей — мужского Успенского с женским Введенским из-за двух деревень и относящихся к ним сениных покосов. По челобитью Введенского монастыря и царскому указу осенью 1678 г. были посланы из Новгорода «для земляного розмеру и чертежу» дворянин Иван Дмитриевич Зеленин и подьячий Петр Евстафьев **. Они «досматривали» спорные земли и составили их первый «чертеж», на основании которого новгородский воевода князь Ю. М. Одоевский принял решение в пользу мужского монастыря. Тогда «введенские власти» составляют новую челобитную, обвиняя И. Зеленина и П. Евстафьева, что они-де осмотрели не все угодья и составили «неправый чертеж». Князь Ю. М. Одоевский приказывает

* Один план хранится в архиве ЛОИИ АН СССР (колл. 220, № 167), другой в ЦГАДА (ф. 192, Новгородская губ., № 9). Целиком они никогда не воспроизводились. К. Н. Сербиной была опубликована лишь копия первого плана, выполненная в XIX в. [57]. Большие фрагменты его оригинала см. в книге С. Забелло, В. Иванова, П. Максимова [34, с. 61—63].

** ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, № 2 — Тяжбное дело Тихвинских монастырей, 1678—1687 гг., сст. 22—24 и др.

снова «спорную землю... досмотреть и чертеж написать... никому не дружа, не норовля».

7 ноября 1679 г. И. Зеленин и П. Евстафьев сделали новое подробное описание-досмотр спорной земли и *«тем спорным землям чертеж написали и тот чертеж в деле за их руками»*.* На этом основании можно предположить, что Зелениным и Евстафьевым было снято два плана: первый — осенью 1678 г., второй — в начале ноября 1679 г. О распределении между ними обязанностей мы можем только предполагать: скорее всего дворянин И. Д. Зеленин руководил работой и составлял «досмотр», а служивый человек подьячий П. Евстафьев непосредственно выполнял чертеж. Последний еще целиком находился во власти иконописной традиции.

В январе 1680 г. тяжбное дело рассматривалось самим царем. В связи с этим несколько ранее в Москву направился Ю. М. Одоевский. Для этого в декабре была снята копия со всего спорного дела, а 29 декабря 1679 г., как видно, с той же целью иконописец Иван Андреевич Квасников сделал копию чертежа, которую новгородский воевода взял с собою в столицу**. Следовательно, эта копия явилась как бы третьим вариантом плана.

С какими же из указанных вариантов следует связать два известных нам чертежа? Скорее всего первым является план, хранившийся в монастырском архиве и, судя по надписи на его копии XIX в., относившийся к 1678 г. Второй, находившийся в Москве при Тяжбном деле среди грамот 1679 г., — копия, выполненная И. А. Квасниковым для Ю. М. Одоевского. План же, изготовленный Зелениным и Евстафьевым в ноябре 1679 г. и находившийся вместе с подлинным делом в Новгородской приказной палате, по-видимому, исчез: по крайней мере, в архивном фонде этой палаты его обнаружить не удалось.

Значит, дошедшие до нас чертежи выполнялись разными людьми. За это говорит и различие почерков, и то обстоятельство, что московский план по сравнению с монастырским исправляет некоторые неточности в передаче архитектуры, но в то же время носит следы спешки: одни строения там недорисованы, другие переданы упрощенно. Это легко объяснить: иконописец, по-видимому, торопился, срочно снимая копию для отъезжавшего в Москву новгородского воеводы [47, с. 203–204].

Так ожесточенная земельная тяжба привела к появлению планов, давших нам редкую возможность сопоставить их с письменными документами, а чертежников этот спор заставил быть особенно точными. Именно точности требовал от них и государев указ: *«учинить чертеж — Успенской монастырь мужской с Введенским девичьем монастырем далеко ль имеет расстояние... и много ль в той слободе дворов и какие люди живут... опясть имянно и измерить, и начертить на чертеж чинственно и подлинно...»****.

Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 29, № 74, сст. 14 и др.

** Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 26, № 130, сст. 29. Приводим полностью запись в приходе-расходной книге монастыря: «... месяца декабря ... в 29 день ... дано иконописцу Ивану Андреевичу сыну Квасникову, что списывал чертеж с введенскими, от письма боярин князь Юрьи Михайлович Одоевской с собой к Москве». (там же, оп. 2, № 351, л. 419 об.). Сам иконописец, судя по фамилии, происходил из квасников, которых на Тихвинском посаде насчитывалось тогда 14 семейств, наследственно занимавшихся этим промыслом [57, с. 169–170].

*** Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 26, № 130, сст. 67.

На планах ощущается стремление охватить все пространство единым взглядом, как бы с птичьего полета, но в то же время одни постройки изображены во фронтальной проекции, другие — в аксонометрической (все деревянные обычно показаны с угла: это помогает выявить их объем), реки, дороги — в горизонтальной (к тому же в подлиннике они выделены цветом). Если еще напомнить, что на чертежах XVII в. обычно отсутствуют масштаб и ориентация по странам света, то становится ясно: несмотря на явное стремление к достоверности, взаиморасположение строений соответствовало реальному лишь в общих чертах. Но сами постройки изображены столь тщательно, с таким количеством узнаваемых деталей и таким пониманием их конструктивной логики, что оба плана являются незаменимым источником для изучения и каменной архитектуры двух монастырских ансамблей XVI—XVII столетий, и деревянной — как жилой, так и церковной.

На левом берегу реки Тихвинки, изображение которой пересекает чертеж сверху вниз, показан мужской монастырь с пятиглавым Успенским собором в центре. Ниже, за Вяжицким ручьем и полем — обширный посад. На другой, правой стороне реки, чуть поодаль от нее — Введенский монастырь. Вокруг этих трех центров расположились монастырские слободы и деревни. Некоторые из них стоит рассмотреть повнимательнее. Ценность такого подхода прекрасно доказал Г. Г. Громов [31], вслед за М. В. Красовским [39, с. 45—49] использовавший Тихвинский план 1678 г. как самостоятельный источник по истории древнерусского жилища.

Деревня Фишева Гора (рис. 2), расположенная по течению Тихвинки выше Успенского монастыря, состоит из двух порядков домов: слева — три двора,* справа — четыре. Основу каждого составляет четырехугольный сруб (в старину его называли стопой), сложенный из ряда венцов с выпусками концов бревен по углам, иными словами рубленный «в обло» (иначе «в угол» или «в чашу»): в морозные зимы

* Понятие «двор» мы употребляем в его историческом значении, имея в виду участок земли с постройками, составляющими отдельное хозяйство.

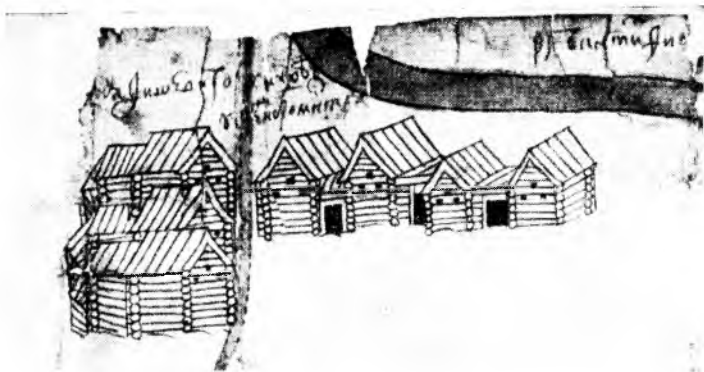
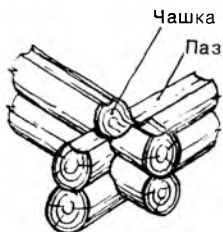

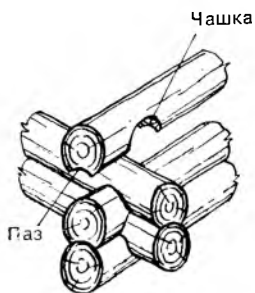
Рис. 1 (вклейка). План Тихвинского посада 1678 г.
Архив ЛОИИ АН СССР

Рис. 2. Деревня Фишева Гора
Фрагмент плана Тихвинского посада 1678 г.

РУБКА «В ОБЛО»:

**С ЧАШКАМИ И ПАЗАМИ
В НИЖНИХ БРЕВНАХ**

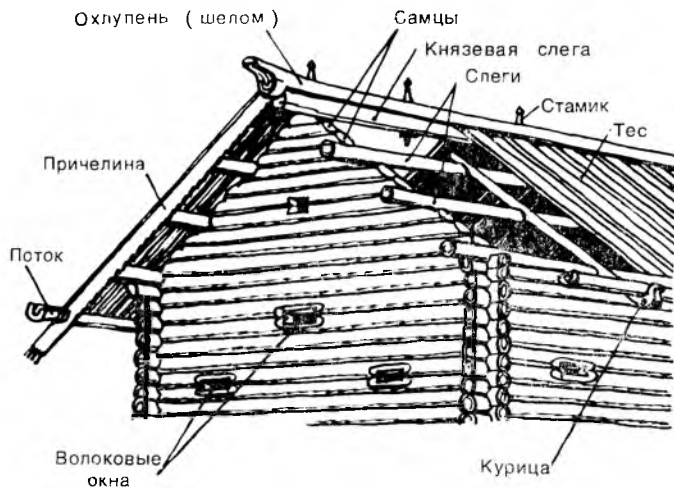
**С ЧАШКАМИ И ПАЗАМИ
В ВЕРХНИХ БРЕВНАХ**

это мешало промерзанию сруба. Все чашки вырубали строго по форме укладываемых в них бревен. Кроме того, в каждом венце делали продольный паз, чтобы сруб был плотнее. Позднее и паз, и чашку стали выбирать в нижних горбах верхних бревен: так вода почти не попадала в пазы и сруб лучше был предохранен от загнивания. В XVII в. для более прочной связи венцов применялась, кроме того, двойная припазовка — сверху и снизу (например, в заполярном городе XVII в. Мангазее [50, с. 44]).

На торцовых фасадах хорошо видно, что бревна, украчиваясь, поднимаются до самого конька: перед нами самцовая конструкция кровли, и поныне широко распространенная на Севере. Суть ее в том, что в самцы — бревенчатые обрубки, замыкающие треугольником чело избы, врубаются длинные бревна — слегги, по которым на оба ската настилают тес. Его верхние концы, лежащие на последней, князевой, слеге, обычно заводятся под тяжелое бревно, в нижней части имеющее паз, — охлупень, или шелом. Внизу тесины упираются в поток (желоб), который отводит воду подальше от сруба. Желоба, в свою очередь, лежат на крючьях-курицах, вырубленных из нетолстых елей: у них чаще всего встречаются корни, отходящие от ствола почти под прямым углом, — готовый крюк. Известна археологическая находка курицы с вырезанной из елового комля головой дракона в новгородском слое XI в. [35, с. 39]. Верхние концы куриц врубались в нижние слегги.

Чтобы выступающие из-под кровельного настила концы слег-обрешетин не сырели, их закрывали причельными досками, всюду показанными на нашем плане (в приходорасходных книгах Успенского монастыря они называются «прибоины»). А вот охлупни, курицы и желоба на планах не нарисованы, хотя эти неперменные принадлежности самцовой кровли были, конечно, и в тихвинских постройках. Не случайно их часто упоминают те же монастырские книги: «куплено... десять куриц на кролю» (1628 г.), «делали потоки, да шелом» (1649 г.), «потоки делали и курицы врубали» (1657 г.) и т. д. Судя по данным археологии, такая конструкция кровли была характерна для древнерусских срубных построек начиная с IX века [55, с. 144; 64, с. 52—53].

Окна у всех домов по высоте не больше одного бревна. Изнутри они задвигались затворкой (заволакивались); отсюда и название — волоковые. Их треугольное расположение, не раз отмеченное в рисунках иностранных путешественников XVII в., да и зафиксированное некоторыми исследователями в натуре, известный этнограф Е. Э. Бломквист объясняла тем, что через среднее, повышенное оконце выходил дым, скапливавшийся вверху [23, с. 119—120], так как избы топились по-черному. К тому же оно немного освещало и все помещение.

Левое, называвшееся передним, располагалось у красного угла, бросая свет на обеденный стол, и правое, судное, приходилось напротив посудного полавника [43, с. 110—111] и устья печи, которое, видимо, было обращено к торцовому уличному фасаду. В таком случае печь должна была стоять у одной из продольных стен, скорее всего у левой от входа, ибо противоположный угол, освещавшийся двумя оконцами — передним и еще одним — в боковом фасаде, несомненно, был красным [54, с. 236].

Так расположение окон треугольником помогает ответить на вопрос, почему у всех тихвинских построек отсутствуют трубы. «Горечи дымная не претерпев, тепла не видати», — говорит древнее изречение. Иными словами, дома топились по-черному.

У пяти из семи изб Фишевой Горы довольно высокие срубы: вероятно, они стоят на подклетах (подызбицах). Это предположение косвенно подтверждается документами. Так, порядная 1622 г. на рубку избы особо оговаривает ее высоту: «...сделать двери на четвертом ряду» [43, с. 22]. Если учесть, что употреблялись бревна «в огрубе» (в диаметре) *семи вершков* ($4,5 \times 7 = 31,5$ см), то порог оказывался поднятым над землей на 1,26 м; матицу — толстый поперечный брус, на который настилали потолок, — клали «на пятнадцатом бревне». Следовательно, высота жилого помещения достигала 3 м. В порядной 1634 г. читаем: «а поставити та изба на семнадцатом матица» [11, XIV, стб. 931]. Здесь высота до кровли около 5 м. Несомненно, что обе избы имели подклет. В самых бедных избах потолок иногда вовсе отсутствовал, им в таком случае становилась нижняя сторона крыши [23, с. 79—80; 54, с. 166—167, 221].

К трем избам, стоящим на левой стороне дороги, сзади примыкают срубы пониже, видимо служившие для хозяйственных целей, — клетки, но не крытые дворы, характерные для большого северного дома XVIII—XIX вв., где под одной кровлей находились изба, горница, сени, клетки и собственно двор — хлева с поветью над ними [23, с. 161—172; 65, с. 91]. При однорядной связи такой двор по длине занимал обычно $\frac{4}{5}$ всей постройки. В Фишевой Горе, наоборот, второй сруб явно меньше первого. В старину в клетях иногда жили [67, с. 300], хотя они всегда оставались неотапливаемыми. Чаще же всего здесь хранили зерно и домашний скarb: явки* XVII в. на воровство из клеток упоминают там «сусеки» с рожью и ячменем [11, XXV, стб. 94], перечисляют украденное оттуда — шубу, простыни, рубахи, головные платы [11, XIV, стб. 698].

Наконец, за клетями на плане показаны еще более низкие пристройки. Сравнение последних с тем, что мы увидим дальше, в деревне Стретилово, позволяет думать, что это крытые хлева или пригоны для скота.

На противоположной стороне дороги стоят такие же избы. Впрочем, две из них ниже других — вероятно, наземные, т. е. поставленные прямо на землю, без подклета. Самое же примечательное то, что все они соединены друг с другом рублеными стенками, в которых показаны широкие ворота, состоящие из двух столбов, связанных вверху перекладиной-прогоном, в него упираются тесины, составляющие плоское перекрытие дворов, — прием, сохранившийся до наших дней только в Сибири [20, с. 25].

Деревня Стретилово (рис. 3) на плане полностью соответствует ее описанию в «Досмотре» Ивана Зеленина: «...против слободки (Введенского монастыря — прим. авт.) ...деревня

* Явка — письменное или устное публичное объявление властям о каких-либо противозаконных действиях или несправедливостях.

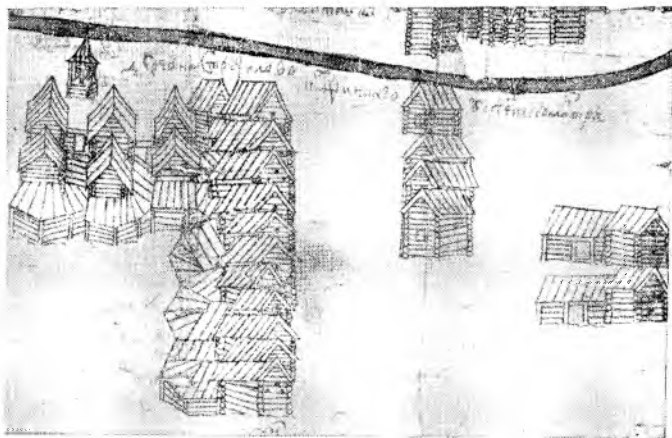
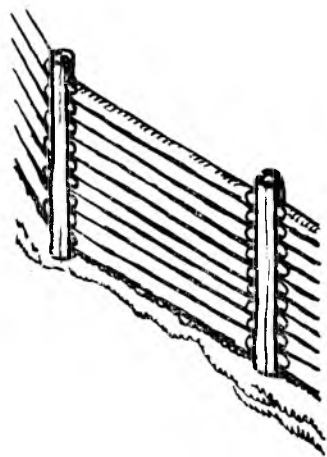

Рис. 3. Деревня Стретилово
Фрагмент плана Тихвинского по-
сада 1678 г.

Стретилова... по конец тое деревни... на Паской дороге (в сторону Паши — прим. авт.) — крест». Он укреплен в срубце, сложенном из трех венцов, но не бревенчатых, а брусьяных, а потому рубленном в углах без выпусков, «в лапу» или, что одно и то же, — «в чистый угол». Над крестом — небольшая шатровая сень с пологой полицей. В 1664 г. плотникам Григорию Межанину «с товарищы» Успенский монастырь запластил за точно такой же крест (уж не за тот ли самый? Ведь деревня принадлежала этому же монастырю). Они «рубили у креста обруб и забирали кругом тесом в косяк и где кресту стоять делали место, и наверху подволоку, и шатер, и главу»*.

ЗАПЛОТНАЯ ОГРАДА

Такие поклонные кресты в прошлом — неотъемлемая часть северного пейзажа. Они стояли у перекрестков дорог, у мостов, посередине небольших деревенских площадей, иногда — за околицами. Сравнивая изображение подобных крестов на Тихвинском плане с теми, что запечатлены на старых фотографиях [39, с. 48], убеждаешься как в неизменности этих сооружений на протяжении 200—250 лет, так и в поразительной точности чертежника.

Далее «Досмотр» указывает, что «в тое деревни» 14 дворов, а «по Паской дороге... стоит три двора», т. е. деревня расположена Г-образно. Эти три особо упомянутых двора, обращенные к дороге, показаны сзади. Это позволяет видеть, что в каждом из них, как и в Фишевой Горе, к задней стене избы примыкает низкая клеть. Соединены дворы друг с другом рубленой оградой, в которой сделаны ворота. Однако покрытие дворов, в отличие от того, что отмечено в предыдущем случае, начинается с некоторым отступом от ворот. Односкатная тесовая кровля, упираясь в стены избы и стоящей за ней клетки, плавно огибают срубы.

Стены этих хлевов, или загонов, состоят из отдельных присел столбовой конструкции: два столба, врытые в землю, с обеих сторон имели пазы, в которые вставлялись концы — «пальцы» горизонтально положенных бревен — заплотины. «Заплоты вокруг двора» нередко упоминаются в порядных. «два звена заплоту нового... срубить, а концы в столбы забрать»**. Но вот под Вологодой в 1583 г. мы встречаем: «около двора заплотины и с кровлею...» [12, I, стб. 257], т. е., по-видимому, так, как это показано в Стретилове.

Итак, каждый из трех дворов здесь состоит из избы, клетки и крытого хлева-пригона. Дворы иногда имели «мосты» — настилы из колотых досок или плах, которые часто находят при раскопках древних усадеб [61, с. 449—450; 54, с. 163].

В главном порядке деревни «...к Тихвинскому посаду лицом... стоит 11 дворов». Напротив — четыре рубленых амбара (в их торцовых стенках видны небольшие дверные проемы): за своим добром можно было приглядывать прямо из окон. Еще дальше — два гумна, стены которых забраны в столбы,

* Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, № 207, л. 92 об. Подволока — потолок.

** ЦГИА, ф. 950, оп. 1, № 336, л. 5.

и рубленые овины, где сушили зерно. Среди 11 дворов выделяется только угловая изба, обращенная к дороге продольным фасадом, ибо рядом с ней — высокая постройка, также крытая двускатной кровлей. Видимо, перед нами то, что документы описывают так: *«изба да клеть на подклете, меж ними сени»*.

Скат кровли низкого сруба, связывающего между собой более высокие, несомненно, принадлежит сеням. Подобные постройки, состоящие из трех или более частей, в старину весьма точно называли связями. Остатки их прослеживаются археологами с XII в.

Хорошо изображены сени в группе домов Введенской Слободки, стоящей по другую сторону Пашской дороги (рис. 4). Там на московском чертеже, у самого моста, ведущего к Водяным воротам монастыря, показана такая же трехчастная связь (1 на рис. 4). Один ее сруб — изба с характерным треугольным расположением волоковых окон на торцовом фасаде и с еще двумя окнами — на боковом. К ней прирублены низкие и более узкие сени, в стене которых видно большое окно, называвшееся красным (красивым) оттого, что пропускало сравнительно много света и имело слюдяную оконницу. Иначе его называли косящатым, так как оно было обрамлено косяками. Такие окна для XVII—XVIII вв. — первый признак состоятельного хозяина.

Еще в былинах пели:

Построены терема высокие,
Просечены окна косявчаты
И поставлены колоды белодубовы...

Упоминаются они также и в тихвинских документах: *«делали в гостиных сенях двери и окна с косяками»*, *«делали у Родионовой кельи окно красное»**

* Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, № 105, л. 22 (1648 г.); № 172, л. 31 об. (1658 г.).

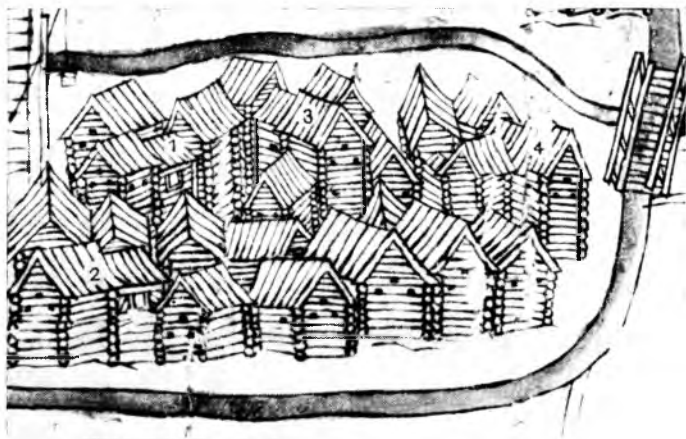

Рис. 4. Группа домов Введенской Слободки у моста
Фрагмент плана Тихвинского посада 1679 г. (ЦГАДА)

Сени издревле были самым светлым и обширным помещением дома. Не случайно в древности в них устраивали пиры, принимали гостей, играли свадьбы. Так, в свадебном причитании на Печоре пели:

Станем мы да в новы сени,
Во новы сени да во холодные,
На гладкие полы да на еловые,
На часты мелки да перекладинки,
Мы отворим да двери на пятау,

т. е. распахнем их настежь (пятау — выступы у дверных полотнищ — обнаружены при раскопках мангазейских дворов XVII в. [50, с. 45]).

К XVII в. сени уже приобрели значение передней, прихожей, сохраняя в то же время отдельный сруб. В нашем случае их стены, по-видимому, сложены из плах («пластин»), забранных заплотом, ибо в месте их примыкания к другому сруб показаны две вертикальные линии, обозначающие столб.

Есть сени и в другом доме той же Слободки, в том, что стоит у отворота дороги к монастырю (2 на рис. 4). Похоже, что тут нижняя часть сеней — под сенью — рублена так же, как и изба, а вот верхняя, где опять расположено красное окно, — тесовая: чертежник хорошо показал, что тес лежит под углом, т. е. забран «в косяк». Такая облегченная конструкция сеней связана с тем, что они всегда оставались неотапливаемыми. В конце XVII в. описи все чаще упоминают «бреветные сени», т. е. целиком сложенные из бревен, как, например, в третьем доме той же Слободки, обращенном к Введенскому ручью (3 на рис. 4). Только тут в стене сеней окно не красное, а обычное, волоковое. Один сруб этой связи показан выше соседних: в нем двенадцать рядов, а если учесть, что его нижняя часть не видна, то можно предположить, что сруб состоял из 15—16 венцов. При толщине бревен «в отрубе» около 7 вершков высота до кровли получается несколько больше 5 м. Значит, существовал подклет, причем в данном случае жилой, ибо ниже обычного треугольника окон есть еще окно.

Однако вернемся к сениям. Бывали случаи, когда они связывали не два, а три сруба: последний прирубался перпендикулярно, как это можно видеть в доме, стоящем у второго моста через Введенский ручей. Тут получается в плане Т-образная связь (4 на рис. 4).

В рассмотренных трехчастных домах обращает на себя внимание то, что одни срубы выше других. «Поставити мне новая изба, — читаем в порядной 1573 г., — четырех сажен без локти (около 6,25 м) и с углы (т. е. рубленную «в обло») а другие стены трех сажен (около 6,5 м) ..., а до куриц вверх дватцать три ряды (примерно 6,5—7,0 м, следовательно, на подызбице), да поставити мне вново клеть меж углы двоих сажень (около 4,3 м), до куриц дватцать пять рядов (при-

СТЕНА, ЗАБРАННАЯ «В КОСЯК»

мерно 6,75—7,25 м)» [11, XIV, стб. 105]. Тут — редкий случай — клеть оказалась выше избы. Обычно же более высокие срубы относились к горницам или повалушам. Само слово «г о р - н и ц а» уже содержит в себе понятие о *горнем* — высоком. Рубились они всегда на подклетах, имели печи, но только для тепла, а не для стряпанья, и по сравнению с избами были более чистыми и светлыми постройками.

П о в а л у ш а — самая высокая среди всех хором — на крестьянском дворе встречалась еще реже, чем сени. Название свое она получила, по-видимому, от п о в а л о в — выпусков бревен верхнего этажа. Использовали повалуши как кладовые ценного имущества, как спальни в летнее время: не случайно в описании двора богатого торгового человека Белоозера упомянут «в повалуше ковер полавоиный» [22, с. 125]. Однако повалуши и горницы и по своим пропорциям, и по назначению близки друг к другу, а потому вопрос об их отличиях уже давно вызывает споры [58, с. 115—118, 122—126; 54, с. 228—229]. Высказано убедительное предположение, что повалуша еще в XVI в. являлась своего рода крепостью для обитателей феодальной усадьбы [66, с. 63—69].

Чертежнику прекрасно удалось показать тесноту застройки монастырской Слободки. Кажется, дома чуть ли не налезают

Рис. 5. Группа домов Введенской Слободки у Святых ворот
Фрагмент плана Тихвинского посада
1678 г.

Рис. 6. «Скотской двор» Введенского монастыря
Фрагмент плана Тихвинского посада
1678 г.

друг на друга. Понятно, почему среди крестьянских явок бывали и такие жалобы: «...тот Ларион... своим двором... у нас домовые дворишка заставил и свет от изб отнял, и с своих хором водной поток пропустил на наши... дворишка и заплоты, и хоромы у наших дворов гноит...» [11, XXV, стб. 64]. Или же в челобитной архимандриту Большого Тихвинского монастыря «посадской жилишко» Яков Филипов обвиняет «суседа своего» — Киприяна Иванова сына в том, что последний поставил горницу не «по своей земле», «заборишко... вырыл» и потому «в дорожишках проехать на телеги не можно для тесноты»*.

За ручьем показана часть Слободки, где «живут слушки» (рис. 5). Здесь наибольший интерес представляет усадьба, стоящая у поворота дороги к Святым воротам. Все постройки в ней расположены по периметру открытого двора, который от дороги отделен тыном — изгородью из стоячих бревен. Посередине — ворота. Поверх тына и ворот — двускатная кровля, с обеих сторон упирающаяся в стены изб. О подобных воротах говорится в купчей 1689 г.: «ворота новые в верях (столбах), а над вороты кровля з зубцами» [12, II, стб. 219].

Левая «хоромина» этой усадьбы примечательна не только своей высотой, но и тем, что на ее торцовом фасаде среднее

* Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 1, № 66.

окно не волоковое, а красное. Это заставляет видеть в ней горницу. Дальше — еще более высокая постройка, к стене которой прирублено необычное для Тихвина галерея-крыльцо, или же открытые сени: они покоятся на высоких столбах и крыты односкатной кровлей, поддерживаемой столбиками. Конечно, к сеням должна была вести лестница, но она, видимо, уже не поместилась на плане. Впрочем, галереи, соединявшие избы с подсобными постройками, были весьма распространены в старину [58, с. 83—86; 61, с. 451]. В задней стороне дворовой ограды был, наверное, проход в огород, тянувшийся длинной полосой за усадьбой. На огородах тихвинцы выращивали главным образом капусту *«про свои домашние обиходы»*.

Подобные замкнутые дворы, похожие глухими воротами и высоким тыном на небольшие укрепленные городки, еще недавно были характерны для старинных сибирских сел [20, с. 25]. Многие из этих сел основаны переселенцами с русского Севера. Так, в 1650 г. плотники из Заонежских погостов в Енисейском уезде *«плотничали хоромы и всякое дело»* [17, с. 169]. Некоторые типы жилища XVII в., исчезнувшие на европейском Севере, прижились, развились и даже сохранились за многие тысячи верст — в Сибири.

Усадьбы Слободки, по-видимому, в большинстве своем не имели отдельных хлевов, какие были в Фишевой Горе и Стретилове. Подобный им загон для скота, настолько большой, что его можно назвать непосредственным предшественником крытого двора, показан единственный раз у избы, стоящей слева от Святых ворот. По другую сторону от нее — колодезь у равель (или *«журавец»*). Такие и поныне встречаются в северных селениях: над шестигранным срубцом — журав с оцепом, на котором висит бадья. Вокруг колодца — характерная изгородь из положенных крест-накрест жердей.

Обратимся снова к той части Слободки, что расположена за Пашской дорогой. Слева от моста через Введенский ручей — большой *«скотской двор»* монастыря (рис. 6) — комплекс построек с внутренним двором, куда попадали через ворота. На чертеже даже видны два столба-верей, на которые навешивались полотнища. Но самое интересное здесь — большое строение с воротами на уровне второго этажа торцевой стены. К ним под навесом ведет широкий въезд, по которому поднимались прямо с возами. Это — сеник, или поветь (*«повить»* несколько раз упоминают расходные книги монастыря). На ее продольной стороне виден столб: значит, поветь имела заплотные стены. Внизу размещались хлева. Похожие постройки изредка упоминают описи: *«на хлеве сарай»* [1573 г. — 11, XIV, стб. 104], *«двор поветью покрыт»* [1599 г. — 65, с. 93], *«два сенника на хлевах»* [1671 г. — 11, XII, стб. 430]. Ниже повети — односкатная кровля — видимо, навес над денником, где держали и кормили скот днем.

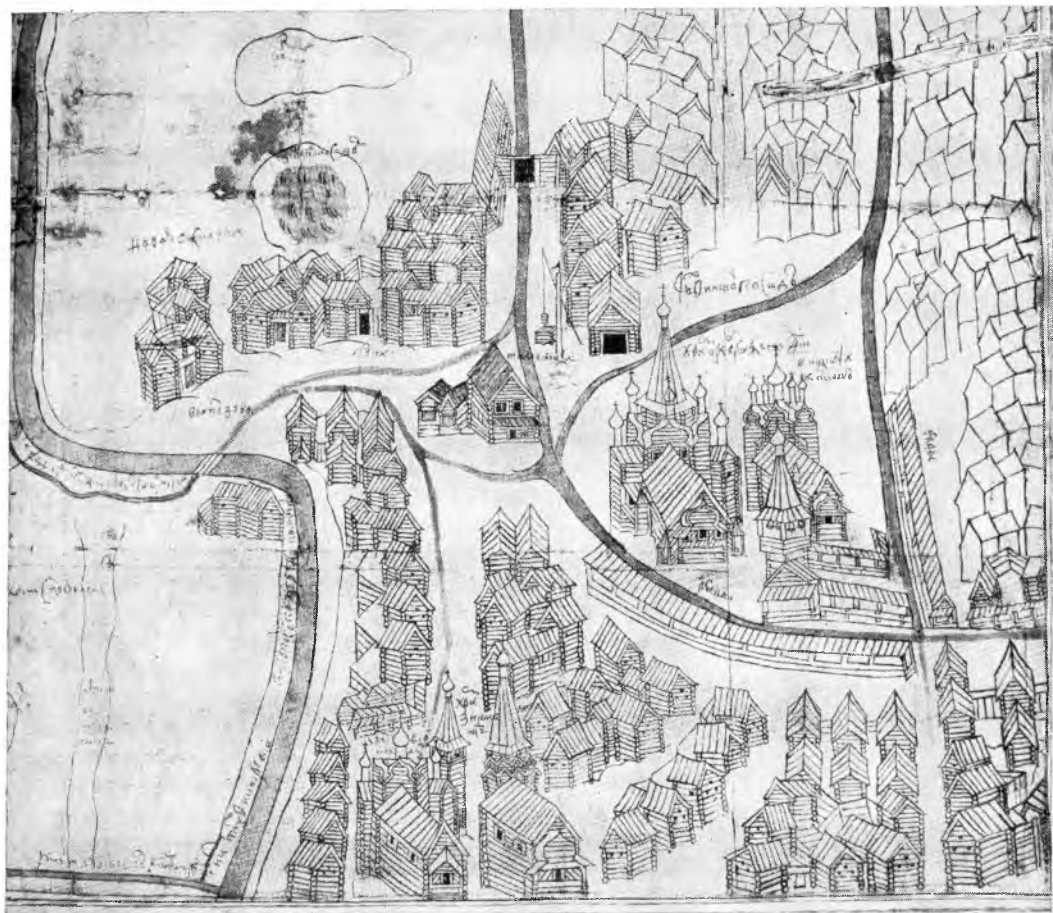

Рис. 7. Часть Большого посада
Фрагмент плана Тихвинского посада
1678 г.

Несомненно, такие дворы, появившиеся в конце XVI в. на Северной Двине, — предшественники крытых дворов, что входили в состав большого северного дома, определившего собой облик деревень в XVIII—XIX вв. [65, с. 99].

Теперь по дороге «*подле реки*» «перейдем» на ее левый, южный берег к Большому посаду (рис. 7), в центре которого возвышались две деревянные церкви — шатровая Преображенская и пятиглавая св. Никиты-епископа, заново отстроенные в 1665 г., через три года после пожара*. Первая из них — огромный храм, четыре стены которого завершались пологими бочками — кровлями, напоминавшими лодки, перевернутые килем кверху. На коньках бочек — главы, еще выше восьмерик с высоким шатром. С запада к церкви прирублена трапезная с двусходным крыльцом. Его нижние рундуки крыты шатриками, верхний — бочкою. С юга и севера — по приделу,

* Архив ЛОИИ, ф. 89, карт. 2, № 67, л. 17—18. Благословенная грамота на освящение церкви дана 28 апреля 1665 г. (Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 8, № 160).

Рис. 8. Церкви Большого Тихвинского посада — Спаса Преображения, Никиты-епископа и колокольня, построенные в 1665 г. Реконструкция

о которых в благословенной грамоте сказано так: *«приделы учинить особо... чтоб настоящей церкви от приделов утеснения никоторого не было...»*. Потому-то каждый из них имел свое крыльцо (северное видно на чертеже) и от самой церкви был отделен *«особою стеною»*, в которой *«для проходу просечены малые двери»*.

Судебные документы, отразившие ссору между плотниками, что строили храмы, донесли до нас имя *«церковного мастера»**. Это был посадский человек Григорий Савельев, который вместе с несколькими товарищами за длинные июньские дни 1665 г. успел срубить тут же, на Торговой площади, и колокольню. Видимо, как и наугольные монастырские башни, она имела шестериковый сруб, над которым, словно площадка верхнего боя, нависал ярус звона (рис. 8). Постройки эти не простояли и половины столетия: Спасо-Преображенская церковь *«с приделы, со всею церковною утварью... сгорела»* в 1693 г., а церковь Никиты-епископа — в 1710 г.

Крыльцами они были обращены к Большой Проезжей улице, противоположную сторону которой занимали лавки. Здесь в шести рядах местные торговцы, а также москвичи,

* Архив ЛОИИ, ф. 132 оп. 1, карт. 8, № 249.

новгородцы, олончане торговали зерном, салом, кожами, железом — кричным, прутовым, дощатым, слюдяными окончинами, сукном, писчей бумагой и многим другим. С юга церковная ограда (на рисунке не показанная) выходила на вторую главную улицу посада — Белозерскую. У пересечения этих двух улиц и высилась колокольня, к которой с обеих сторон примыкали торговые ряды.

Второй посадский приход с деревянными церквями Флора и Лавра и Знаменской, выстроенными между 1588 и 1590 гг. (простояли соответственно до 1716 и 1770 гг.) *, располагался ближе к Тихвинке, на ее высоком берегу, у Романицкой улицы, шедшей от Таможенной избы **. Это центр Кузнецкой Слободки, которая особенно быстро росла во второй половине XVII в. [57, с. 52].

Итак, две группы храмов господствовали над всем посадом. С ними переключались верхи Успенского и Введенского монастырей, находившихся в некотором отдалении.

Посад в то время состоял из 14 улиц с 550 дворами, в которых жили зависимые от Успенского монастыря торговые, пахотные и промышленные люди. Среди последних было больше всего кузнецов. Усадьбы здесь, как и в Введенской Слободке, стояли так тесно, что далеко не у всех из них были даже огороды, не говоря уже о пахотной земле [57, с. 80, 295]. Размеры посадских дворов колебались от 6,48 до 21,6 м по ширине и от 10,8 до 32,4 м по глубине участков. Их средняя площадь была 96 кв. саженей (448 м²) *** — даже меньше, чем в Москве, где она составляла тогда 125 кв. саженей [17, с. 160—161].

Судя по чертежу (рис. 1), на посаде немногие дворы имели крытые хлева, но зато здесь наиболее распространенным было трехчастное жилище. Примером тому может служить дом у Знаменской церкви с высокой горницей или повалушей и сенями, в стене которых — косячатое окно. Но самая большая усадьба — рядом: здесь к сеням прирублены еще клеть, сени и изба. В результате получилась Т-образная связь, состоящая из шести срубов, рядом с ними отдельно стоит еще один. Это мог быть один из трех дворов, принадлежавший самому богатому человеку Тихвинского посада Гавриле Самсонову, владельцу трех лавок, трех житниц и двух амбаров. Он торговал не только с Москвой и Ярославлем, но и со Стокгольмом, не раз бывал «мирским старостой» [57, с. 274—275, 331].

Сравнение деревенских, слободских и посадских дворов показывает, что первые, как правило, состояли из одного или двух срубов («изба да клеть») и крытого хлева, в Слободке было несколько усадеб с внутренними дворами и трехчастными связями. На посаде же последние составляли большинство. В то же время, конечно, в задачу чертежника не входило изображение непременно всех дворовых построек. Ему

* Архив ЛОИИ, ф. 89, карт. 2, № 68, лл. 4, 13.

** Описание посада сделано на основе писцовой книги 1686 г. (архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, № 532а, л. 12—14).

*** По книге обмеров дворов и огородов Тихвинского посада 1686 г. (архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, № 604).

было важно правильно передать лишь число дворов в каждом селении. Если это учесть, то среднее число строений любого тихвинского двора будет несколько больше трех, что вполне соответствует и некоторым другим тогдашним городам средней России [54, с. 188]. Хотя, разумеется, на богатых дворах их было значительно больше. Даже в древнем Новгороде встречались усадьбы, насчитывавшие 10—12 отдельно стоящих построек.

До сих пор мы видели древнерусское жилище как бы с птичьего полета, теперь же рассмотрим его во всех деталях, обратившись к порядной записи на строительство двух горниц и сеней в Вологде, составленной в 1684 г. — всего через пять лет после Тихвинского плана (см. приложение).

Договор начинается с перечисления требований к строительному материалу: прежде всего это должен быть сосновый лес, издавна считавшийся лучшей породой для жилья, и, говоря словами плотников, добрый, ядреный, гладкий, без сучков и дупел, не закомлестый (т. е. с нетолстым комлем), и, наконец, красивый. Лес нужно подобрать для стен определенного размера: на сени подлиннее (7,2 м), на горницы покорооче (6,8 м), потолще для теса и для драніц — колотых досок на кровлю.

Естественно, что при таких условиях заготовка входила в обязанности подрядившихся плотников, получивших «наперед» задаток 10 рублей. Кому, как не им самим, искать нужный материал! Любопытно, что в договоре даже не обусловлено его количество: *«сколько понадобится»* — определяют сами мастера. Вот как, рассказывают, это делали в прошлом веке заонежские плотники: «...Петрович по лесу пойдет — молча, только топориком постукивает, затесы делает. Где под каблук — вода... Власов на дерево не глядит, знает мяндоковата сосна, слаба... Зато уж боровой лес — мастеру сердечная радость. Зовут его... кондовым и рудовым; сырости рудовое бревно не держит...; смолы много, крепкий это лес, тяжелый, как камень. Черники, брусники в рудовом лесу множество, да Власов на ягоду не взглянет — сам дерева метит» [53, с. 130—131]. О времени, когда плотники должны были «сечь» лес, тоже не сказано в порядной, поскольку и так известно, что обычно это делают зимой или в начале весны, пока «дерево спит и лишняя вода в землю ушла», пока можно его вывезти санным путем и древоделы еще не занялись полевыми работами. К этому времени и относится вторая выплата, оговоренная фразой *«...как по лес пойдут»*.

Срубленный лес отлеживался до лета, когда те же плотники обязывались сплавить его в плотах по реке к Вологде, нанять лошадей, чтобы вывезти его из воды на гору ко двору неизвестного нам Андрея — месту будущей стройки, причем сделать это они должны были не позже дня Петра и Павла —

* Все даты указываются по старому стилю.

Около полутора месяцев отводилось, чтобы ошкурить («выскоблить») бревна, вытесать тес, наколоть дранку. «Рубка хором» начиналась «на Успениев день» — 28 августа. Конечно же, не всегда мастера сами занимались заготовкой леса. В Москве, например, на особом рынке можно было купить не только бревна, брусья, тес, дверные колоды, но даже ворота и целые дома, продававшиеся там в разобранном виде [23, с. 81; 45, с. 107].

Вологодские плотники подрядились срубить обычную для того времени связь — две горницы, соединенные сенями. Главное отличие ее от построек, показанных на Тихвинских чертежах, в том, что все три сруба надо «покрыть под одну кровлю», т. е. не выделяя их по высоте. Впрочем на плане 1678 г. одна из келий Введенского монастыря также состоит из трех срубов под одной кровлей и также имеет рубленые, а не каркасные сени (рис. 9). Подобным образом в конце XVII в. была покрыта и трехкамерная связь на воеводском дворе города Епанчина в Сибири [59, рис. 16; 50, с. 42—43]. Это обстоятельство облегчает нам попытку представить облик «проектируемого» дома (рис. 10). Длина его 20,88 м определена заготовленными бревнами, что немного превышает «типовые» размеры городской трехкамерной связи [17, с. 164]. В порядной ничего не сказано о фундаменте возводимых хором: срубы обычно ставились прямо на землю, лишь иногда под углы подкладывали валуны, а нижний, окладной, венец присыпали землей «для теплоты». С этой же целью между бревнами прокладывали мох: «в з а м ш и т ь» — записано в договоре. В XVIII в. вместо мха, который, высыхая, легко крошился, все чаще стали использовать более удобную для этого паклю [55, с. 131].

Каждый из двух срубов будет иметь два этажа, ибо предполагается сделать «три моста» — междуэтажных перекрытия. Под горницами — подклеты, наверху, под кровлей, — не упомянутые, но подразумеваемые чердаки. Под нижними сенями было подсенье, также не названное как само собой разумеющееся.

Высота каждого этажа («ж и т ь я») различна: «от нижних мостов до средних мостов по три аршина», т. е. нижнее житье 2,16 м и «до подволок по четыре аршина», значит, верхнее — 2,88 м. Если сложить все высоты, учтя и толщину мостов («средние мосты... вышиною пустить на аршине»), то получится 6,48 м. Общая высота самих горниц «до повалу» определена в 19—20 рядов — 6,40—6,74 м при толщине бревен «в трубе... в восемь вершков... а менши семи вершков не ставить» (31,5—36,0 см); следовательно, высота подызбиц не учтена. Между тем они, по-видимому, предназначались для хозяйственных целей, так как там, как и в горницах, следовало «все стены вытесать».

Рис. 9. Кельи Введенского монастыря
Фрагмент плана Тихвинского посада
1678 г.

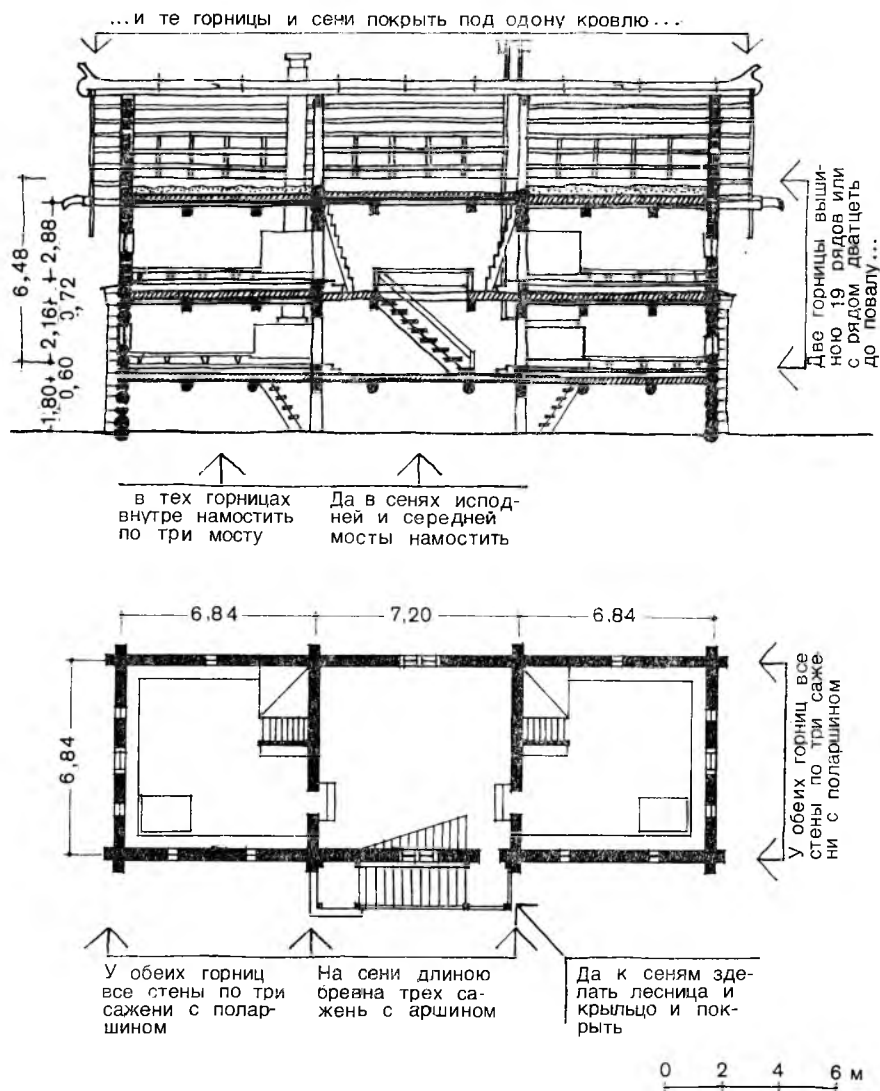

Рис. 10. Разрез и план Вологодских хором 1684 г.
Реконструкция

Считая, что нижние венцы всегда клали из самых толстых бревен, можно предположить, что подызбицы имели пять рядов, т. е. их высота — 1,8 м.

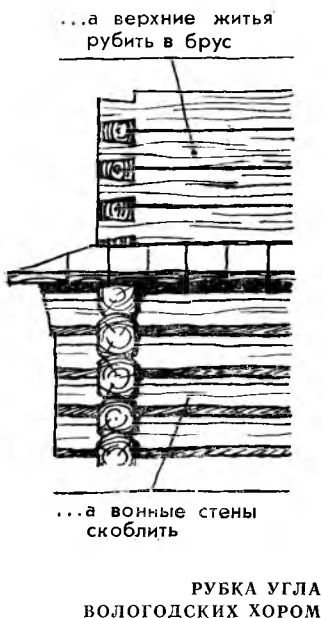
[Как же выглядели Вологодские хоромы? Несколько непривычно для нашего глаза: у всех бревен до уровня верхних горниц горбы — закругления были стесаны: *«вонные (внешние) стены скоблить»*, — сказано в порядной. И дальше: *«верхние житья рубить в брус»*, т. е. верхний этаж сделать брусным (рис. 11). Гладкие стены в старину — один из верных признаков богатства. К примеру, горница белозерского купца XVI в. была *«побита тесом кругом от кровли и до земли»* [22, с. 124] — явление редкое, ибо изготовление теса тогда обходилось дорого. Постройки же из бруса встречались чаще: на дворе новгородского подьячего Сидора Родионова в 1678 г. была *«горница брусовая белая на жилом подклете, да у той горницы верхние и нижние сени»* [29, с. 8] — состав очень похож на наш. В 1684 г. архимандриту Тихвинского монастыря рубили *«брусовые кельи»*. В некоторых документах упоминаются и брусовые сени [58, с. 104].

В нашем случае было как раз наоборот: «в брус» рубили только горницы, а сени имели стесанные бревенчатые стены до самого верха: *«сенные бревна тесать обе стороны»*. Таким образом получается, что венцы нижнего этажа рубили с выпусками по углам — с «зауголками», верхние без остатка, «в лапу», т. е. так же, как и в Тихвине, срубы придорожных крестов, колоколен и церковных крылец. В таком случае несколько выступающая нижняя часть стен должна была иметь небольшую полицу, как бы отделявшую один этаж от другого. Именно такие полицы и показаны на рисунках Семена Ремезова 1701 г. у приказной избы Пельма и воеводского двора Илимска [59, рис. 1, 14].

К сожалению, в порядной окна только названы. По аналогии с уже упоминавшейся тихвинской горницей (см. рис. 5)

Рис. 11. Общий вид Вологодских хором 1684 г.
Реконструкция

можно предположить, что во всех четырех «житьях» было по одному красному окну с волоковыми по сторонам.

О кровле главное уже сказано: она — единая для горниц и сеней — особенность, ставшая потом неотъемлемым признаком почти всех северных домов. Но как понимать «...на *дранцах, скалами, тесом в зубец*»? Здесь речь идет о самом покрытии: по кровельным слегам-обрешетинам настилается один ряд тесин; их обычная толщина около вершка (4,5 см) позволяла по всей длине вытесать сбоку выступ-зубец у одних, у других же соответственно — паз. Таким образом, тес прочно скрепляли друг с другом «в зубец». Сверху его еще застилали *дранкой* — колотыми дощечками длиной около 2 м, а между ними прокладывался от влаги слой *скалы* — бересты. Чтобы *дранку* не сорвало ветром, вдоль двух ее верхних рядов по обеим сторонам кровли клали сращенные бревна-гнеты, концы которых перед фронтонами схватывались специальными досками-огнивами («на огнивах»).

На выступающие концы обрешетин каждого ската прибивали по причельной доске («*причелины по краям прибить*»), скорее всего, деревянными нагелями, так как порядная совсем не упоминает гвозди — материал по тем временам недешевый. Да это и неудивительно: все врубки, крепления мостов «в черты», сплочение теса «в зубец» в них не нуждались. Выражение «сделано на гвоздях» означало тогда плохую работу.

Огнива и причелины обычно украшали резьбой, но об этом нет ничего в договоре. Впрочем, не упомянуты там и желоба с курницами, хотя они-то были наверняка, как, например, в великоустюжских горницах 1679 г., где «*куричины врубили и водопуски положили, покрыли дранцами, гнеты и оглупень наложили все до готова...*» [15, с. 248].

Традиция украшения домов резьбой восходит к глубокой древности: в одном лишь Неревском раскопе Новгорода археологи нашли более тридцати фрагментов причелин XI—XIII вв. преимущественно с городковой резьбой по нижним кромкам. В средних частях некоторых из них сохранились отверстия для крепления к слегам кровли [35, с. 33—34].

Заканчивая мысленную реконструкцию внешнего облика Андреевых горниц, скажем еще о крыльце. Известно лишь, что оно должно быть сделано «к сеням» и покрыто. Ориентируясь на связь, стоявшую в Введенском монастыре, можно предположить, что площадка — *рундук* крыльца опиралась на столбы и находилась на уровне нижнего сennого моста, т. е., иными словами, была поднята на высоту подклета — на 1,8 м. Сам вход, возможно, был также сдвинут к одной из горниц, несколько нарушая, таким образом, строгую симметрию. Лестница, названная в порядной в единственном числе, была, следовательно, одна. На второй этаж — на «*средней мост*» ведет уже внутренняя лестница, огражденная тесом,

забранным в косяк. В порядной ничего не сказано о том, как попадали в подызбицы. Надо думать, что так же, как и в хоромах, возведенных в 1675 г. на воеводском дворе города Шуи [54, с. 223], — по лестницам из нижних горниц (*«позади печи горничные лестница в подклет»*).

Как видим, в тексте опущено многое из того, что разумелось само собой, но вот устройство перекрытий, напротив, оговорено подробно. Все они «бреветные», т. е. накатные. *«Средние мосты наместить в черты»* — значит завести их в пазы, выбранные в стенах. Об опирании остальных мостов ничего не сказано, видимо, потому, что их надлежало устроить, как обычно, — на матицах. В горницах все горбы накатных бревен стесываются снизу: *«исподы... тесать и выскоблить»* и затем закрываются собственным потолком, набранным «взакрой», т. е. так, что косяки укладываются в два ряда, причем второй ряд закрывает промежутки в первом. Сверху для утепления накат засыпают землею: *«на мосты земли наволочить»* — устраивают черный пол. На него настилают чистый — *«тесовые мосты»*. Последние не предусмотрены только на верхнем мосту, ибо он является чердачным перекрытием.

В сенях, где не требуется сохранять тепло, не устраивают и черного пола, только верхние горбы бревен среднего и нижнего мостов стесываются, а снизу первого устраивается тесовый потолок «взакрой». Об «испode» нижнего моста ничего не сказано, видимо, потому, что там, в подсенье, остается накатной потолок. Более существенно то, что в записи нет ни слова об отоплении: кладка печей, конечно, в обязанности плотников не входила, но две известные нам порядные на строительство жилья XVII в., шуйская и олонецкая, это особо оговаривают: *«печи сделать помимо их, плотников...»* [7, с. 92]. Печи должны были быть и в вологодских горницах. Зачем бы тогда так заботиться об утеплении перекрытий? Документы того времени говорят, что одна из двух горниц чаще всего бывала белой, т. е. имела печь с дымоходом, другая — черной [45, с. 89; 54, с. 222]. Так, в Шуре в белой горнице плотники делали деревянный опечек, в черной — дымоволочную трубу над дверьми. Нам не остается ничего другого, как предположить, что так же было и в Вологде.

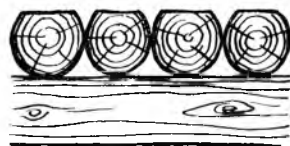
О внутренней обстановке хором известно немного: стены в горницах делали «выскобленные» — гладкие. Вдоль них кругом встраивали лавки с подпорами и опушкой — резным подзором. Над ними — полки-палавочки. Двери — на косяках, т. е. с рамами-ободверинами. Верхняя горница, наиболее высокая, видимо, была и парадным помещением (рис. 12). Даже в царском быту выражение «зван наверх» означало приглашение в главные покои.

Знаменитый «Домострой», содержащий наставления по ведению хозяйства, дополняет наши представления об интерьере горниц. Там повсюду должно быть чисто, *«платья по*

УСТРОЙСТВО ПЕРЕКРЫТИЯ

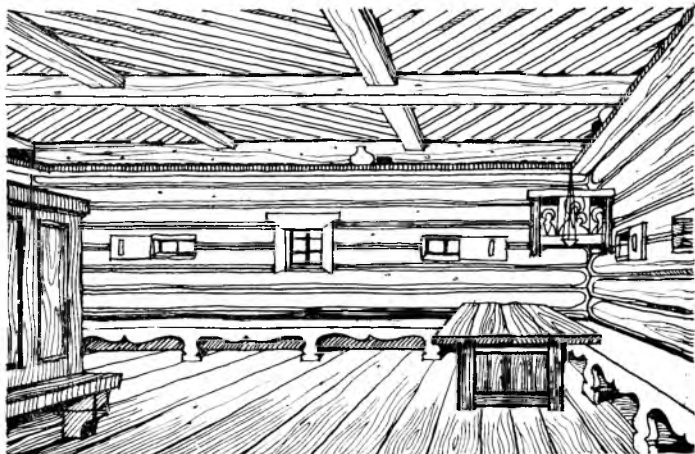

МОСТ В ГОРНИЦЕ

МОСТ БРЕВЕТНЫЙ В СЕНЯХ

Рис. 12. Горница в Вологодских хоромах
Реконструкция

грядкам (полкам) и в сундуках, и в коробьях». Иконы в красном углу поставлены *«благолепно и со всяким украшением и со светильниками»*. Божница имеет занавеску, которую задергивали после молитвы. Стол — *«под образами»*, у лавок; с другой стороны к нему приставляли скамью [54, с. 224]. Здесь было самое почетное место в доме.

Как будто бы реконструкция Вологодских хором достаточно ясна. И все же остаются сомнения. Причина их не только в неполноте сведений нашей порядной, но и в многозначности терминов. Так, мы сочли, что повалом здесь названы выступающие концы последних, черепных бревен [25, с. 74], однако чаще под повалом понимают уширение, развал сруба в его верхней части. В этом случае повал должен иметь полицу — пологую часть крыши над ним, а появление полицы означало бы существование перелома кровли, средняя часть которой становилась более крутой. Такую конструкцию завершения нельзя исключить для вологодской горницы.

Или же в порядной сказано *«на подволоку лестница»*, однако подволокой в старину называли не только потолок (см. с. 19)), но и чердак [23, с. 79]. В таком случае можно предположить, что именно туда и вела лестница, единственная внутренняя лестница, названная в тексте. Тогда и крыльцо должно было подниматься к верхним сеням: во-первых, это логичнее, если вспомнить, что верхняя горница была основным парадным помещением; во-вторых, иначе, как по крыльцу, в этом случае нельзя было попасть из нижней горницы в верхнюю и обратно. В результате неизбежно появляется второй вариант реконструкции (рис. 13).

Наверное, все наши сомнения рассеялись бы в миг, если бы мы смогли взглянуть на «малые горницы» Ивана Олферьева, стоявшие рядом, на те, что порядная называет образцом для

Рис. 13. Вологодские хоромы
Вариант реконструкции

подражания. Но они, как большинство строений того времени, исчезли бесследно. Любопытно сравнить эти богатые городские хоромы с деревенской трехчастной связью, возведенной в 1625—1626 гг. на Ухтострове, что лежит неподалеку от Холмогор. Ее «подрубили» три плотника из уже имевшихся у хозяина семи рядов «избного оклада» и трех рядов старой клетки. Изба тут была высокой (около 5,4 м), на «подполье», сени столбовой конструкции, срубленные целиком заново — на «подсенье» и клеть — на «подклете». Все три части разной высоты, каждая крыта только одним «тесом в черту, плотно». Изба, как и обычно, топилась по-черному (порядные упоминают «опечек» и «дымоволок»). Главным украшением ухтостровской связи было двувсходное тесовое крыльцо «с красными столбами с яблуки».*

Рассказывая о тихвинских дворах и вологодских хоромах, нам приходилось много останавливаться на деталях и частности. Так ли уж важны они? «Мы убеждены, — справедливо писал И. Е. Забелин еще более ста лет тому назад, — что мелкие мелочи старой жизни кладут краски и тени в наших представлениях об историческом быте народа... ничто так не способствует образованию наиболее верного, правильного взгляда на прошедшее, как эти мелочи, которые иногда одною чертою рассказывают несравненно больше, чем целое исследование» [33, с. XVII].

Так, даже беглое сравнение некоторых «мелочей», упомянутых нашими источниками, с археологическими находками показывает, что основные приемы рубки, многие конструктивные элементы и структура интерьера жилого дома сложились задолго до XVII в. В итоге перед нами предстало самое распространенное жилище древней Руси — «изба, да клеть, а промеж ими сени», и одновременно проявилась картина зарождения большого северного дома, завершающего собой многовеховой путь развития народного жилища на русском Севере.

* Архив ЛОИИ, ф. 5, оп. 1, карт. 10, № 43а, сст. 4, 12—13.

II. ХРАМЫ НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ И МИНЦЕ

*Порядились мы, Иван с товарищи, ...
церковь и олтарь и трапезу ... срубить*

Попробуем теперь с помощью плотничьих договоров восстановить, хотя бы на бумаге и в общих чертах, облик давно исчезнувших построек. Все порядные составлены традиционно, однако отличаются как полнотой содержания, так и количеством деталей, а потому никогда не повторяют друг друга. Составлялись они в двух экземплярах: от имени заказчика — чаще всего церковного старосты и крестьян, представляющих общину — мир, и от имени подрывавшихся плотников. В старину это называлось *«писано по противням»*. Поэтому сначала перечислялись поименно или первые: *«Се яз, староста церковной Богдан Иванов сын Подберезной, крестьяне Иван да Аврам Федоровы дети Лыжина...»* (далее шло двадцать—тридцать имен) или вторые: *«Се яз, Иван Якимов сын..., да яз, ... Микифор сын Резвых..., да яз, Семен Онуфриев сын..., порядились мы, Иван с товарищи, ... у церковного прикащика у Ивана Иванова сына Зуева и у всех крестьян тое волости...»* [46, № 1, 3]. Затем определялись основная работа (*«... церковь и олтарь и трапезу... срубить»*), требуемый к ней материал и условия его поставки, после чего шло описание будущей постройки — своего рода «проектное задание». В конце записи — условия оплаты (*«а радили мы... от того мастерства...»*), сроки (*«а храм ему взделать в два лета»*), взаимные обязательства, неустойки в случае их невыполнения (*«задаточные деньги вдвое... и то церковное дело доделывати нам же, порутчикам»*) и удостоверительная часть (рис. 14).

Примерно из полутора десятков известных нам порядных здесь отобраны три, соответствующие трем периодам XVII столетия и представляющие три основных типа деревянных храмов, — клетские, шатровые, многоглавые. Первая запись (1637 г.) — церковного старосты и крестьян Троицкой волости, расположенной на правом берегу Северной Двины, с мастером Патрикеем Денисовым на постройку им церкви Благовещения [46, № 1]; вторая (1670 г.) — трех названных выше плотников с церковным приказчиком и крестьянами Хаврогорской волости, находившейся на том же берегу Северной Двины, на постройку ими церкви Собора Архистратига Михаила [46, № 3] и третья (1700 г.) — волостных людей Минецкого погоста некогда Бежецкой пятины, а позднее Боровичского уезда с плотниками Гаврилой Яфимовым (Ефимовым), Михайлой Родионовым (Родноновым), Иваном Павловым и Борисом Наумовым, чтобы *«строить им, плотником, ... цер-*

ковь соборная Егорья Стратотернца с приделы...» [2, II, стб. 520—523].

Кто же конкретно заказывал и оплачивал работу? Кто такие были плотники и как «обе стороны» договаривались друг с другом? Известно, что в XVII в. административное и церковное деление обычно совпадало: погост, таким образом, являлся одновременно и волостным центром [24, II, с. 20], а западный прируб к церкви — трапеза — местом волостного схода («мирского совета»). В ней происходил суд, читались перед народом жалобы-явки, собирались подати, заключались сделки, в том числе и порядные, которые записывал дьячок-письмоводитель. Здесь же хранился архив мирских документов — *«всемирская коробка с всемирскими письменами»*.

По праздникам в трапезе устраивали складчины-«братчины» с питьем общественного пива [24, I, с. 203—204], отчего нередко случались там *«великие раздоры и мятежи, и неподобные матерныя брани»*. Церковные власти безуспешно боролись с тем, чтобы в трапезах *«всяких чинов люди для всяких своих земских и мирских дел сходов не чинили... и по праздникам молебных пив в церковь не носили бы и в трапезе не пили бы...»*. [11, XII, стб. 567—568].

Неудивительно, что забота волостного мира о своем храме диктовалась не только религиозными, но и общественными интересами. Поэтому обычно инициатива постройки или ремонта церкви исходила от самих крестьян. На свою челобитную они получали архиерейское разрешение — благословенную грамоту *«лес ронити и всякие припасы готовить»*. Вероятно, именно до получения такой грамоты и откладывается строительство церкви в Хаврогорской волости, о чем упоминается во второй записи: *«И приняте за ту церковь... как з грамотою придет человек з Москвы, и нам, мастером, весть дать в то время...»*. Значит, поряд тут составили заранее.

Все отношения с плотниками мир вел через выборное лицо — церковного старосту, который должен был *«всякое церковное строение ведать и надсматривать образы и казны... всякий приход и расход писать в книги... без утайки... и самому не коростоватца...»*, а также *«котел пивоварной в провар отдавать и денги котельные (складчину) собирать...»* [11, XII, стб. 817—818, 832]. Староста вместе с несколькими крестьянами — представителями мира и заключал с мастерами договор, определявший обязанности одной и другой стороны. При его подписании обязательно присутствовали свидетели: *«...а у записе седи игумен Ефрем... да в послуех Григорей Павлов сын Кемляк поморец, да Козьма Митев сын Глазачев, да Третьяк Васильев сын Полуянова»* (первая запись); сам текст писал дьячок: *«запись писал троицкой церковной дьячок Ивашко Михайлов»*, — читаем мы в первом документе. Земских и церковных дьячков, должности которых нередко совмещались в одном лице, так же, как и старост, выбирали

ни сходе прихожан [24, II, с. 25]. Поэтому подпись дьячка, скреплявшая порядную, юридически фиксировала волю крестьянского мира.

В подтверждение договора в нем иногда принимали участие и поручители, которые несли ответственность за исполнение мастерами каждого пункта порядной и в особенности за соблюдение установленных сроков и высокое качество работы: *«и мы, поруччики, по них... ручались в том церковном деле против сей записи и им, Ивану с товарицы, то церковное дело и за нашей поруке делать добро и безоухульно на урочной срок...»* (вторая запись).

Заказчик-мир имел право взыскивать с поручителей неустойки и убытки, происшедшие по вине исполнителей: *«...а буде он, Иван с товарицы, того церковного дела не учнет делать... и не по записи станут делать... или не против записи оплошно... и на нас, на поруччиках, и с убытки по сей записи все сполна»* (там же). Поручители привлекались к составлению порядной тогда, когда нанимаемые мастера еще не имели большого авторитета и мир не был уверен в их высоких профессиональных качествах. Так, в наших документах поручители в общем количестве 10 человек названы у каждого из трех плотников, порядившихся рубить церковь в Хаврогорской волости (вторая запись). Характерно при этом, что «запись» ни разу их не называет «мастерами», но указывает происхождение: *«...Иван Якимов сын, города Архангельского посадской человек», «Сийского монастыря крестьянин Микифор сын Резвых, да...Семен Онуфриев сын тотьянин родом...»*.

В то же время договор с «церковным мастером» Патрикеем Денисовым составлен без поручителей, благо родом он из соседней Борецкой волости и человек, видимо, хорошо известный в округе. Это, конечно, не значит, что Патрикей Денисов работал один. Просто договор заключали один или несколько мастеров, бравших в свои руки все строительство. Это были мастера «первой руки» или, как говорили в Зонежье, славутные, выполнявшие как самые ответственные плотничные, так и наиболее сложные столярные работы. Они, поименно перечисляемые порядными как равноправные члены коллектива, получали равную оплату и уже сами нанимали себе работников-наймитов, именуемых в записях *«помощники»* или *«товарицы»*, сами распределяли среди последних подсобную работу, сами отвечали за их оплату. Второй договор не случайно обуславливает, что в работе, кроме троих плотников, должны принимать участие еще пять человек: *«...а быть у дела у тое церкви беспреренно восьми человек, восмерыми делать...»*. Подрядчики в своем лице объединяли, таким образом, и организаторов производства и квалифицированных плотников.

Видимо, чаще всего это были странствующие артели, нанимавшие себе помощников в зависимости от объема строи-

тельства. Не случайно они получали плату не только деньгами и натурой, но к тому же выговаривали себе еще и харчи: *«200 хлебов печеных, а хлеб не полюбится, взять за всякой хлеб по грошу, 2 тысячи яиц, 4 пуда коровья масла, 5 пуд мяса свиного, 4 пуда соли»* (третья запись), т. е. мир по существу содержал их во время работы.

Подобные артели, переходившие с места на место, даже в XIX в. рубили в Олонецкой губернии большинство домов, овинов, гумен. В древнем Новгороде их называли дружинами. Известно, что в XV в. плотницкая дружина новгородского владыки состояла из 6 главных мастеров и 10 «другов» — подсобных людей. О подобной дружине упоминает и Псковская летопись под 1420 г.: *«Псковичи наяха мастеров Федора и дружиною его побивати церковь святаа Троица свинцом новыми досками...»* [10, с. 37].

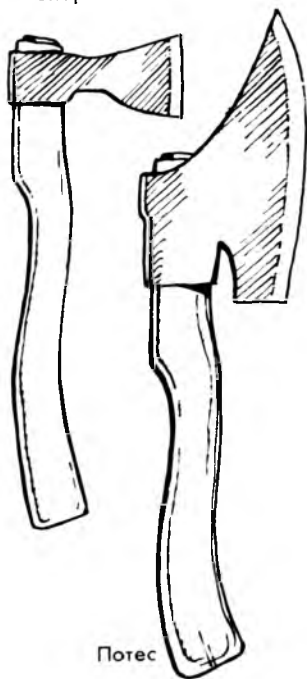
Как распределялись обязанности между миром и подряженной артелью? На крестьянах лежало все, что касалось леса, необходимого для строительства: *«...делати храм новой... в нашем мирском готовом лесу»* (первая запись); *«а лес всякой, и все железное, и скалы, и гвоздь, и тес — все готовое их, церковное»* (вторая запись).

Чаще всего мир сам заготавливал бревна и тес: *«а нам, крестьяном, тот церковной стеновой лес ронить самим...»* (первая запись); правда, в этом случае мастер Патрикей Денисов был обязан указать крестьянам подходящий лес для будущего строения: *«а лес церковной и трапезной стеновой нам, крестьяном, присмотреть с ним, с церковным мастером Патрикеем, где будет которой годен, и ему, церковному мастеру Патрикею, тот лес прибрав (подобрав), и указать нам...»* (там же).

Здесь, как это было и когда рубили Вологодские хоромы, мастер включался в работу на самой ранней стадии — при заготовке материала. Порядная к этому времени уже была заключена, и, следовательно, плотник знал, какой будет будущая церковь, сколько и каких по толщине и длине понадобится бревен. Поэтому в первой записи оговорена в полтора вершка (6,7 см) толщина лишь тесового леса, того, что предстоит *«добывать ... крестьяном кроме Патрикея»*.

Заготавливали его так: по всей длине бревна и в торце делали топором зарубы, в которые вгоняли деревянные клинья. Затем из расколотых половинок вытесывали две (редко три) тесины. Так, в сметной росписи 1674 г. на строение Олонецкого «города» указано, что *«на тес тесано 175 бревен трехаршинных..., а тесу вытесали 350 тесниц»* [11, XVIII, стб. 942]. Если же они шли на кровлю, то с одной стороны тесины делали небольшое углубление-корытце — получался желобчатый тес. В лесу работали обычно древесечным топором с узким лезвием, тесины зачищали потесом, имевшим широкое лезвие с односторонним срезом.

Древесечный топор

Потес

Сохранился любопытный документ крестьян Троицкой волости, составленный за несколько дней до подписания порядной — 8 января 1637 г., из которого следует, что все крестьяне волости — 118 человек разбились на десятки с десятскими во главе, чтобы помогать в строительстве новой Благовещенской церкви. Как сказано в «памяти», крестьяне «писалися в десятки к церковному строению на храм церковного стенового лесу ронити...»^{*}.

Кроме того, крестьяне должны были и вытесывать лемех для кровель. Для этого узкий осиновый тес разрубали на короткие дощечки, которые потом, в зависимости от места, дотесывали сами плотники. Эти условия всегда оговаривались в порядных: «...им, старосте и крестьяном, лесом и тесом, и лемехами в работе застою не чинить...» [46, № 5]. Судя по записи 1698 г., «волоостные люди» из Бежецкой пятины договорились для строительства церкви «положить» по 5 бревен и 3 тесны «с топора, ...да с трех человек по возу осины на чашу» (лемех). Все это надо было привезти не позже 20 марта.

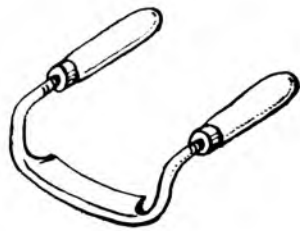
Такое же обязательство взяли на себя и крестьяне Троицкой волости: «...тот церковный лес... водою припровадить под погост и с воды на гору подынуть и на место поставить, где храму быть» (первая запись), а в Бежецкой записи 1698 г. уточнено: «...класть... от того церковного старого места на восток 10 сажень и на север около оград» [2, II, стб. 697—699]. Эта была одна из многочисленных повинностей крестьян, получившая тут необычную единицу обложения — «с топора». «Для приему бревен и тесу... и всякого церковного припасу» там были выбраны даже специальные старосты.

Крестьяне не только заготавливали и доставляли лес, но и помогали плотникам ошкуривать бревна («кора з бревен скоблить» [46, № 4]). Делалось это стругом, или долгим скобелем, представлявшим собой дугообразное лезвие с двумя ручками. Затем готовили место для храма: «...место под трапезу и под церковь и под олтарь уравниать миром и слань наслать...» [46, 5].

Само же строительство начиналось с оклада. Как уже говорилось, чертежи в собственном смысле слова почти никогда не применялись в деревянной архитектуре, и потому особое внимание как плотники, так и заказчики уделяли «о кладыванию» на земле нижнего венца, представляющего собой план будущей постройки в натуральную величину [60, с. 9]. Размеры оклада были определены заранее как длиной заготовленных бревен («...мерю церковь и олтарь, какковы бревна воже» [46, № 4]), так и выбранным миром образцом-переводом («...окладом церковь и олтарь, как на Устюге на посаде у Николы чудотворца гостинного» [там же]).

Этот ответственный момент и показан на миниатюре XVIII в. из рукописного Жития Александра Свирского

Струг, или долгий
скобель

^{*} Архив ЛОИИ, колл. 27, оп. 2, № 30 — «Десятная память» крестьян Троицкой волости.

(рис. 15): самая большая часть — трапезная, за ней — церковь и, наконец, пятигранный или, как говорили в старину, круглый алтарь. На месте престола, в срубце, установлен крест, который потом поднимут на главу. Около него священник (на миниатюре показан Александр, основатель Свирского монастыря) служит закладной молебен и освящает алтарь. По другую сторону алтаря с топором в руках стоит главный мастер, ибо «размерение основания», от чего зависела вся постройка, он делал всегда сам.

Обычно после этого мир выставлял плотникам угощение и давал деньги и хлеб «первого окладного срока». На следующий день начиналась работа.

Главная обязанность плотников — *«о деле... прилежание и попечение поимети, и простою и задержки... не учинити...»* [46, № 2], *«а работать... тое церковную работу... по вся дни и до совершения того дела безотступно»* [46, № 5]. Да так чаще всего и бывало: «пастух стадо гонит — плотники уже на срубце; коровушки обратно тянутся, — плотники еще долго будут работать. На срубце мастера стучали топорами до скончания сил», — рассказывают онежские старики [53, с. 136]. В случае отказа от выполнения какого-либо из условий договора мастер обязан был заплатить полную стоимость работ: *«а буде он... по сей записе чего церковного дела на те сроки не взделает... или не почнет рубить, и на нем, на церковном мастере, ...деньги взяти все же сполна»* (первая запись).

Такое подробное описание взаимных обязательств сторон в случае несоблюдения условий договора вызвано, как видно, нередкими его нарушениями, в частности со стороны мира. Например, известна явка устюжских церковных мастеров, поданная митрополиту Ростовскому и Ярославскому в 1627 г. на церковных старост и крестьян Вотложемской волости, которые *«гвоздь на... храм и тесового саженого кровельного лесу, и лемеху на... сроки не поставили»*, в результате мастера *«у того храма живут без дела»*, при этом плотники ссылаются на «запись» [11, XIV, стб. 31].

Дело иногда доходило до прямых столкновений. В другой явке плотников на церковных старост Шемогородской волости, поданной в 1632 г., читаем: *«и ныне те старосты... бечевы с воротив поотвязали и короб с лемехом с храму спустили, и лемех и тес исколупали и нам в том чинят убытки великие...»*, при этом мир не выполнил и еще одной своей обязанности — в случае простоя по его вине платить *«на всякого человека на день по алтину»* [11, XXV, стб. 122].

Все порядные предусматривают, как мы сказали бы сегодня, аккордную оплату труда в форме авансов и окончательного расчета деньгами и натурой. Судя по нашим трем записям дороже всего обходится шатровый храм в Хаврогорской волости — 103 рубля и хлеба 103 меры (154 пуда) (вторая запись), затем клетский «на два верха» в Троицкой во-

Рис. 15. Окладывание церкви
Миниатюра из рукописи «Житие
Александра Свирского». XVIII в.
(ГИМ)

лости — 55 рублей и хлеба 22 меры (75 пудов) (первая запись) и, наконец, пятиглавый в Минецком погосте — 38 рублей, хлеба, круп и семени конопляного 45 четвериков (360 пудов) и уже названные продукты на пропитание (третья запись). Для сравнения напомним, что Вологодские хоромы стоили немногим дешевле — 40 рублей.

Оплата производилась по срокам, определяемым степенью готовности постройки. Число выплат колебалось от трех (в третьей записи) до восьми (во второй). Но все же благодаря им можно выделить главные этапы работы: началом считается оклад: «как он храм обложит и почнет рубить...» (первая запись), затем возведение основного сруба до кровли: «как храм весь срубит» (там же) или «как потолки наместим...» (вторая запись). Следующий этап — завершение работ по покрытию всего храма: «...как он храм покроет лемехом и маковицы и крест побьет железом и трапезу покроет тесом...» (первая запись); затем — окончание внутренних работ: «...как он нутро взделает... наготово» (первая запись). Нако-

нец, полным завершением строительства считалось окончание работ в трапезе и приделах: «...как он зготовит... весь храм и с пределом и паперть взделает наготово ж и всякое церковное дело, что в записе писано, взделает сполна...» (там же).

На основании тех случаев, когда порядные указывают сроки работ, мы можем сказать, что строительство больших храмов проходило в течение двух лет. Работы начинались в мае — июне: 9 мая (третья запись), 11 мая [46, № 5], 8 июня (первая запись), 20 июня (вторая запись). Окончание предполагалось через «два лета» (там же) или даже через «три лета» на Покров день, т. е. 14 октября (первая запись). Судя по записям на оборотах порядных о выдаче денег «по срокам», в Хаврогорской волости, «плотные мастера Иван, да Микифор, да Семен церковное дело зделали все сполна» еще весной — к 4 апреля (вторая запись), а «церковной мастер» Патрикей Денисов срубил храм с приделом в Троицкой волости более чем на год раньше указанного срока (первая запись).

Как же рубили сруб («вели стопу»)? Все части — трапезную, церковь, алтарь — одновременно. Крыльца, двери, окна, «нутро» — в последнюю очередь. Мастер первой руки подбирает бревна: в нижние венцы — потолще, выше — потоньше, смотрит, чтобы к углам ложились они то комлем, то вершиной. Другие плотники — по угольщики; каждый у своего угла вырубает чашу, выбирает пазы: со стороны комля — больше, с вершины — меньше, — ведет угол. Об этом требовании — редкий случай! — даже записано в одной порядной: «бревна комли ровнять и углы все опустить наготово, а бревна пазити: комли сысподе и сверху до полубревна» [14, с. 317]. Так рубят 7—9 венцов — до церковного пола. Выпуски последнего венца оставляют подлиннее, чтобы на них потом можно было положить доски — устроить леса.

Работать на высоте не очень-то просто. Поднимать бревна наверх для подтесывания и подгонки каждый раз не с руки, да и потребовало бы слишком много «вздымщиков». Поэтому следующие 4—5 венцов — чин рубят уже рядом, на земле. Кончили, сняли верхний венец на землю, и на нем «заводят» третий чин. Потом снова снимают верхний ряд и на нем нарубают четвертый чин. Бревна в каждом чине помечали зарубками, начиная снизу: номер чина и номер венца. Затем чины разваливают и начинают «опускать углы» — «собирают» храм. Возведение церкви таким способом и показано на миниатюре рукописи 1623 г. Жития Зосимы и Савватия — основателей Соловецкого монастыря (рис. 16): на первом плане плотники с монахом складывают чин. На втором — изображен церковный сруб, на нем ангел скобелем зачищает паз, чтобы бревно легло плотнее, у другого ангела, подрубающего углы, в руках плотничий топор с широким овальным лезвием, напоминающий секиру и насаженный на длинное и прямое топорщице.

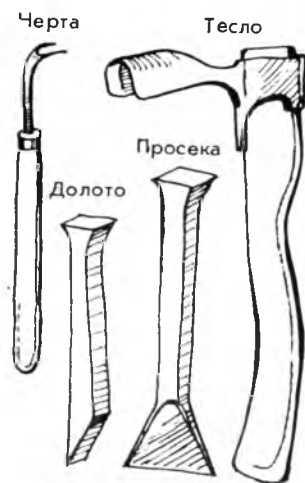

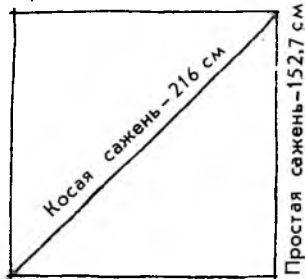
Рис. 16. Возведение деревянной церкви
Миниатюра из рукописи «Житие
Зосимы и Савватия». 1623 г.
(ГПБ)

Тут уместно заметить, что в XVII в. на строительство шел лес только рубленый, а не пиленный, хотя пила на Руси была известна еще в глубокой древности. Она, однако, не получила большого распространения, ибо давно заметили, что пиленные бревна и доски легко впитывают влагу, быстрее разбухают и гниют. С рублеными же дело обстояло как раз наоборот: от ударов топора бревно с торцов становилось как бы закупоренным. Плотники всегда зорко следили, чтобы помещники не вбивали бы топор в бревно: это могло сократить жизнь всего будущего строения.

Плотницкая «снасть» не ограничивалась топорами да скобелями. В некоторых порядках упоминаются тесла, которые были похожи на кирки, но с закругленными лезвиями для выбирания пазов, долота и просеки — ими пробивали отверстия в бревнах и брусках, черты для расчерчивания параллельных линий. Бревна на сруб поднимали блоками-вешками, через которые были пропущены шейки-канаты. Тут плотникам опять не обойтись без помощи мира: «к церковной верхней взимке на пособь ходить крестьяном по десяти человек, — записано в первой порядной, — а взимать с ним ж, церковным мастером, и с его помочники вместе». И дальше уточнение, чтобы потом не возникло никаких споров: «тес подынуть на трапезу миром и кресты подынуть

Простая сажень — 152,7 см

ПЛОТНИЧИЙ НАУГОЛЬНИК

пособить же, а лемех подымать вверх Патрикею собою», т. е. самому.

Теперь посмотрим, как же должна была выглядеть Благовещенская церковь, которую рубил в 1637—1639 гг. Патрикей Денисов. Запись по существу начинается с исходного размера: «величеством трапеза шти сажень...». Известно, что в XVII в. применялось несколько видов сажени. Здесь вид не назван, наверное, потому, что взята самая распространенная сажень, та, которой чаще всего пользовались плотники — простая, или ручная, определяемая расстоянием между большими пальцами раскинутых рук. Иными словами, это катеты плотничьего наугольника (152,7 см), гипотенуза которого — косая сажень (216 см). Друг с другом они соотносятся, как сторона и диагональ квадрата, а как раз с построения квадрата на земле и начинали разбивку плана древние зодчие.

Диагональ квадрата, превращенная в сторону нового, большего квадрата, описанного вокруг меньшего, давала удвоенную площадь и, наоборот, — в два раза уменьшенную, когда половину диагонали брали за сторону вписанного квадрата [60, с. 19]. Для разметки оклада северные мастера, кроме плотничьего наугольника, имели мерную веревку, узлами разделенную на простые сажени.

Из договора следует, что трапезная была квадратом со стороной в шесть саженей. Значит, вписав в него следующий квадрат, можно получить размер четверика церкви, сторона которого, таким образом, равнялась четырем саженим (рис. 17). Далее записано: «церковь с волтарми», как и трапезная, «шти ж сажень», следовательно, на алтарные прирубы остается 2 сажени.

Правильность нашего расчета подтверждает сама порядная, в которой сказано, что тесовая перегородка, «в олтари дву сажень», а длина перегородки, разделяющая два алтаря, и есть их глубина. Такая же преграда, отделяющая «волтари от церкви», должна иметь 4 сажени, а это означает, что алтарная часть по своей ширине равна самой церкви, как это

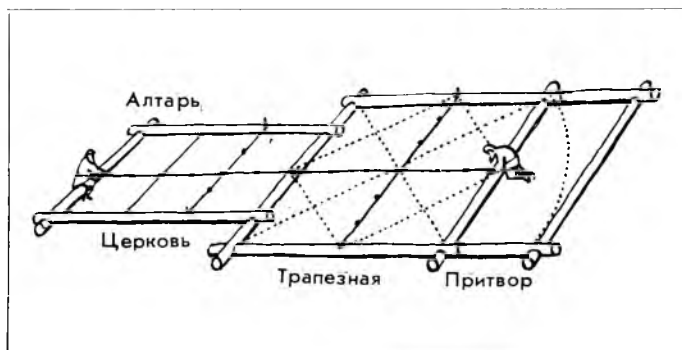

Рис. 17. Окладывание Благовещенской церкви в Троицкой волости
Реконструкция

было, например, в Введенском храме (1684 г.) села Осиново на Северной Двине [39, с. 206—207; 34, с. 82—83] — единственном памятнике (рис 18), с которым можно сравнить постройку Патрикея Денисова. Значит, длина бревен для трапезной и для церкви с алтарями одна и та же — 9,2 м. При умелом подборе их, несомненно, можно было найти в двинских лесах.

Теперь остается определить размер притвора. Его чаще всего получали так: закрепив мерную веревку в одном из восточных углов будущей трапезной, натягивали ее до противоположного угла по диагонали и этим размером делали засечку на продолжении линии северной или южной стен трапезной. В результате глубина притвора получается — две с половиной сажени. Простая сажень здесь лежит в основе всех плановых размеров и потому является модулем — условной единицей, определяющей пропорциональное построение Благовещенской церкви. Модуль помогает определить и главные высотные размеры постройки. *«Высоты трапеза рубить двадцать пять рядов»*. При средней толщине бревна шесть-семь вершков 25 рядов трапезной составляют пять модулей, т. е. 7,6 м.

Читаем дальше: *«церковь выше трапезы сажень до розвалу»* — повала, который, в свою очередь, обычно состоит из 5—6 бревен и, следовательно, имеет высоту около одной сажени. Значит, от черепного венца трапезной до церковной кровли примерно две сажени (3,05 м) или же от земли около пяти косых сажени. И последний названный размер: *«...вверх высоты по три сажени»*. Значит, высота самой церковной кровли 4,5 м. О шеях и главах ничего не сказано, и их предстоит определить нам, как и плотникам, на глаз или, по словам порядных, *«по угожеству»*.

Верх на Благовещенской церкви был задуман необычный: *«...от розвалу режа * на двое»*, т. е. на два высоких и узких клина, что отвечало двум престолом, но не единому внутреннему пространству церкви. Пример аналогичного решения кровли клетской церкви мы знаем лишь один — уже упомянутый храм села Осиново, обмеренный в свое время Д. В. Милеевым. Каждый щипец должен был завершаться маковицей и крестом, обитыми белым железом, а скаты покрыты «лемехом крестовым», трапезная и паперть — «тесом з зубца ми», т. е. с пиками на концах, и «с прицелины» (рис. 19).

На следующий год, уже после того, как четверик церкви был срублен, а трапезная даже покрыта тесом и мастер 6 августа, судя по записи на обороте порядной, взял деньги третьего срока, случилось нечто такое, что чрезвычайно редко находит отражение в документах: староста *«по совету с крестьяны Троицкой волости»* велел мастеру изменить первоначально задуманное завершение церкви и не рубить *«на два верха»*.

Рис. 18. Западный фасад Введенской церкви села Осиново на Северной Двине. 1684 г. Обмер Д. В. Милеева (МАХ)

* Реж — система врубки бревен не в половину, а в четверть дерева, в результате чего между ними оставались просветы.

Чем было вызвано такое решение волостного мира? Дело в том, что при первом варианте появилось одно «рискованное» место — пространство между двумя внутренними скатами, где должна была скапливаться вода, задерживаться снег, а следовательно, быстрее протекать кровля и загнивать сруб. Правда, в порядной предусматривалось *«меж розвалы взделать два желоба для мочи»*. Видимо, такое решение показалось крестьянам все-таки опасным: оно потребовало бы частого ремонта крыш. Может быть, на это обратили их внимание церковный мастер, а может быть, они и сами пришли к такому выводу. Так или иначе, но *«тем делом крестьяне рубить не поволили для мочи»*, т. е. не позволили из-за сырости.

Теперь они решили сделать килевидное завершение — *«свести верх бочкою»*, уточнив при этом все детали новой кровли: *«...оную срубить во всю церковь на восток»*, т. е. вдоль храма; *«а ис тое бочки и з боков со сторон вывести шеи и маковицы и кресты»*, иными словами — установить главы на скатах бочки. Клетские храмы, крытые одной бочкой, известны. Это, например, Троицкая церковь 1714 г. Елгомского погоста [39, с. 198; 34, с. 80]. Но ни один из таких храмов не сохранился до наших дней (рис. 20).

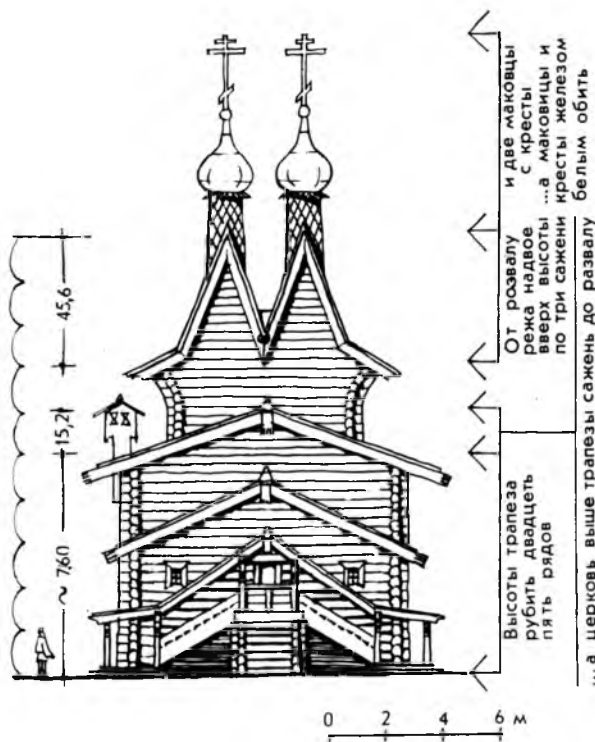

Рис. 19. Западный фасад Благовещенской церкви в Троицкой волости. Первоначальный замысел. Реконструкция

Новая кровля церкви должна была быть значительно выше первоначально намечавшейся: «...а высоты бочка рубить... пяти сажень до верха». Однако допускалось сделать ее еще выше или ниже на полусажень — как «будет годно...ему, Патрикею...». За это староста Богдан и крестьяне обещали мастеру добавить «сверх прежнего ряду к тому делу рубль». Так было записано 16 сентября 1638 г., а всего через десять дней Денисов уже «верх срубил бочкою» и взял тот рубль, что был ему «посулен сверх прежнего ряду».

Прошел год. В июне крестьяне внесли последнее изменение в уже почти готовый храм — «обложити паперть от трапезы полчетверти сажени...». Ранее предполагалось, что паперть с трапезной будет составлять одну связь, как это было, например, в Осинове. Почему теперь отказались от первоначального замысла — неясно. Может быть, потому, что для продольных стен потребовались бы чрезвычайно длинные бревна в 12,9 м. Их найти не так-то легко. Так или иначе, но паперть получила теперь самостоятельный сруб. Для того чтобы выделить его объем, было решено паперть с каждой стороны сделать уже трапезной на полчетверти сажени, т. е. на толщину всего одного бревна. О крыльце построенной церкви известно лишь, что оно имело «на обе стороны лесницы». На следующий месяц «июля в 14 день» 1639 года вся работа была закончена (рис. 21).

Храм, как уже говорилось, имел два престола. Поэтому порядная предусматривала разделение церкви на две службы решетчатой перегородкой: «меж службами решетка розгородить до крылоса, которой будет на середь церкви...» — решение до сих пор совершенно неизвестное (рис. 22).

Однако главное внимание в договоре уделено устройству трапезной, что, впрочем, и неудивительно: ее место в храме подобно сеним в хоромаш. Это самая большая часть церкви, настолько большая, что матицы, чтобы не прогнулись, были подперты двумя массивными столбами: «поставить в трапезе под матицы два столба...». Их массивность обычно подчеркивалась вырезанными в самой толще дерева дыньками и жгутами-перехватами. Как в избах и горницах, кругом стен — лавки. Кроме того, «да две скамьи посередь...». Народу здесь всегда было много: прихожане, ожидающие службу, крестьяне, пришедшие по мирским делам, не говоря уже о трапезах — мирских пирах-канунах по престольным праздникам и в дни поминовения усопших, собиравшие чуть ли не всю волость. Это по преимуществу гражданское назначение трапезной заставляло отделять ее от церкви рубленой стеной с колодной двустворчатой дверью посередине. По сторонам от двери — удлиненные окна («ис трапезы окна церковные взделать»), через которые стоящие в трапезе могли видеть и слышать службу. Над этими окнами — тябла (полки) и кiotы — рамы для икон (рис. 23).

Рис. 20. Восточный фасад Троицкой церкви Елгомского погоста. 1714 г.
Обмер Д. В. Милеева (МАХ)

Рис. 21. Общий вид Благовещенской церкви после изменения первоначального замысла
Реконструкция

У противоположной стены находилась печь, благодаря чему такие храмы называли теплыми, или зимними, в отличие от холодных, где служба бывала только в летнее время. В обязанности мастера входило «...и столб печной поставить, и опечек загородить», но саму же глинобитную печь ставил не он: «печь бить... крестьяном». Топилась она по-черному, и потому в записи предусматривалось на северной стене сделать «дымоволоочное окно и дымоволок». Каждый день ее нужно было топить. Да и трапезная — место оживленное — требовала постоянного ухода. Для этого мир даже нанимал «с осени и до вешнего времени» особого человека — т р а п е з -

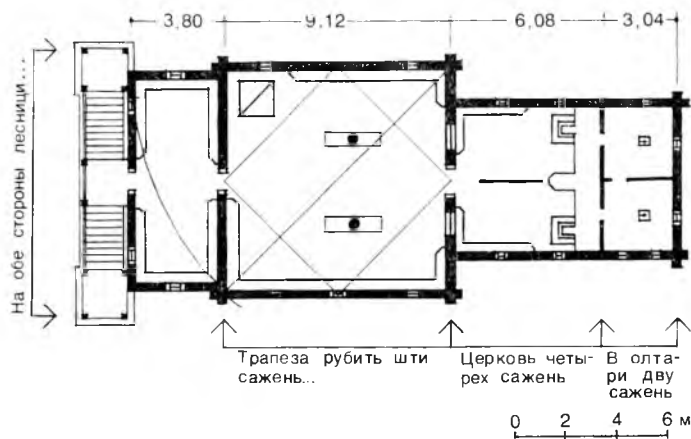

Рис. 22. План Благовещенской церкви, срубленной в 1639 г.
Реконструкция

Рис. 23. Трапезная Петропавловской церкви села Пучуги на Северной Двине. 1698 г. Фото В. М. Владимирова. 1900-е годы. (ГНИМА)

ника. Из договора с Федотом Козьминым, «сыном Володимировым», порядившимся на эту должность в Благовещенскую трапезную через двадцать лет после того, как ее срубил Патрикей Денисов, известно, что главная обязанность трапезника *«топить своими дровами еловыми»* и в эти дни даже *«спать в трапезе»*, потому что от черных печей нередко случались пожары. Затем — *«мыть стены и пол и лавки почаству», «с потолка сажу опахивать», «с папертной ж лестнице снег опахивать», «осенью углы мохом... покладывать»*. Федот Козьмин должен был и созывать всех на волостные сходы: *«...когда лучица... для какова государева дела или для какова мирского совету в трапезу крестьяном сходиться, ...трапезнику по крестьян ходить безослушно»* *.

В трапезной царил такой же полумрак, как и в церкви: в южной стене было всего одно колодное окно и два волоковых («простых»), а в северной — одно волоковое. Поэтому от трапезника требовалось при мирском денежном сборе *«у стола огонь светити безослушно»*. В другой порядной еще добавлено: *«...а будет... крестьяне изволят... канун варить, мне, Фоке, канун варить по-прежнему...»*. Значит, трапезник был и общественным пивоваром. Все, что происходило в трапезной, имело к нему прямое отношение.

Трапезная, по словам И. Э. Грабаря, есть родное детище избы [28, с. 226]: такие же «опушенные лавки» и тесаные стены, такие же окна, пропускающие мало света, тот же запах дыма, но в то же время обширностью пространства, прихотливой резьбой могучих столбов, росписью дверей и потолков она походила скорее на боярские хоромы.

* Архив ЛОИИ, колл. 27, оп. 2, № 83 — порядная в трапезники, 1663 г.

Итак, мы попытались описанную в порядной церкви представить графически. И хотя мы уверены в правильности нашей реконструкции, остается неясным многое из того, что было так понятно составителям договора. Трижды П. Денисов ссылается, как на образец, на теплый храм в родной ему Борецкой волости: «...а перевод трапезной и подцерковье рубить... как под борецкою трапезною». Но церкви в Борке уже давно нет, и потому о подцерковье нам ничего неизвестно, если, впрочем, не считать, что из церкви и из трапезной туда вели «двери... на полу... нутряные с лестницы».

Трижды упоминается храмовый придел, однако как он примыкал к церкви, какое имел завершение, да и, вообще, как выглядел, — об этом нет ни слова в порядной, и потому мы не сочли возможным показать его на реконструкции. Мало надежды, что когда-нибудь найдется изображение подлинной Благовещенской церкви: известно, что она была разобрана еще в 1818 г. [6, с. 191—192].

Ровно через тридцать лет неподалеку от села Троицы, в Хаврогорах, три других мастера возвели величественный шатровый храм, подобный сооружениям в Панилове, Верхней и Нижней Тойме, Белой Слуде и другим, которые еще в начале нашего столетия, словно маяки, высились по берегам Северной Двины и ее притоков. Плотники в своей записи четко указали тип храма и его части: «...зачать рубить нам... церковь и олтарь и трапезу во имя Собора архистратига Михаила и со службы (приделом) мучеников Флора и Лавра, а церковь та срубить теплая шатровая...».

Несомненно, что в основе этого храма — восьмириковый или, как раньше говорили, круглый сруб от земли. Красота подобных храмов, напоминавших по силуэту могучие ели, заключалась в совершенстве пропорций, и потому особенно обидно, что порядная не называет размеры плана. Однако известны высоты: «рубить до розвалу девяти сажень з земли в вышину, а сажени мера полтретья аршина з двема вершками», что означает два с половиной аршина с двумя вершками, или около 17 м до повала. Дальше есть указание на то, что «осмнадцати сажень та церковь вся», «от земли до креста». Таким образом ее общая высота 34 м, шатра — примерно 15,5 м, так как надо учесть, что еще повал имел, вероятно, около 1,8 м высоты.

П. Н. Максимов, анализируя пропорции деревянных храмов, определил, что у многих восьмириковых церквей XVII в. высота шатра равна высоте восьмирика и одновременно диагонали квадрата, в который может быть вписан восьмирик церкви [44, с. 69]. Хаврогорская церковь относится к той же группе, ибо у нее также высоты восьмирика (без повала) и шатра равны. В таком случае можно построить квадрат с диагональю, равной высоте сруба. Вписав в него восьмирик, мы получаем план самой церкви со стороной в 4,2 м, хотя,

разумеется, в натуре это вряд ли был идеальный восьмиугольник: в каждом случае, как показывают точные обмеры, он оказывается вытянутым в какую-либо из сторон (рис. 24).

К восточной стороне примыкает квадратный в плане алтарь, к северной — придел. Такое расположение придела наиболее вероятно, ибо подкрепляется как аналогичными решениями в других деревянных церквях (например, в подобном по типу Ильинском храме Сийского прихода, стоявшем, кстати, неподалеку от Хаврогор), так и тем, что в южной стене основного объема было предусмотрено окно, которое оказалось бы заслоненным, будь с этой стороны «другая служба».

Чрезвычайно трудно ответить на вопрос: каков был размер трапезной и как она примыкала к восьмерику, ибо известные памятники такого типа дают самые разнообразные варианты. В предлагаемой реконструкции мы ориентируемся на уже упомянутый храм Сийского прихода [39, с. 216; 6, с. 303], во всех отношениях наиболее близкий к Хаврогорскому. Кроме того, один из трех плотников — Никифор Резвых был как раз оттуда родом. Тогда по аналогии ширина трапезной будет равна ширине восьмерика. А если учесть, что трапезные в подобных храмах обычно приближались к квадрату, то все три стены по длине должны быть равны ширине церкви. К трапезной, в свою очередь, примыкает паперть, размер которой определяется таким же способом, что и в Благовещенской церкви Троицкой волости, — засечкой диагонали трапезной из любого восточного угла.

По поводу того, как был устроен вход в придел, в порядной есть только одна фраза: «...будет дасться грамота, что из службы ход в большую церковь, ино крыльцу не быть, а не дасться грамота, тако ино зделать паперть возле церковь до трапезы с крыльцом...». Итак, предусмотрены два варианта: первый — без крыльца и со входом в придел через главную

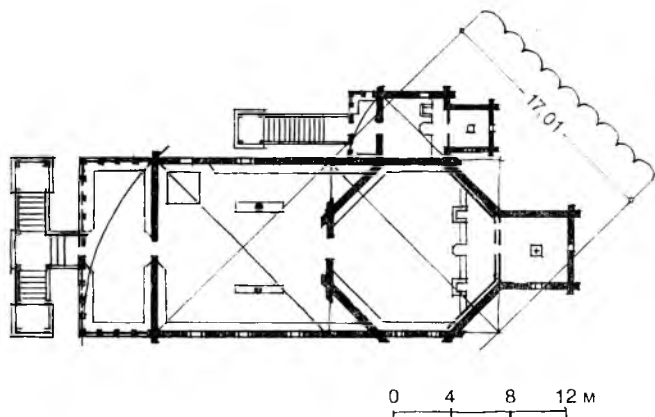
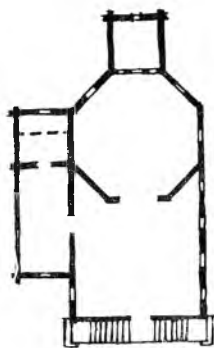

Рис. 24. План церкви Архистратига Михаила в Хаврогорах. 1670—1672 гг. Реконструкция

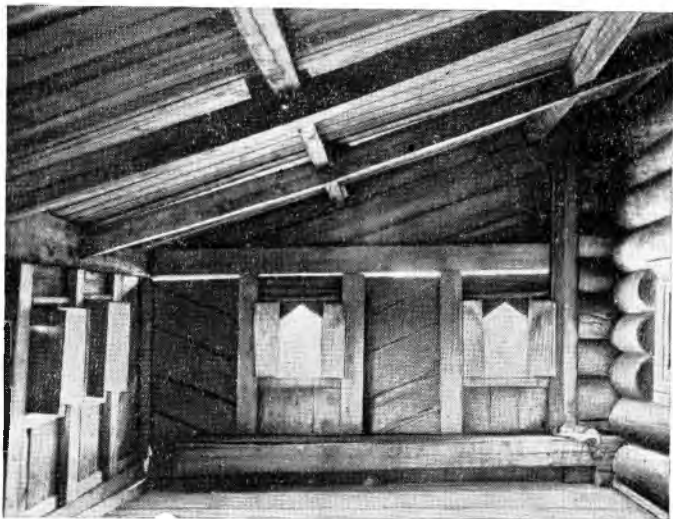

**ПЛАН ИЛЬИНСКОЙ ЦЕРКВИ
СИЙСКОГО ПРИХОДА
НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ.
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.
Обмер В. В. Суслова**

церковь и второй, когда паперть придела располагается вдоль его западной стены и к ней ведет самостоятельное крыльцо «з бочкою» над рундуком. Паперть тут получается очень небольшой и потому крытой, скорее всего на один скат, как, например, у церкви Дмитрия Солунского в Верхней Уфтьюге (рис. 25). Крыльцо — скромнее главного и в отличие от него, наверное, односкатное. Будем считать, что срубили именно так.

Как же выглядел Хаврогорский храм с запада? Перед главной папертью — высокое крыльцо, верхний рундук которого также крыт бочкой, с него «две лисницы с рундуками...» вниз. Паперть, к которой оно примыкает, крыта «на два скаты». Они, в свою очередь, имеют «две тесницы з зубцами и со скалами», т. е. тес положен в два ряда так, что верхние тесины прикрывают стыки нижних. На их концах — зубцы-пики. Стены паперти тесовые, «забраны в косяк», «промеж столбами в аршин». В западной стене «по два окна» с каждой стороны от двери.

За папертью возвышается рубленая трапезная. Высота ее пола от земли, как и во всем храме, немногим более 3 м («трапеза рубить порог на девятом ряду»). Ее последний, подкровельный, венец — на двенадцатом ряду от пола: «... рубить черепы на двенадцатом ряду», значит вся высота ее составляет около 3,5 м (рис. 26). Крыта трапезная как и паперть, на два ската, причем в кровельных тесинах сделаны желобки-дорожки, чтобы с них лучше скатывалась вода: «верхней тес зубцовой дорожить...». По коньку положен охлупень с вырезанным в нем (а не вставным!) гребнем.

**Рис. 25. Паперть церкви Дмитрия
Солунского села Верхней Уфтьюги.
1785 г.
Фото К. К. Романова. 1911 г. (Му-
зей этнографии народов СССР)**

Как уже говорилось, восьмерик завершается шатром ряжевой конструкции. Его «реж» крыта *«троепленной чешуею... в аршин и доле»*, т. е. лемехом городчатым более 70 см длины. Под маковицей — «воротник» из двух рядов красного теса: *«...двое зубцы покрыть в два тесу...»*. Алтарный прируб так же, как и крыльца, завершается бочкой. Между нею и шатром предусмотрено *«поток взделать и мочь отвести»*: сырость была всегда предметом особого беспокойства строителей. Придел Флора и Лавра во всем, но как бы в миниатюре, повторяет главную церковь с тем лишь отличием, что его восьмерик покоился на четверике: *«а на службы зделать осерня и реж и маковица»* (рис. 27).

Тут надо заметить, что воссозданный облик хаврогорской церкви представляется несколько необычным: следование указанным в порядной размерам привело к явному нарушению традиционной для Севера системы пропорционирования восьмериковых храмов. Здесь шатер оказался по высоте меньше восьмерика, тогда как чаще всего они бывали равны. Чем это вызвано? «Безграмотностью» заказчиков или ошибкой в записи? Как поступили плотники — «выдержали» размеры, заданные порядной, или отступили от них в соответствии с традициями? Эти вопросы остаются без ответов: церковь сгорела в 1792 г. [6, с. 313], и нам при реконструкции не остается ничего другого, как строго выполнить предписания порядной.

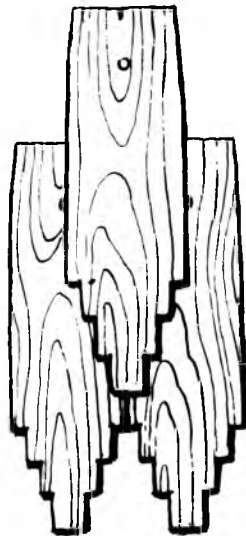
Теперь несколько слов об интерьере (рис. 28). Полы всюду, как и в вологодских горницах, двойные, со слоем земли. Верхний пол сплочен из брусьев. Потолки — из плах, уложенных между брусами. Стены в церкви гладкие: *«стены тесать до подволоки»*. Места для певчих — клиросы отгорожены от помещения для молящихся тесом, забранным «в косяк». *«Околь крылосов»* и вдоль церковных стен стояли лавки. Иконостас здесь, как и в других деревянных церквях, полностью закрывал алтарный прируб. В порядной упоминаются лишь *тябла* — брусовые полки, на которых вплотную друг к другу стояли иконы. В остальном мы представляем его по аналогии с другими тябловыми иконостасами, известными по фотографиям и зарисовкам начала нашего века. В центре — царские двери, состоящие из створ врат, навешанных на резные столбцы-верен, и сень над ними.

Иконостас — самое освещенное место в церкви: солнечный свет с утра падал на него через южное окно «под подволокою», а затем днем — через два других, расположенных, по видимому, напротив, в западных стенах. В алтарях — по одному колодному окну с юга и «поползучее» — волоковое — с востока.

Хаврогорская трапезная похожа на Благовещенскую. Порядная здесь уточнила лишь детали: все ее четыре окна (три — «на летней стороне») — колодные, со ставнями, «дым-

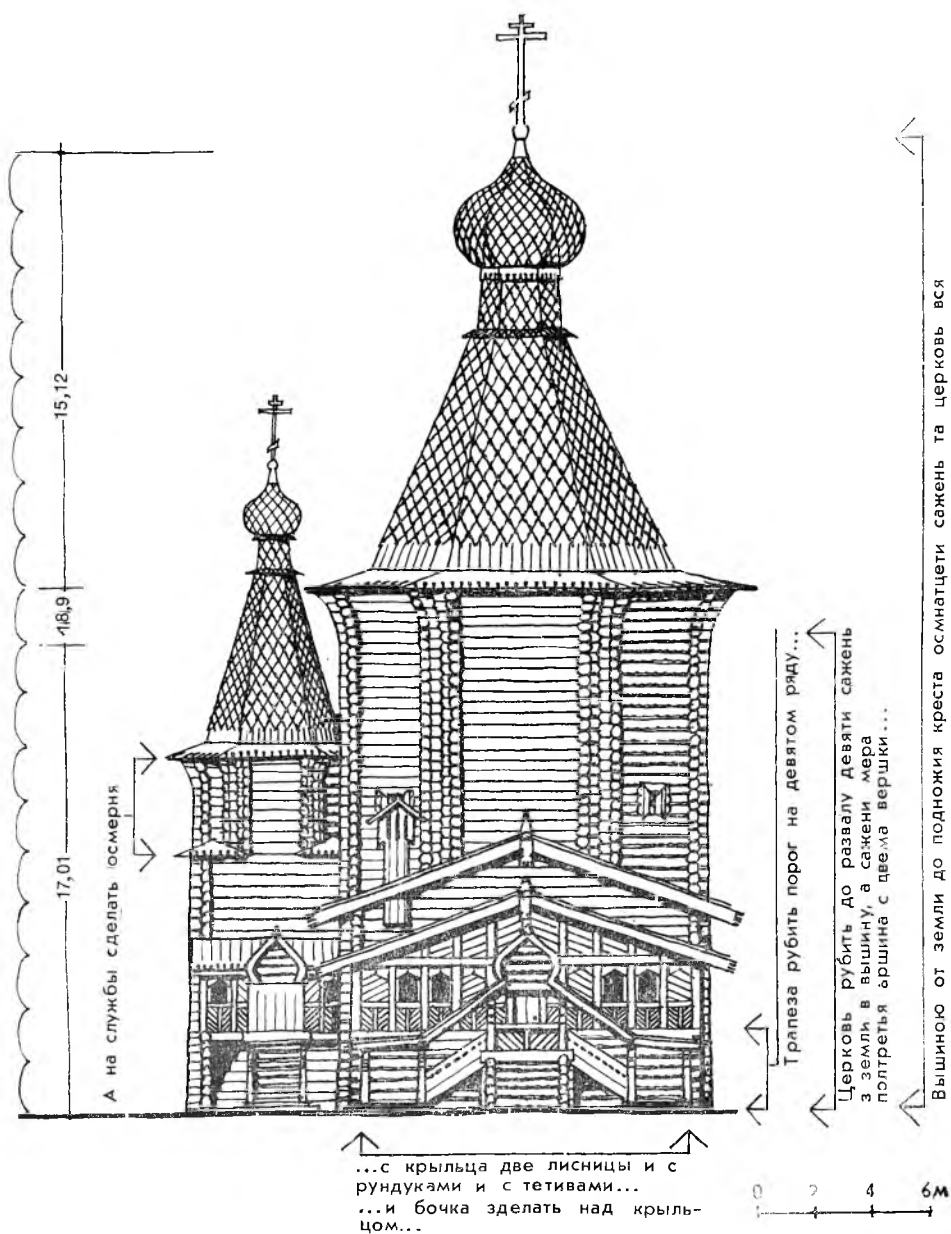

РЕЗНОЙ ГРЕБЕНЬ

ЛЕМЕХ «ТРОЕПЛЕЧНЫЙ»

Рис. 26. Западный фасад церкви
Архистратига Михаила в Хавро-
гах
Реконструкция

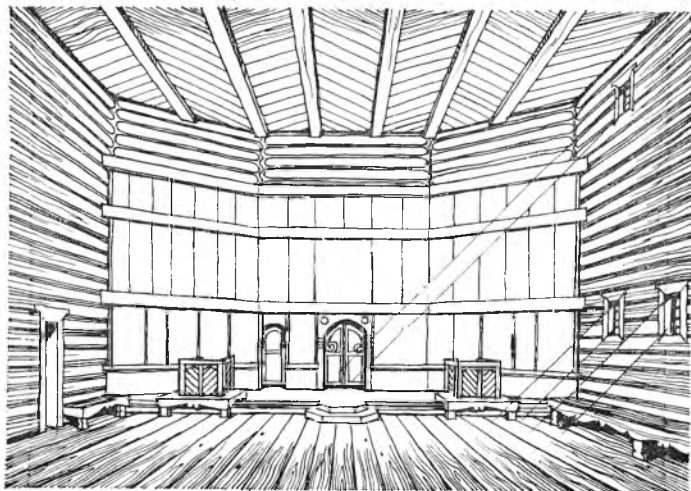
ник сделать на вывод на руке», т. е. коленом, и «покрыть тесом зубцами». Потолок трапезной лежит «на двух матицах», каждая из которых в два бревна, под ними — два резных столба «с яблоками».

«Распутывать» порядную нелегко: о каких-то деталях сказано по два и даже по три раза, об иных, казалось бы, важных — ни слова. Так и видишь, как плотники вместе со старостой и крестьянами вспоминали то об одном, то о другом, иногда повторялись, иногда уточняли, пропуская то, что и так понятно или же, что все знают по выбранным образцам. И эта порядная полна указаниями «срубить... тем пере-

Рис. 27. Общий вид церкви Архистратига Михаила в Хаврогорах
Реконструкция

Рис. 28. Внутренний вид церкви
Архистратига Михаила в Хавро-
горах
Реконструкция

водом, как на Емищком погосте Дмитрий Селунской», «как зделано нами служба Василия Блаженного», «как зделано на Хаврогорах у Предтечи». Всё это храмы, не дожившие до нашего столетия.

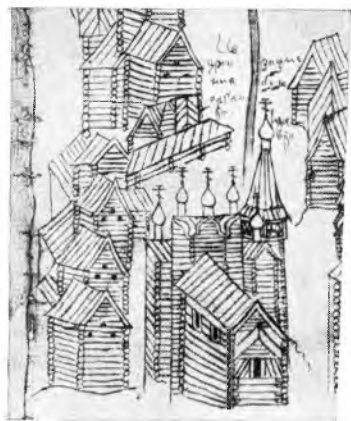
Но вот третья запись в этом отношении — счастливое исключение: соборную церковь Егорья Стратотерпца «с приделы» Архистратига Михаила и пророка Ильи рубили на Минешком погосте плотники из Тихвина и образцом для них была посадская Флоролаврская церковь, одна из тех, что изображена на знаменитых Тихвинских планах (рис. 29).

Как и в Хаврогорах, порядная дает только вертикальные размеры. «...срубить стопы церковной... сорок рядов до повалу...». Если считать, что повал имеет 5—6 бревен и все они «в отрубе» семь-восемь вершков, то высота четверика 14,8—15,0 м. Изучение четвериковых церквей показывает, что в их высоту чаще всего укладываются два плановых квадрата. Так определяется план самой церкви, а затем с помощью пропорционирования мы получаем удвоенный квадрат трапезной, уменьшенные в два раза квадраты приделов и производные от них квадраты алтарных прирубов (рис. 30).

Какой же верх имела Егорьевская церковь? Вчитаемся в текст порядной: «...срубить пределы покрывая по подобию, и на тех пределах поставить на шеях главы по подобию ж...». К этому добавлено, что главы здесь должны иметь по четыре сажени.

Одного взгляда на изображение Флоролаврского храма достаточно, чтобы понять, что приделы примыкали к церкви с юга и севера, что завершались они двускатными кровлями, напоминая этим клетские церкви. Читаем дальше: «...и вышод с пределов, срубить четверня, также по подобию... и тот чет-

Рис. 29. Церковь Флора и Лавра
на Большом посаде
Фрагмент плана Тихвинского по-
сада 1679 г. (ЦГАДА)

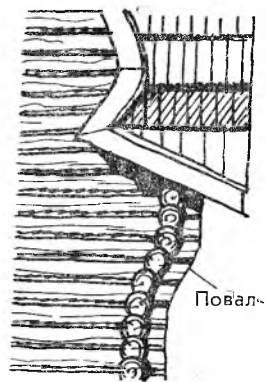

верик розвалить по подобию ж; с розвалу крестовая бочка на четыре лица, на тех бочках поставить пять глав... малые четыре главы по три сажени». И тут-то идет столь важное для нас добавление: «...а бочки и главы построить, как на Тихвинском посаде у Флора и Лавра...». Следовательно, стороны четверика завершаются бочками, в основании которых стены имеют повалы без полиц, решенные, видимо, так же, как и на восьмерике знаменитой Преображенской церкви в Кижях. И этим-то наша церковь отличается от всех тех, что имеют завершение в виде крещатой бочки [16, с. 181—182]. На коньках широких бочек Егорьевского храма — по главе. Но это еще не все. Поверх крещатой бочки... восьмерик, ибо после упоминания «четверни» в записи сказано: «восьмерику восьмь рядов розвалить...». Значит, здесь повторяется композиция церкви Спаса Преображения, что стояла на Большом посаде Тихвина (рис. 7 и 8). Только там восьмерик завершался традиционным шатром, а здесь на восьмерике — шестерик: «...под ту большую соборную главу срубить шестерня брусовая в лапу...; мерою соборная (глава) ...шесть сажень..., а на пределах по четыре сажени».

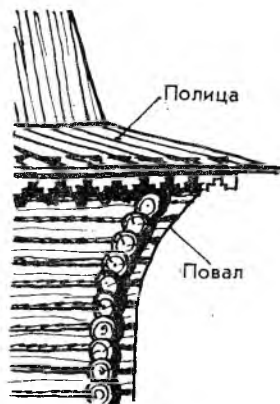
Шестерик на восьмерике — прием неконструктивный и несовершенный — возможно, один из тех, что, «не выдержав испытания временем», не прижился в деревянном зодчестве. Различия в величине глав каждого яруса, наоборот, — черта, встречающаяся почти во всех многоглавых храмах.

Паперть Егорьевской церкви, как и тихвинской, была тесовой, с окнами через «прясло», под ней — сруб, рубленный «в лапу». Впереди нее — великолепное крыльцо «на три всхода», с рундуками, у которых упомянуты даже «столбики... точеные». Паперть и трапезная, как приделы и алтари, крыты двускатными кровлями «в два теса... с причелины и с гребнями резными», а бочки и главы — «чешую» (рис. 31).

Итак, перед нами четвериковая церковь с ярусным завершением и десятью главами, если считать и главы над алтар-

ПОВАЛ БЕЗ ПОЛИЦЫ

ПОВАЛ С ПОЛИЦЕЙ

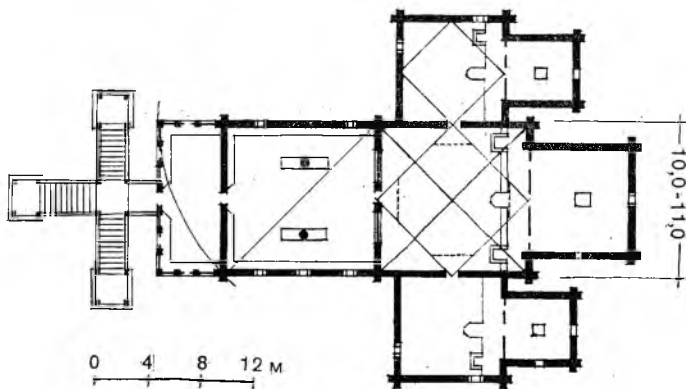
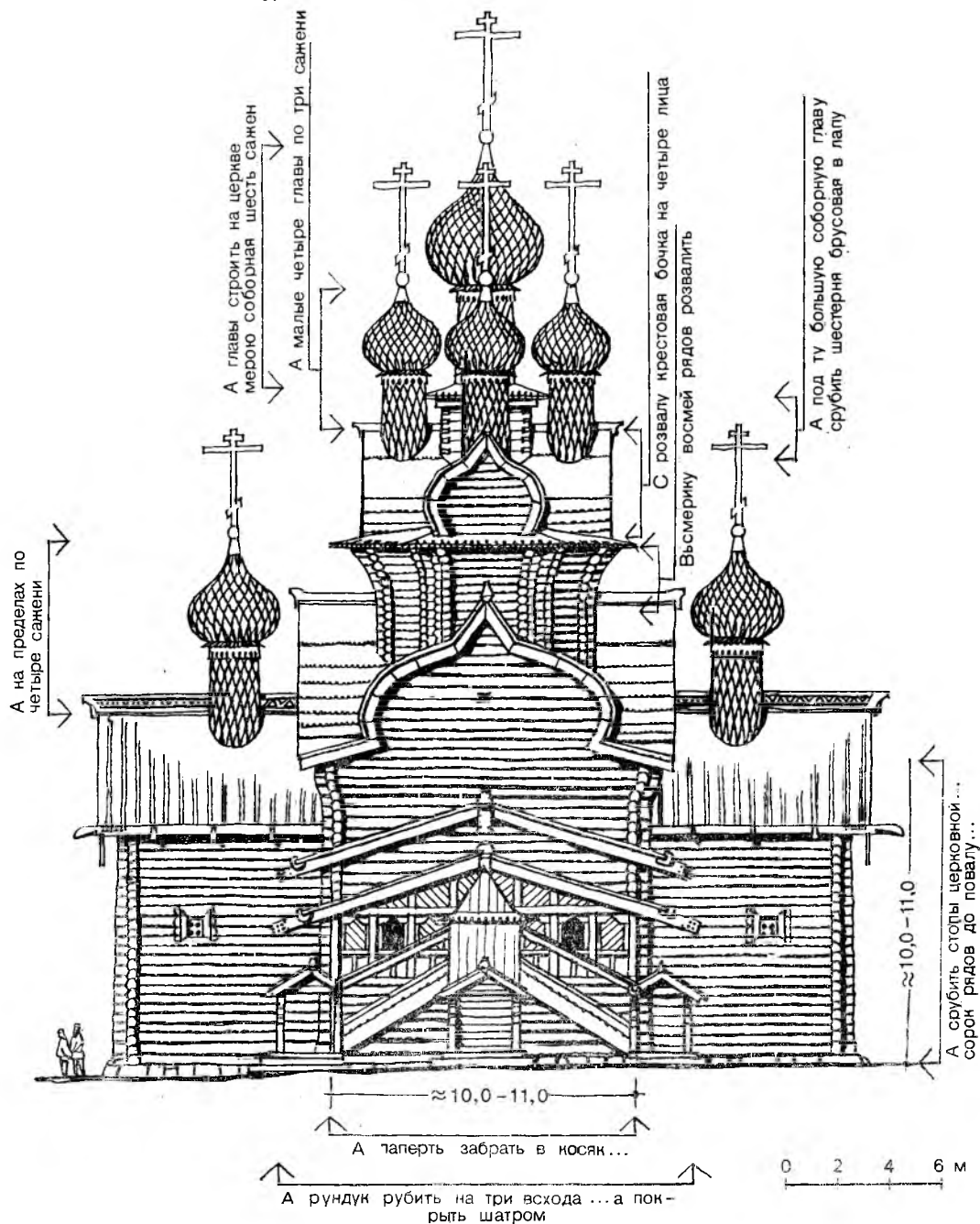

Рис. 30. План Егорьевской церкви Минецкого погоста. 1700 г. Реконструкция

Рис. 31. Западный фасад Егорьевской церкви Минедского погоста
Реконструкция

ными прирубами (рис. 32), одна из предшественниц построенного всего через 14 лет знаменитого кижского многоглавого храма и одновременно относящаяся к типу тихвинской Спасо-Преображенской церкви, сгоревшей всего за семь лет до начала строительства на Минецком погосте. Подобных сооружений уже не было в конце прошлого века, а эта замечатель-

Рис. 32. Общий вид Егорьевской церкви Минецкого погоста
Реконструкция

ная церковь вместе с приделами погибла в пожаре «1742 года августа 18 дня» *.

Конечно же, здесь удалось восстановить не более чем схему того храма, который стоял когда-то на Минецком погосте. С помощью порядной, пусть самой подробной, невозможно уловить множество неправильностей, отступлений от «подобий», короче говоря, всего того, что составляет неповторимую прелесть каждого подлинного произведения искусства. И все же такая, даже заведомо обедненная реконструкция дает представление об удивительном разнообразии форм и решений, существовавших в деревянной архитектуре.

Долго ли жили «церковный мастер» Патрикей Денисов, архангелогородец Иван Якимов, сийский крестьянин Никифор Резвых, тотмянин Семен Онуфриев, тихвинцы Гаврила Ефимов, Михайла Родионов, Иван Павлов да Борис Наумов прозвищем Плотник, что они еще срубили на своем веку — нам неизвестно. Остались только порядные, но и они поведали о добром мастерстве этих подлинно народных зодчих.

* Гос. архив Новгородской области, ф. 480, оп. 1, № 865, л. 21.

III. АНСАМБЛЬ ПОГОСТА В БЕСТУЖЕВЕ

На красе-то она да поставлена...

В юго-восточной части Архангельской области на протяжении почти пятисот километров течет река Устья, впадающая в Вагу. Начало она берет неподалеку от верховьев Северной Двины. На среднем течении Устья расположено село Бестужево с шатровой церковью XVIII в. — по существу единственным дошедшим до наших дней памятником деревянной культовой архитектуры всего Устьянского района *. Она представляет большой интерес не только своей архитектурой, но и как часть своеобразного ансамбля северного села, корни которого уходят в глубину столетий. Чтобы понять, как здесь, вдали от основных дорог Севера, возник один из первых устьянских погостов, обратимся к истории.

В XI в. Великий Новгород ведет упорную борьбу за господство в Заволочье — так тогда именовали земли по Ваге и ее притокам. На их берегах в этот период возникают первые новгородские укрепленные городки — древнейшие погосты. Почти одновременно с юга проникают на Север и ростовские князья. Согласно «Списку Двинских земель» 1471 г., к северу от Бестужевской волости располагались владения князя Федора Андреевича Ростовского: «*Кодима да Пучуга, да Иксо-озеро, да Юмыш с устия до верховиа*», верховье же Юмыша находится вблизи Бестужева.

Но в то же время благодаря взаимному ослаблению Новгорода и Ростова в их борьбе за Заволочье устьянские волости уже в XIV в. были предоставлены сами себе, а к 1555 г. добились земского самоуправления. К этому времени здесь насчитывалось пять волостей. Самой большой среди них была Усецкая, охватывавшая все верхнее течение Устья до села Шангал — центра волости. В нее-то и входил Бестужевский стан (в древности назывался Введенский).

На Устье существовала легенда, записанная историком края М. И. Романовым. В ней рассказывается о трех князьях, владевших тремя градками — Вежой, Полудихой и Шалимовой. Скорее всего, что именно на этих трех холмах и возникли первые укрепления новгородских ушкуйников (не случайно они носят русские названия). Позднее неподалеку от них, ближе к реке, расположились и деревни: под Вежой — не существующая ныне Подгорская, под Полудихой — Черная, а под Шалимовой — Бестужево.

Названия этих гор полны глубокого смысла: вежа в старорусском языке означает башню, вышку; Полюдиha могла

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. УСТЬИ

* Уже после того, как были проведены исследования, в ночь на 17 июня 1978 г. обрушился шатер Бестужевской церкви. Существующие разработки института «Спецпроектреставрация» проекта реставрации памятника (архит. Б. П. Зацепин) делает возможным и необходимым его восстановление.

Рис. 33. Бестужево. Вид на погост с юга
Фото И. Ф. Лукинского. 1912 г.
Из коллекции А. С. Кузьмина
(Вельск)

быть связана с полюдьем — сбором дани устечскими князьками, а Шалимова, наверное, происходит от слова *шоломя* — гора, курган (вспомним в «Слове о полку Игореве»: «*О Русская земля, ты уже за шеломянем еси!*»). Мысль о древнем пограничном острожке на месте нынешней Шалимовой приходит еще и потому, что существует общее название всего холма, на котором стоит деревня и неподалеку от нее церковь, — Буюво, а это слово в северорусских говорах употребляется не только в значении пустыря на возвышенности, но и как грань, межа, граница.

Характерно, что центры устьянских погостов, т. е. в далеком прошлом церковно-административных округов, таких, как, например, Бестужево, в окружавших деревнях раньше называли Русью, а жителей — русянами. Лишь позже стали говорить — волость. Так произошло оттого, что население деревень, в отличие от русских погостов, было когда-то исконным, коренным.

Как известно, погосты на Севере возникали обычно на местах родовых становищ, уже освоенных прежними жителями края. Не исключено, что и на месте самого Бестужева существовало чудское поселение с языческим культом. Наше предположение основывается на бывальщине о Бабьей Горе, возвышающейся рядом с Шалимовой:

... А посреди леса дремучего
На крутой-то Бабьей Горе
Лежит сер-матёр камень ...

под ним, — говорится дальше, — зарыта «золотая баба»: здесь разбойники, которые часто проходили по Устью, спрятали

золото *. Старожилы вспоминают, что раньше по вечерам и на праздники сюда собирались бабы и девки петь, плясать, водить хороводы. Возможно, этот обычай сохранился с тех давних пор, когда на Бабьей Горе находилось языческое капище какого-то женского божества. Рассказы же о разбойниках, зарывших здесь клад — «золотую бабу», и о похороненной тут купеческой невесте надо отнести к позднему переосмыслению предания. Древний культ, но уже в христианском облике, возродился в середине XVII в., когда началось почитание Прокопия — местного святого.

Теперь скажем о путях, пролежавших в древности по Устью. При взгляде на карту, Устьянский край может показаться тупиком. На самом деле это не совсем так. По Устью через небольшие речки Верхнюю и Нижнюю Ергу — притоки Сухоны — Великий Устюг был связан с Вагой. Верхняя Устья, в частности, Усть-Мехреньский (или иначе Дмитриевский) погост, до недавнего времени имел дорогу на Северную Двину, к Черевкову, а в прошлом — на Пермгорье. Кроме того, через Бестужево шел старинный путь на Двину, к Нижней Тойме, по рекам Юмышу и Кодиме, а сухопутный — на Шенкурск. Таким образом, в Бестужево, где Устья делает крутой поворот с северо-запада на юго-восток, перекрещивались многие торговые пути Севера. И именно здесь, на крутом правом берегу расположился погост. Под ним — обширный заливной луг, прорезанный двумя небольшими речками Сенюгой и Верюгой, тут же, под угором, впадающими в Устье. В прошлом, когда Верюга была полноводнее, по ней через небольшой волок в 5—6 верст около Акичкина Починка можно

Рис. 34. Бестужево. Вид на погост и реку Устья от деревни Шалимовой
Фото В. С. Воронова. 1928 г. (ГИМ)

* ГБЛ, оп., ф. 218, № 515.3, л. 2 об.

было попасть к верховьям Кодимы и Юмыша: под погостом брал начало самый короткий путь на Северную Двину.

Бестужевская церковь хорошо заметна всем, подплывающим по Устью, как с одной, так и с другой стороны (рис. 33). Шатер ее выглядывает из-за Шалимовского холма и для тех, кто приближается к погосту по Верюге или по нынешней дороге вдоль ее берега. В то же время и от церкви вся округа видна, как на ладони: *«на красе-то она да поставлена»*, — говорит бестужевская бывальщина. И действительно, тут особенно ощущаешь, что всё — сама Устья, дорога по ее берегу в сторону Шангал, заливные луга, прихотливые петли Верюги, порядки домов, вытянувшиеся под горой и, наконец, сама церковь, господствующая над этой ширью, — всё неразрывно связывается друг с другом в единый и неповторимый ансамбль (рис. 34).

Нередко в весеннее половодье из деревни в деревню попадали только на лодках. В это время шатер, высоко взметнувшийся над водной гладью, служил своеобразным маяком: он означал самое высокое место, а главное — определял центр всей волости, к которому с разных сторон тянулись дороги и тропинки. Тут следует сказать, что Бестужево — это куст из 32 деревень, стоящих по берегам Устья и двух ее притоков (рис. 35).

Такой тип поселения возник еще в дохристианское время. В его центре было святилище, на месте которого, как уже говорилось, русские поселенцы по традиции ставили церковь. Селение постепенно росло, из домов первых поселенцев выделялись братья и сыновья, расчищали поблизости участки леса

Рис. 35. Схематический план Бестужевской волости

для своих усадеб — так появлялись займища, выставки, починки, часто бравшие имя первого поселенца: Акичкин Починок, Фомин Починок.

Кроме Шалимова, все бестужевские деревни расположены ниже церкви, и от этих деревень ее силуэт почти всегда рисуется на фоне неба. Особенно характерна планировка самого Бестужева — центра волости. Дома в нем обращены фасадами к Устью — главной «проезжей дороге», и не случайно: в любой момент из окон можно увидеть реку, вовремя заметить приближение рыбаков, присмотреть за лодками, наблюдать за подъемом или спадом воды весной и осенью. И еще одно соображение заставило поставить дома именно так: «глазами» они смотрят на юг, а это чрезвычайно важно в условиях северного климата.

С течением времени места под церковной горой стало не хватать. Пришлось по тому же берегу Устья чистить лес дальше, и к первым домам начали пристраиваться другие. Селение вытягивалось вдоль реки, уходя все дальше от погоста. Примечательно, что до сих пор эту относительно новую часть Бестужева называют Новочистью.

Благодаря тому, что главный порядок слегка огибает церковную гору, каждому, входящему в Бестужево с востока, сразу видны весь длинный ряд домов и над ними в перспективе — церковь, напоминающая издали мощную крепостную башню. Когда-то деревенский порядок был точно сориентирован на другой храм, тоже шатровый, — Никольский (в 1803 г. на его месте стали строить каменную церковь), хорошо види-

Рис. 36. Бестужево. Вид на церковь со стороны села
Фото М. И. Мильчика. 1973 г.

мый из окон домов, обращенных к реке. Церкви были единственными вертикалями, которые зрительно как бы стягивали к себе все селения волости, связывали их в единое целое. И нынешняя церковь, оставшись одна, до сих пор продолжает служить архитектурным центром всей округи (рис. 36).

Новый порядок домов, выраставший за Запольским ручьем, не последовал за изгибом реки, а отойдя от нее, вытянулся вдоль дороги: неразумно было ставить дома на низком, затопляемом в половодье участке берега. Кроме того, сухопутная дорога, «срезающая» многочисленные петли реки, в XIX в. стала играть в жизни устьянского села достаточно большую роль. К концу века появляется и второй ряд домов. Они все «отвернулись» от Устья, образовав обычную улицу, в которую переходила дорога, а именно с ней теперь были связаны торговые интересы Бестужева.

В это время получают известность две ярмарки — Введенская и Прокопьевская. На них съезжались купцы из Вельска, Шенкурска, Тотьмы, Вологды. Торг в течение трех дней шел прямо у церквей, а также и под горой, где были поставлены специально для ярмарочного времени амбары и склад-магазин. Чтобы собрать побольше народу, особенно из дальних деревень, летняя ярмарка была приурочена ко дню Прокония Устьянского.

Однако почему церковь поставлена не на месте Шалимовой — самой высокой точке Бестужева, а в «полгоры», как сказано в бывальщине? По этому поводу в легенде об устьянском Проконии даже рассказывается, что бревна много раз привозили на Шалимову, собираясь там рубить церковь, но ночью они каждый раз скатывались ниже. Конечно, возможно, первый храм и располагался на самой горе, но в таком случае он оказывался далеко за озадками домов, не был виден из окон и никак не увязывался с растущим вдоль реки селением. Кроме того, необходимость подъема на крутую гору в дни ярмарок затрудняла сообщение погоста с берегом.

О первых церквях Введенского погоста сведений нет, но известно, что деревянные храмы существовали уже во второй половине XVI столетия, так как к концу XVII века они «от многолетнего стояния... обетшали и углы у них огнили и обвалились»*.

Судя по писцовой книге 1645 г., на берегу Устья высились тогда колокольня и три церкви: холодная Введенская «*древяна верх*», рядом — теплая Флора и Лавра «*древяна клетцки*» и третья — также теплая Никольская «*древяна клетцки с трапезою...*»**. Благословенная грамота холмогорского и важнецкого архиепископа Афанасия предписывала эти церкви разобрать и «*на прежнем месте*» возвести новые.

В 1692 г. начали строить Никольскую церковь опять с трапезной, но теперь шатровую (в 1803—1809 гг. ее заменили каменной Введенской, просуществовавшей здесь до

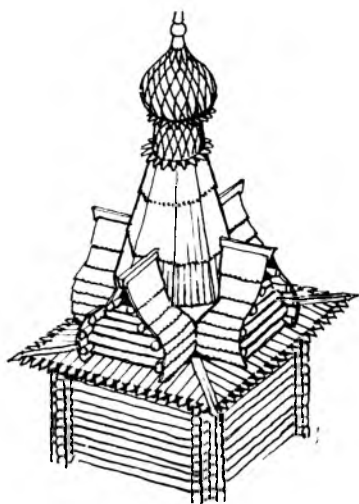
* ВКМ, № 1450, л. 3, 3 об.
** ЦГАДА, ф. 1209, № 510,
л. 206 об., 208 об. — 209.

1948 г.), а рядом чуть позже — в 1696 г. была срублена непосредственная предшественница ныне существующей, холодная «во имя Введения». Об ее облике с достаточной основательностью можно судить по иконе Прокопия Устьянского (конец XVII в.), находящейся в Архангельском музее изобразительных искусств (рис. 37).

На иконе, написанной, вероятно, в связи с канонизацией святого, изображен Прокопий, воздевший руки в сторону Богоматери. На переднем плане — открытая гробница с его мощами. За ней возвышается весьма тщательно нарисованный храм — центр всей композиции. К зрителю он обращен одним, по всей вероятности западным, фасадом (только в таком случае не может быть виден алтарный прируб). Плоскостное изображение и форма иконной доски, близкая к квадрату, легко объясняют отступление от подлинных пропорций подобных храмов, в действительности несколько вытянутых.

Рис. 37. Введенская церковь на иконе Прокопия Устьянского. Конец XVII в. Фрагмент (Архангельский музей изобразительных искусств)

ШАТЕР НА КРЕЩАТОЙ БОЧКЕ

Иконописец подчеркнул даже то обстоятельство, что церковь расположена на горе: по обе стороны от нее показаны крутые склоны. Поражает достоверность, с которой переданы материал и многие конструктивные подробности. Перед нами церковь, относящаяся к типу «шатер на крещатой бочке»: хорошо видна центральная глава, венчающая небольшой шатер, и три другие, насаженные на коньки бочкообразных кровель. Такой верх очень точно описан в отрывке из порядной записи второй половины XVII в. на строительство подобного же храма в неизвестной нам Сухановской волости: «...на верху учинить розвал и на том розвале верх срубить бочка с четырех стран крестообразно и на тех бочках сделать четыре главы, а на середине учинить шатрик маленькой и на том шатрике поставить большая средняя глава...»*. Художник точно зафиксировал и различные виды покрытий: бочки и главки крыты городчатым лемехом, шеи — остроконечным «клинчатым», а полицы — зубчатым тесом.

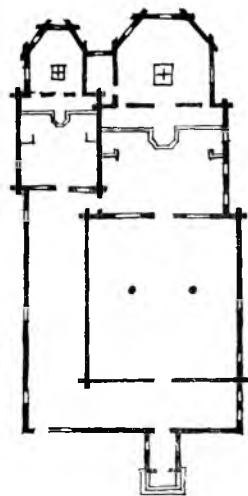
Симметричность композиции нарушается северным прирубом, который завершает бочка с одной главой. Оба объема — церковь и придел — представляют собой в натуре, несомненно, четверики, рубленные в обло; в их западных стенах расположено по одному окну со слюдяной или стеклянной окончиной. На иконе показаны даже повалы и гребень по коньку бочки. Столь большая конкретность в передаче архитектуры храма наводит на мысль о том, что иконописец изобразил реально существовавшую церковь. Это предположение подтверждается уже цитированной благословенной грамотой, данной на ее основание: «...построить церковь новая во имя Введения... да с северной страну придел во имя святых великомучеников Флора и Лавра в особых стенах», что, судя по изображению, было исполнено в точности. Более того, на иконе имеется надпись о посвящении церкви Введению Богородицы и придела Флору и Лавру. Это лишний раз подчеркивает документальный характер архангельской иконы. В уже упоминавшейся благословенной грамоте мы находим указание и относительно верхов, как видно, также выполненное плотниками: «а верхи на той церкви и на пределе построить нешатровые...». Все сказанное позволяет считать, что икона Прокопия Устьянского запечатлела облик той церкви Введения, которая просуществовала на берегу Устья с 1696 по 1762 год.

По своему типу она очень напоминала Воскресенский храм в Кевроле на Пинеге (рис. 38), возведенный на 14 лет позже — в 1716 г. [34, с. 130—131]. Он, в частности, помогает нам уяснить расположение паперти, односкатная кровля которой заметна на иконе Прокопия. О паперти в благословенной грамоте сказано: «построить церковь... с папертью, а из настоящей церкви в... придел входу не делать, а учинить вход из паперти...», т. е. именно так, как показано на плане кеврольской церкви.

* Архив ЛОИИ, холл. 27, оп. 1, № 227.

Вряд ли такая близость пинежской и устьянской церквей была случайной. Вероятно, существовали достаточно тесные строительные связи даже между удаленными друг от друга районами Севера. Представление же о том, что храмы с шатрами на крещатых бочках были распространены только на Пинеге и Мезени [34, с. 42—43], теперь нуждается в пересмотре.

Попытаемся реконструировать ансамбль Введенского погоста на главных этапах его существования. Место Введенской церкви доподлинно известно — оно оставалось неизменным в XVI—XVIII вв.: «...на прежнем Введенской церкви месте построить церковь новую...» — читаем мы в благословенной грамоте 1696 г. То же можно сказать и о Никольской, так как

0 2 4 6 8 10 м

ПЛАН ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
В КЕВРОЛЕ. 1710 г.

Рис. 38. Воскресенская церковь в
Кевроле. Вид с севера. 1710 г.
Фото С. Некрасова. 1913 г. (Му-
зей этнографии народов СССР)

Рис. 39. Введенский погост на
р. Устье во второй половине XVI—
конце XVII вв.
Реконструкция

каменная церковь начала XIX в. была возведена на ее месте. Затем документы, сопоставленные с изображением на иконе Прокопия, позволяют определить типы всех церквей, а также наличие или отсутствие в каждом случае трапезной и приделов.

Более приблизительно мы устанавливаем местоположение и тип деревянной колокольни, простоявшей по крайней мере с середины XVII в. (об этом упоминает писцовая книга 1645 г.) вплоть до строительства каменной «в одной связи» с церковью. О деревянной ограде нам известно, что к 60-м гг. XIX в. она *«от ветхости вся разрушилась и потому разобрана кроме двоих ворот с западной и южной стороны»* *. Следовательно, можно допустить, что ограда была возведена вместе с перестройкой церкви в конце XVII в. Одни ее ворота находились с запада — напротив Введенской церкви, другие — с юга. Таким образом, ворота соответствовали двум дорогам, поднимавшимся от берега к погосту. Новая ограда (ее остатки видны и теперь), вероятно, в общих чертах повторила план предыдущей. Что же касается деталей, пропорций и высот сооружений, то они воссозданы лишь на основании аналогий.

Итак, со второй половины XVI до конца XVII вв. ближе к откосу стояла клетская Никольская церковь с трапезной, чуть выше — шатровая Введенская, а за ней — клетская Флоравская церковь. Видимо, с западной стороны высилась шатровая колокольня, подобная многим северодвинским (рис. 39).

* ВКМ, № 1450, л. 5 об.

Рис. 40. Введенский погост на
р. Устье в 1692—1762 гг.
Реконструкция

Во втором периоде, начиная с 1692 и по 1763 год, Никольский храм стал шатровым, а Введенская церковь, как уже говорилось, получила новое завершение — шатер на крешатой бочке и северный придел Флора и Лавра вместо разобранной церкви того же посвящения (рис. 40). Но не прошло и семидесяти лет после ее возведения, как у нее кровли «обетшались и огнили и в полуденную сторону церковь покривилась...». Тогда же епископ Иосиф 5 июня 1762 г. указал: «...помянутую церковь Введения... и придел... разобрать и на том же месте построить... новую деревянную церковь, также и придел святых мучеников Флора и Лавра...»*.

Итак, епископский указ предписывал возвести один придел, т. е. повторить в плане предшествующую постройку, похожую по плану на Флоралавскую церковь, незадолго до того возведенную в селе Ростовском на Северной Двине [34, с. 105—106; 30, с. 252—253]. Однако плотники, наверное, по просьбе крестьянского мира, срубили не только северный придел Флора и Лавра, но и южный в честь Прокопия Устьянского, культ которого привлекал множество верующих и делал бестужевские ярмарки особенно многолюдными. Поэтому нижняя часть сруба южного алтаря прирублена немного позднее и в этот придел нет входа со стороны галереи, но от уровня пола придел и алтарь стали вести одновременно (наблюдение С. Л. Агафонова).

Видимо, в ходе строительства изменения в первоначальный замысел вносили нередко. По крайней мере, после случая с церковью Троицкой волости, которую рубил Патрикей Де-

* ГАВО. ф. 883, оп. 1, № 162,
л. 450 об. — 451.

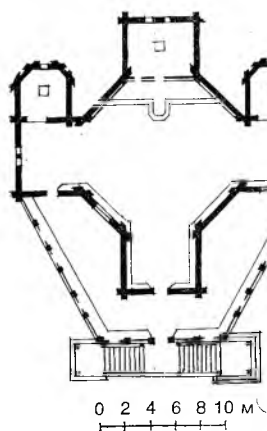

Рис. 41. План Рождественской церкви 1763 г. Реконструкция по обмеру архит. Б. П. Зайцева

Рис. 42. Западный фасад Рождественской церкви 1763 г. Реконструкция по обмеру архит. Б. П. Зайцева

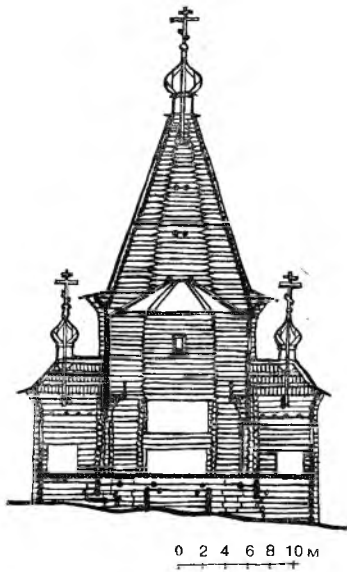
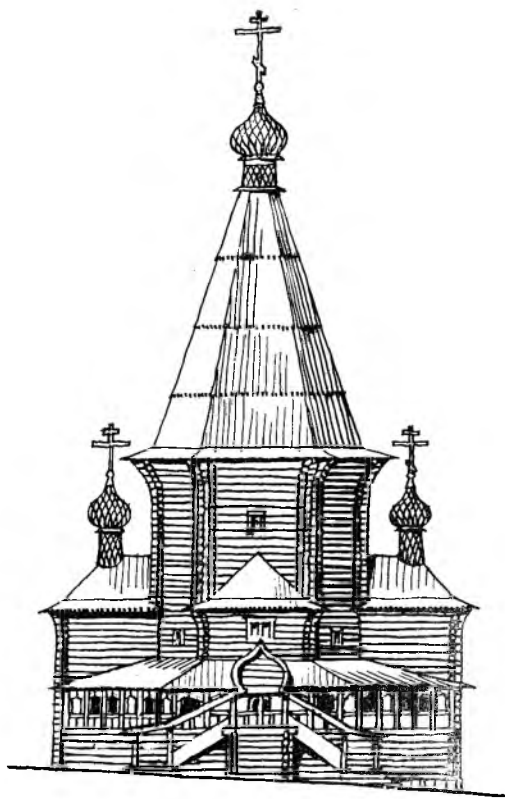

Рис. 43. Поперечный разрез Рождественской церкви. 1763 г. Реконструкция на основе проекта реставрации архитекторов С. Л. Агафонова, С. М. Шумилкина, И. С. Агафоновой

нисов, мы столкнулись с этим второй раз. Как видно, в ярмарочные и праздничные дни церковь с трудом вмещала множество людей, приходивших сюда не только на богослужение, но и по всяким мирским делам. Поэтому строители стремились за счет прирубов максимально расширить основное помещение.

Новая церковь, освященная в следующем, 1763 г., повторила монументальный северодвинский храм 1752 г. села Конецгорья [28, с. 187—188; 34, с. 108—109] с тем лишь отличием, что там в основе — четвериковый сруб, а тут — восьмериковый, как и у хаврогорской церкви 1672 г. Но здесь к основному сруб пристроено четыре квадратных в плане прируба, полностью открытых в главное помещение и составляющих с ним единое внутреннее пространство. В свою очередь,

0 2 4 6 8 10 м

к южному и северному прирубам примыкают по одному пятистенному или, как в старину говорили, круглому алтарю. В результате симметричный план представляет собой равноконечный крест с восьмигранником в центре. Восточный прируб является главным, Рождественским * алтарем церкви, западный — трапезной, обстроенной с трех сторон галереями-папертью (рис. 41).

Следовательно, Рождественская церковь относится к крещатым в плане шатровым церквям, которые летописи именовали «*круглыми о двадцати стенах*». Несмотря на свою сорокаметровую высоту, храм в Бестужеве кажется чрезвычайно устойчивым и массивным, благодаря галерее и прирубам, уширяющим его нижнюю часть и этим как бы особенно прочно связывающим здание с холмом (рис. 42).

Капитальный ремонт 1868 г.** сильно исказил первоначальный облик памятника. Тогда под церковь был подведен каменный фундамент, лемеховое покрытие шатра и главки заменено жестью, разобрано двувсходное крыльцо с верхним рундуком, вплотную примыкавшим к галерее, закрыто двойное косячатое оконце, тресзанное в стене западного прируба. Галерея некогда была тесовой и покоилась на рубленом основании, как в церкви Почы [34, с. 110]. Теперь ее разобрали, заменив папертью, которая своей конфигурацией, по-видимому, повторила старую галерею.

Кровли прирубов, наверное, и до ремонта были трехскатными: следов существования бочек не обнаружено, а торцовые стены прирубов имеют небольшие повалы, делающие маловероятным существование над ними обычного фронтона с двумя скатами крыши***. Кстати, подобные кровли, правда, более пологие, имели прирубы Богородицкой церкви села Верховье [28, с. 188—190; 34, с. 96—97; 39, с. 250—251], находящегося примерно в полутораста километрах южнее Бестужева.

Однако самое необычное было не в этом. Сначала казалось, что хоры, расположенные вдоль пяти стен восьмерика, — поздние, но исследование показало, что они покоятся на выпущенных внутрь церкви концах бревен боковых стен прирубов, причем весьма высоко — 7,5 м от пола. А это означает, что хоры сооружались одновременно с церковью и потолок, естественно, должен был располагаться над ними. Следовательно, изначально весь восьмерик до самого основания шатра был открыт внутрь храма**** — случай обычный для ярусных церквей средней России и Украины, но редчайший для Севера, известный нам, в частности, по недавно сгоревшей церкви 1667 г. в Нижней Сулонде [28, с. 191—192] и упомянутой церкви с. Верховье, ныне не сохранившейся****. Они же наводят и на мысль о том, что по крайней мере четыре окна восьмерика бестужевской церкви существовали там с самого начала (рис. 43) и были растесаны, возможно, только в 1890 г., когда церковь обшили снаружи и внутри, заменив традицион-

ПРОДОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ
БОГОРОДИЦКОЙ ЦЕРКВИ
с. ВЕРХОВЬЕ. XVII в. (?)
По обмеру Д. В. Милеева

* Первоначально, надо полагать, главный алтарь, согласно благословенной грамоте 1762 г. был освящен в честь Введения, а впоследствии после постройки в 1809 г. каменного храма, посвященного тому же празднику, престол деревянной церкви получил новое наименование Рождества Богородицы.

** ВКМ, № 1450, л. 26 об. — 27 об.

*** Сообщено архитектором-реставратором Б. П. Зайцевым, обследовавшим памятник в 1977 г.

**** Исследование сотрудников Горьковского инженерно-строительного института С. Л. Агафонова, С. М. Шумилкина и И. С. Агафоновой, разработавших проектное предложение по реставрации Рождественской церкви в с. Бестужеве.

**** Открытый внутрь восьмерик ныне также имеет Успенский собор в Кемь (1711—1717 гг.) [39, с. 212—213, 257—259; 34, с. 136—137], однако недавно реставраторы Е. В. Вахрамеев и А. И. Байер обнаружили в верхних бревнах западной и восточной стен четверика по одному пазу, над которым имеются следы от примыкания потолка, положенного «взакрой». Это означает, что изначально четверик был традиционно перекрыт на уровне основания восьмерика, и потому собор не может служить аналогом для бестужевской церкви.

Рис. 44. Введенский погост на
р. Устье в 1763—1803 гг.
Реконструкция

ный «потолок небом» куполом по кружалам. До тех же пор стены в интерьере оставались бревенчатыми, за исключением стен алтарей, где они были стесаны и закруглены в углах. Еще раньше убрали пристенные лавки.

После переделок XIX в. памятник в художественном отношении, конечно, немало потерял, но все же теперь, когда уже не существует большинства великолепных северодинских храмов, он остается одним из немногих, представляющих тот же тип.

К сожалению, неизвестно, какие мастера возводили этот храм, однако сравнение его первоначального облика с только что названными церквями позволяет предположить, что крестьяне Бестужевской волости подрядили плотницкую артель с Северной Двины, возможно, даже ту, что за несколько лет до этого рубила храмы в Конецгорье и Ростовском. Это предположение становится тем более вероятным, если мы вспомним о некогда оживленных путях, связывавших Бестужево с селениями по Северной Двине.

Нам осталось представить третий период существования Введенского погоста — с 1763 г. до строительства в 1803 г. каменной церкви (рис. 44). Никольская в это время оставалась без изменений, а Введенская (позднее переименованная в Рождественскую), как уже говорилось, стала шатровой и крещатой в плане. Она-то и дожила до наших дней.

Итак, во второй половине XVIII в. на Буеве возвышались три шатра, которым вторили небольшие башенки над воро-

тами, а вытянутая лента ограды, наоборот, как бы противостояла вертикалям церквей и колокольни. В то же время ансамбль погоста еще сохранял образ древнерусского городка-укрепления: над крутым обрывом — ограда, некое подобие рубленого острога с воротными башнями, за ними — высоко взметнувшиеся шатры, а выше — в Шалимове — ряд изб...

Решение ансамбля Введенского погоста чрезвычайно сходно с другим ансамблем — в селе Никольском (ныне Строевское), расположенном ниже Бестужева. Там, у впадения в Устье речки Волюги, еще лет сорок назад стояла шатровая церковь начала XVIII в., также на береговом склоне над многочисленными деревнями волости, разбросанными по противоположному низкому берегу реки.

Бестужевская церковь, несомненно, относится к интересным и значительным памятникам деревянного зодчества. Однако рассматривать ее нужно в органической связи с живописным устьянским пейзажем, с учетом характерной планировки всего волостного куста. Только в этом единстве предельно выразительно звучит ее архитектура, рассказывая о многовековой истории некогда захолустного уголка русского Севера.

IV. АНСАМБЛЬ ОШЕВЕНСКОЙ ВОЛОСТИ

*Над рекою Чюрьюгою . . . есть место
удовно к монастырскому строению. . .*

КАРТА-СХЕМА
МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ
ОШЕВЕНСКОЙ ВОЛОСТИ

В лесах, на берегах северных рек и озер в XIV—XVI вв. развернулось невиданное до той поры деревянное строительство, вобравшее в себя весь опыт зодчества предшествующего периода. В Поморье, как тогда называли русский Север, примерно за полтора столетия возникло около 150 новых монастырей. Большинство из них считалось «пустынными», т. е. удаленными от густонаселенных мест. Одни монастырьки исчезали, «аки не бывшие», другие, наоборот, богатели, становились землевладельцами, «копили слободы» — вокруг них вырастали крестьянские селения.

Шло время. Обветшавшие или сгоревшие деревянные постройки заменялись каменными. В результате уже к XIX в. не сохранилось почти ни одного деревянного монастыря. Как они выглядели, как росли, чем отличались от погостов, как повлияли на последующее строительство? Эти и многие другие вопросы остаются неизученными: источники наши весьма ограничены.

В этом смысле Александр-Ошевенскому монастырю, расположенному неподалеку от Каргополя, повезло: сохранилось несколько икон с изображением деревянной обители. Значит, если удастся проверить их достоверность, сравнить с архивными описаниями, использовать обмеры существующего каменного комплекса построек XVIII—XIX вв., наконец, проанализировать всю географическую ситуацию, то появится возможность гипотетически реконструировать давно не существующий деревянный ансамбль и посмотреть, как постепенно образовалось вокруг него гнездо селений, составлявшее некогда Ошевенскую волость.

О возникновении монастыря рассказывает Житие его основателя Александра Ошевенского, выделяющееся среди произведений подобного жанра богатством фактов: «*В Каргопольской области есть волостка Слобода зовома, над рекою Чюрьюгою и об ону страну тоя реки есть место удовно к монастырскому строению. . .*», «*. . . около же его блата и дебри. . .*»**.

Тут, на реке Чурьеге, впадающей в Кену — приток Онеги, в 60-е гг. XV в.*** и возник Ошевенский монастырь.

Каким же условиям отвечало место «*удовно к монастырскому строению*»? Прежде всего — это близость реки, обеспечивающая постоянный рыбный промысел и удобную связь с тогдашним новгородским торговым путем, проходившим по

* ГИМ, собр. Барсова, № 783, л. 63.

** ГПБ, собр. Титова, № 2476, л. 95.

*** Благословение на учреждение монастыря Александр получил от Ионы, занимавшего Новгородский архиепископский престол с 1458 г. по 1470 г. [13, стб. 35].

Кене и Онеге к Северной Двине и Белому морю. Здесь пере-
крещивались сухонутные дороги: одна — от Каргополя к Кене,
другая — с Онеги на Кенозеро, на Лекшмозеро и дальше
к Онежскому озеру. Монастырь был возведен у моста через
реку Чурьегу на слегка возвышенном месте, не затопляемом
в половодье. Это место хорошо видно с реки, в излучине ко-
торой до сих пор есть священная роща, изображенная на од-
ной из икон Александра Ошевенского. Судя по местным пре-
даниям, роща была связана с языческим культом, поэтому
размещение монастыря именно здесь — не случайно. Этим
преследовалась цель искоренения старого культа и утвержде-
ния христианства.

Надо упомянуть и о близости Слободы, располагавшейся
на противоположном берегу реки еще до основания мона-
стыря, что свидетельствовало о некоторой обжитости этих
мест, облегчало связи обители с внешним миром и получение
рабочих рук. Наконец, наверное, имела значение и живопис-
ность места: *«бор бяше, лесом же и езеры исполнено велии
и красно бяше отовсюду...»*, — говорится в другой житийной
повести о подобном уголке.

Основываясь на том же «Житии», можно проследить ис-
торию строительства монастырских храмов. Первый — Николь-
ский — был возведен еще самим Александром, второй — Ус-
пенский — возник при его преемнике игумене Максиме. В кон-
це 30-х годов XVI в. Никольский храм был заменен новым,
сооруженным *«древоделателем» «от лук морских Василием»*.
Заново был срублен и второй храм — Успенский. В середине
XVI в. обе церкви сгорели, однако вскоре были восстановлены:
*«двум летом минувшим по пожаре создана бысть церковь
теплая... Успения, велия и преславна, больши згоревшия
церкви...»*, а вслед за ней и Никольская. На этот раз обе

Рис. 45. Александр-Ошевенский
монастырь. Вид с севера
Фото М. И. Мильчика. 1973 г.

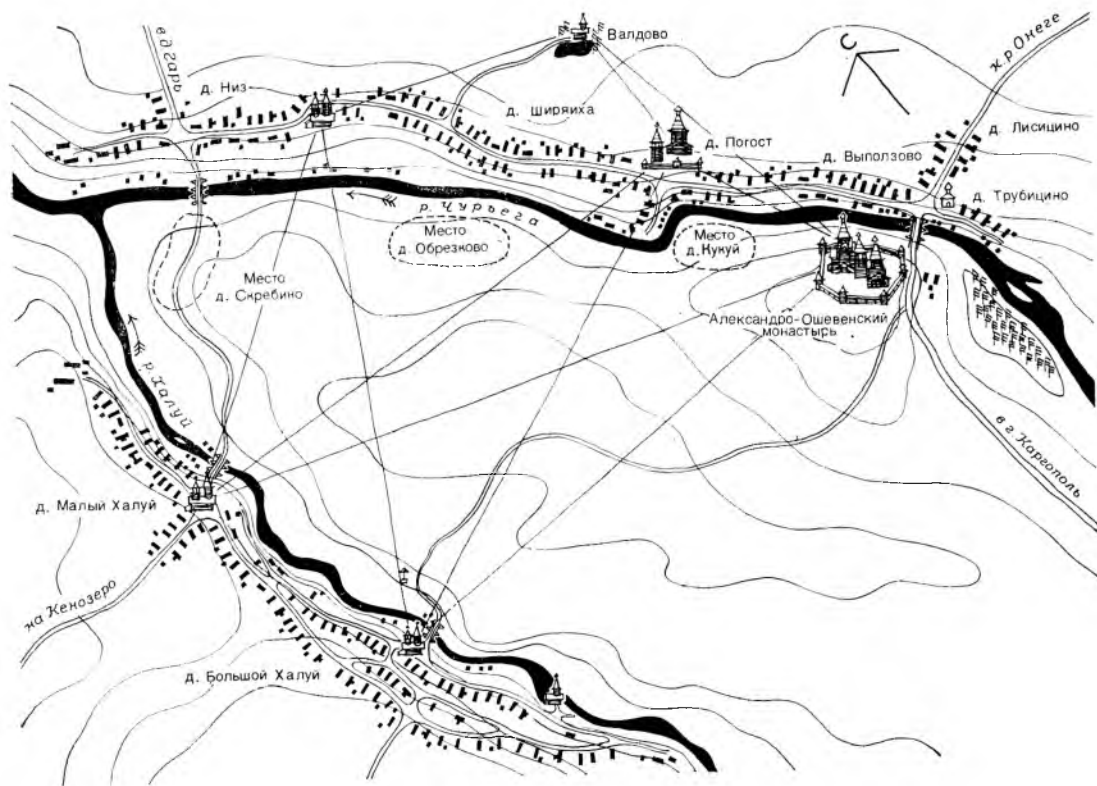

Рис. 46. Схематический план Ошевенской волости

церкви простояли до 6 мая 1706 г., когда монастырь почти целиком сгорел от молнии. После этого пожара в Александро-Ошевенском монастыре стали возводиться главным образом каменные постройки [19, с. 424], часть из которых сохранилась до наших дней (рис. 45).

Как сложился Ошевенский куст деревень и какое место в нем занимал монастырский ансамбль? Несомненно, основание монастыря способствовало быстрому росту волости, которая к середине XVI в. состояла из десяти тяглых деревень, не считая монастырских и самой Слободы [8, с. 265]. Видимо, уже в XVII в. они делились на три группы. В первую входили небольшие монастырские деревеньки, располагавшиеся около монастыря на противоположном, правом, берегу Чурьги или, как сказано в переписной книге 1648 г., «*по конец мосту, что против монастыря*»*.

Вторая группа, теперь уже слившаяся с первой, состояла целиком из тяглых деревень, которые разместились ниже по реке, на том же относительно высоком берегу реки около Слободы. Это — Ширияха, Федорово, Михеево, Подгорье и Низ. Кроме деревень правого берега, ко второй группе следует

* ЦГАДА, ф. 1209, № 168, л. 490 об.

отнести и три ныне исчезнувшие деревни — Кукуй, Обрезково и Скребино, находившиеся на левом берегу реки. Наконец, третья группа состояла всего из двух деревень по левому берегу реки Халуй — притока Чурьеги, это Ближней (теперь Большой) и Дальней (теперь Малый) Халуй (рис. 46). Кроме того, в состав волости входили деревни Гарь и Бор, расположенные сравнительно далеко: с берегов Чурьеги их не было видно.

Посмотрим теперь, как зрительно были связаны все группы между собой. Начнем с деревень вдоль реки Халуй, наиболее далеко отстоящих от монастыря. Прежде каждая деревня имела центр — шатровую часовню, которая являлась своего рода ориентиром. Потому-то часовни ставились на наиболее видных местах, например на пересечениях дорог, выступав

Рис. 47. Часовня Иоанна Бого-
слова в деревне Большой Халуй
Фото И. Я. Билибина. 1903 г.
(ЛОИА АН СССР)

Рис. 48. Вид на центральную часть деревни Большой Халуй от монастырской дороги
Реконструкция

берега или на небольших площадях. Существующие постройки, за исключением приходской церкви и колокольни на Погосте, относятся к XIX — началу XX вв., но большинство из них поставлено на старых местах. Расположение деревень соответствует ситуации на карте 1778 г., а потому можно думать, что нынешняя планировка в общих чертах отражает состояние по крайней мере XVIII в.

Центром деревни Большой Халуй была несохранившаяся часовня Иоанна Богослова (рис. 47). Она стояла у самого берегового откоса, между двумя съездами к мосту. Ее хорошо было видно и от первого порядка домов, и с дороги, идущей прямо от монастыря (рис. 48). Чуть дальше, в южном конце деревни, в излучине реки располагалась еще одна часовня — Александра Ошевенского. В отличие от других, она как бы спряталась внизу, у самой воды.

Ильинская часовня в деревне Малый Халуй и теперь стоит на пересечении улицы (рис. 49), идущей вдоль берега реки, и дороги на Кенозеро. Таким образом, два шатра часовни замыкают перспективу в деревне с четырех сторон.

С берега Халуя и с прибрежных лугов хорошо видна Георгиевская часовня деревни Низ — самого северного поселения второй группы. Она поставлена так, что улица, делая здесь крутой поворот, и с одной, и с другой стороны как бы упирается в нее.

В следующей деревне Ширияхе часовни нет — она стояла чуть в стороне, в поле, окруженная несколькими деревьями. Рядом — небольшое озерцо. Место это называется Вáлдово. Расположено оно немного выше деревни и так, что оттуда

видна вся волость, а шатры погоста как бы объединялись в одну композицию с монастырскими храмами.

В центре деревни Погост возвышается приходская шатровая церковь Богоявления и рядом с ней шатровая колокольня (рис. 50). Хотя нынешняя церковь возведена в 1787 г., известно, что ей предшествовала другая, более древняя*.

Существующий храм относится к тому типу шатровых восьмериковых церквей, к которому принадлежала и хаврогорская. Раньше погост был окружен рубленой деревянной оградой с глухими угловыми башнями [39, с. 120], благодаря чему весь этот ансамбль несколько напоминал монастырский. Около Погоста в прошлом располагалась Слобода — самое старое и наиболее значительное селение всей волости, насчитывавшее в 1648 г. 30 дворов. Характерно, что церковь поставлена как раз против излучины Чурьегу, около которой образовался особый порядок домов, как бы обращенных к монастырю. В перспективе этот порядок замыкался шатрами Богоявления и колокольни (рис. 51).

Наконец, в центре первой группы деревень, теперь состоящей из Лисицина, Трубицина и Выползова, у моста через Чурьегу, как раз на пересечении каргопольской дороги с ули-

Рис. 49. Деревня Малый Халуй. Вид на Ильинскую часовню от центрального порядка домов
Фото А. Н. Буйнова, 1940 г. (ГНИМА)

* Существование в Ошевенской Слободке церкви Богоявления отмечено переписной книгой 1648 г. (ЦГАДА, ф. 1209, № 168, л. 492). Она сгорела в 1717 г., но вскоре была выстроена заново вместе с церковью Иоанна Богослова, имевшей трапезную (ЦГАВМФ, ф. 177, № 35, ч. II, л. 399). Таким образом, в XVIII в. собственно погост состоял из двух церквей и колокольни.

Рис. 50. Ошевенский погост. Вид
с запада
Фото И. Я. Билибина, 1903 г.
(ЛОИА АН СССР)

цей, идущей вдоль реки к Погосту, и у начала дороги в сторону Онеги издавна стоял крест под сенью (виден на иконах Александра Ошевенского), в XIX в. замененный каменной Никольской часовней (рис. 52).

Все три группы селений связаны между собой не только дорогами, но и зрительно [62, с. 10—12]. Так, из любого места по Халую были видны шатры Погоста и низовской часовни, а из деревень по Чурьеге — халуйские часовни, до которых не так уж и близко — два-три километра. От монастырского моста, что рядом с первой группой селений, ориентирами служили главы приходской церкви и колокольни. Таким образом, находясь почти в любом месте волости, можно было охватить глазом все пространство, замкнутое берегами рек, и быстро сориентироваться в нем. А когда вы шли из деревни в де-

Рис. 51. Деревня Погост. Вид
с запада на шатры приходской
церкви и колокольни
Фото М. И. Мильчика, 1973 г.

ревию, то как бы из «зоны действия» одной вертикали переходили в другую. Но особенно величественная панорама открывалась перед теми, кто прямой дорогой направлялся от Халуя к монастырю. Вся земля в междуречье была распахана: место открытое — деревни округи видны, как на ладони.

В свою очередь, каждая группа селений зрительно подчинялась наиболее крупному архитектурному комплексу волости — монастырю, три шатра которого — Никольской, Успенской церквей и колокольни были видны отовсюду в разных силуэтных сочетаниях. Здесь монастырский ансамбль взял на себя ту роль, которую в других волостях обычно играл погост. Характерно, что существующий ныне каменный монастырь с относительно невысокой колокольней не смог полностью принять на себя роль исчезнувшего ансамбля: колокольня теряется в столь большом пространстве.

Волость с удивительной полнотой воплощала в себе представление средневекового человека о мире. Леса, болота, озера, окружавшие ее, как бы противостояли людям и издревле считались излюбленными местами для злых духов. Внутри волости, напротив, все обжито, обозреваемо, упорядочено и соотнесено одно с другим по законам иерархии: монастырь, погост, часовни, кресты — дома бога; хоромы вокруг — дома человека (не случайно в древнеславянских языках «храм» и «хоромы» означают жилище); бани, овины, риги и гумна, стоящие поодаль, ближе к воде и лесу, — обиталища нечистой силы. Все эти строения и располагались в волости сообразно их значению: если храмы — символы небесного мира — господствовали в пространстве, то кресты, к примеру, были видны лишь из нескольких близстоящих домов, хозяйственные по-

Рис. 52. Вид с онежской дороги на Никольскую часовню и Александрово-Ошевенский монастырь
Фото М. И. Мильчика. 1973 г.

стройки и вовсе находились за околицей или же прятались в низинках, у самого берега.

Но дело не только в иерархии значений. Пространство, таким образом, оказывалось соотнесенным и со всемирной историей: алтари указывали на восход — начало мира и рай, в противоположной стороне — закат, конец мира и Страшный суд. Так весь необъятный мир, вся Вселенная включались в сознание человека, который и внутри сравнительно небольшой волости, идя из одной деревни в другую, постоянно перемещался от «дольнего» — земного к «горнему» — небесному. Всякий путь, а тем более к святому месту, имел и религиозно-нравственный смысл [42, с. 210—212; 41, с. 353—356]. Поэтому-то церкви нередко ставили чуть в стороне от жилья, а монастыри и того дальше, но так, чтобы они всегда могли быть ориентирами — пространственными и духовными одновременно.

Попытаемся теперь мысленно определить те направления, с которых лучше всего должны были выявляться силуэты монастырских храмов. Таких направлений в нашем случае было три: южное — со стороны каргопольской дороги, восточное — от первой группы деревень и одновременно со стороны

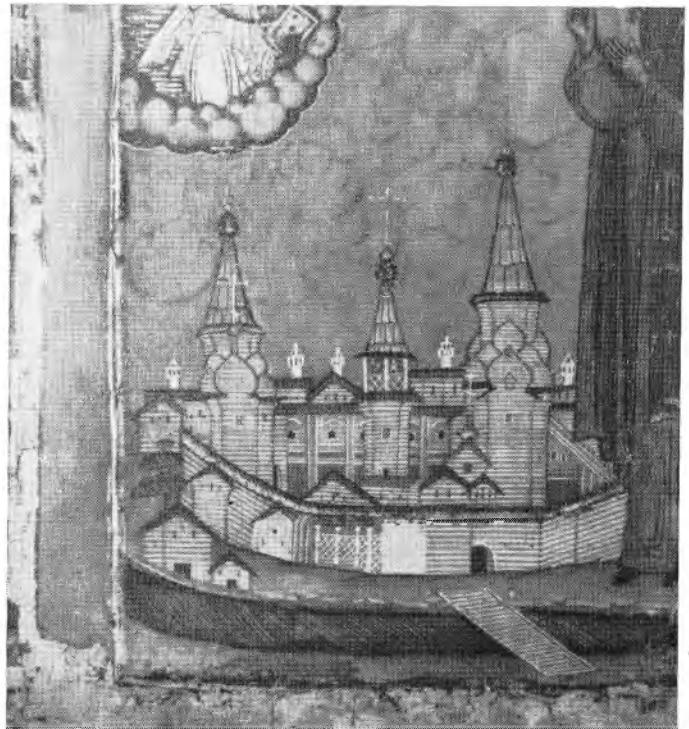

Рис. 53. Александро-Ошевенский монастырь на иконе второй половины XVII в. Фрагмент (Музеи московского Кремля)

Рис. 54. Александр-Ошевенский монастырь на иконе конца XVII в. Фрагмент (Государственный Русский музей)

онежской дороги, и с запада — от деревень по реке Халуй, откуда, кстати сказать, прямо через поля к монастырю шла только что упомянутая дорога. Иными словами, ансамбль должен был обеспечить возможность почти кругового восприятия.

Конкретно представить облик ансамбля до опустошительного пожара 1706 г. поможет нам интереснейшая иконография монастыря второй половины XVII в. Одни иконы изображают монастырь от Чурьеги, с востока (рис. 53, 54) *, на других он представлен с запада [48, с. 334]. Изображение одного и того же ансамбля с противоположных точек зрения — явление в древнерусском архитектурном пейзаже совершенно исключительное. Тем не менее, в данном случае дело обстоит именно так. На первых иконах река, мост и часовня находятся на первом плане, а церкви обращены к зрителю алтарными прирубами. На последней — река, мост и часовня видны за монастырем, храмы же показаны со стороны западных фасадов (рис. 55).

Нельзя не заметить, что иконы отличаются тщательным и достоверным изображением деревянных построек, их типов,

* Вторая из публикуемых здесь икон, хранящаяся в Государственном Русском музее, неоднократно воспроизводилась как икона Александра Свирского [39, с. 51; 34, с. 65; 23, с. 25], а потому считалось, что на ней изображен Александр-Свирский монастырь. Однако представленная там панорама полностью совпадает с изображением Ошевенского монастыря на других иконах, атрибуция которых не вызывает сомнений, а также соответствует и топографии местности. Кроме того, на нижнем поле иконы имеется надпись, содержащая биографические сведения, могущие быть отнесены только к Александру Ошевенскому [48, с. 337].

Рис. 55. Александро-Ошевенский монастырь на иконе второй половины XVII в.
Музей «Покровский собор»

деталей, а последняя икона написана с таким пониманием конструктивной логики, что невольно возникает вопрос: не был ли иконописец одновременно и «церковным мастером»?

Суммируя данные иконографии, архивных документов и натурного обследования, опираясь при этом на многочисленные аналоги, мы получаем возможность с известной долей приближения выполнить реконструкцию исчезнувшего деревянного ансамбля. Начнем с характеристики его основных построек.

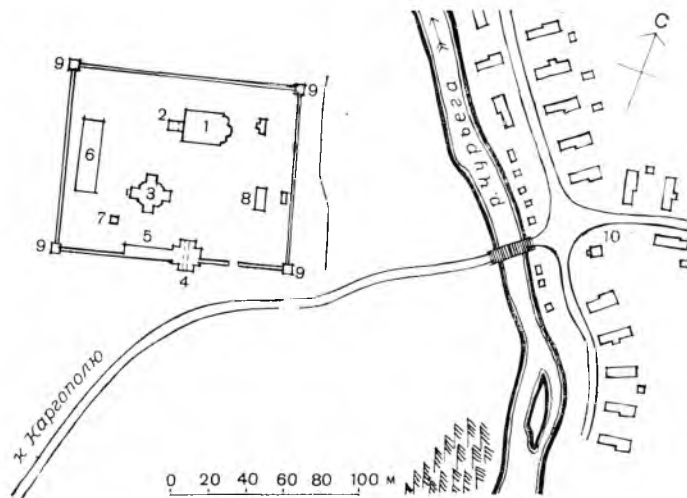

Рис. 56. План Александро-Ошевенского монастыря XVIII—XIX вв.
1 — Успенский собор, 1707—1758 гг.; 2 — колокольня, 1774 г.; 3 — Покровская церковь, 1900 г. (построена на месте Никольской, 1709 г.); 4 — Святые ворота и надвратная Никольская церковь, 1830—1836 гг.; 5 — братская трапезная, 1831 г.; 6 — братские кельи, 1823 г.; 7 — колодец; 8 — настоятельская келья, 1828 г.; 9 — стены и башни, 1830 г.; 10 — Никольская часовня у моста, XIX в.

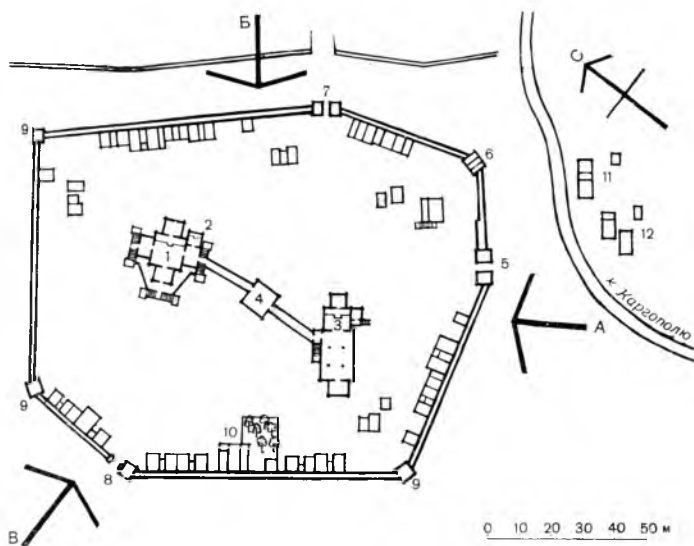

Рис. 57. План Александро-Ошевенского монастыря в XVII в. Реконструкция

1 — Никольская церковь; 2 — придел Александра Ошевенского; 3 — Успенская церковь; 4 — колокольня; 5 — Святые ворота; 6 — хозяйственные ворота; 7 — водяные ворота; 8 — западные ворота; 9 — глухие башни; 10 — игуменская келья; 11 — конюшенный двор; 12 — скотный двор

Ныне существующий каменный монастырь, построенный в XVIII—XIX вв. (рис. 56), повторил план своего предшественника лишь в самых общих чертах. Поэтому точно можем указать только прежнее положение Успенской трапезной церкви, которая находилась на месте позднейшей Никольской*. Примерно сохранили свое первоначальное место Святые ворота. Ограда же в XVII столетии, конечно, не могла иметь геометрически жесткого плана и не случайно на всех иконах она изображена многоугольной (рис. 57)**.

Сопоставляя изображения древнего монастыря на иконах, можно видеть, что из семи башен три являлись воротными. Это Святые ворота, обращенные к каргопольской дороге, неподалеку от них вторые — хозяйственные, еще дальше, напротив Чурьег, — водяные***. Четвертые же ворота находились непосредственно в западной стене под навесом. Четыре других башни, квадратные в плане, были глухими****. Судя по изображению, ограда имела столбовую конструкцию с забиркой из бревен. По верху стен шла двускатная тесовая кровля. В прясле, примыкающем к Святым воротам, наверное, помещались торговые лавки. С внешней стороны северо-восточного прясла до наших дней сохранились остатки обруба, который мог быть устроен для укрепления берега у монастырских стен.

Четырнадцать келий***** располагались по периметру ограды. На торцовых фасадах почти все они имеют характерное сочетание окон — красного и двух волоковых. Над кровлями возвышаются дымники со сквозной резьбой, подобные им еще и теперь сохранились у нескольких ошевенских изб. С западной стороны выделяется двухэтажная постройка с при-

* В описании XVIII в. сказано: «... 1709 году ... освящена церковь святителя Николая ... строения после пожара на успенском месте на прежнем ...» (Архив ЛОИИ, колл. 115, № 41, л. 33). В описании монастыря начала XIX в. уточнено: «... от каменной церкви с южной стороны церковь деревянная пятиглавая святого Николая с трапезою...» [19, с. 424]. В 1900 г. на этом месте была построена деревянная Покровская церковь, а Никольская стала называться надвратной.

** Деревянные монастырские ограды не сохранились в натуре, однако на основании плана 1747 г. Большого Тихвинского монастыря [47, с. 218] и обмеров погостов можно утверждать, что подобные ограды в плане имели многоугольные очертания.

*** В отстроеной после пожара деревянной рубленой ограде (существовавшей до начала 30-х гг. XIX в.) имелись три воротные башни, считая и Святые ворота (ГИМ, отдел письменных источников, ф. 450, № 698, л. 184). Эти сведения полностью соответствуют изображению на иконах.

**** Количество башен подтверждается и переписными книгами 1712 года (ИГАДА, ф. 350, оп. 3, № 1346, л. 210). Остатки подобных башен сохранились в более поздней деревянной ограде на Кий-острове [34, с. 70].

***** Число келий определяется по переписным книгам 1648 г. (ИГАДА, ф. 1209, № 168, л. 490—490 об.). В 1718 г. монастырь насчитывал 8 келий (ИГАВМФ, ф. 177, № 35, ч. II, л. 395 об.—396).

Рис. 58. **Александр-Ошевенский монастырь в XVII в. Вид с юго-востока**
Реконструкция

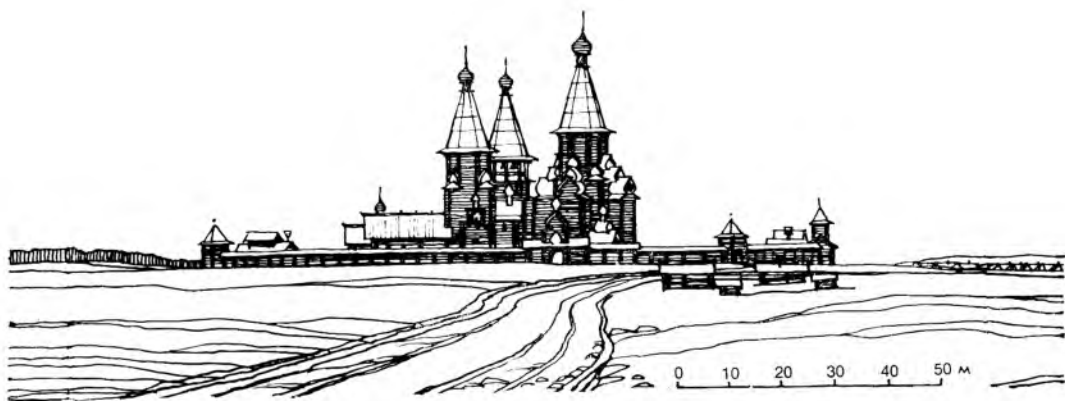
челинами и колодными окнами. Это, без сомнения, игуменская келья*, около нее — небольшой сад. За пределами монастыря на берегу реки — мельница, конюшенный и скотный дворы с жилыми избами.

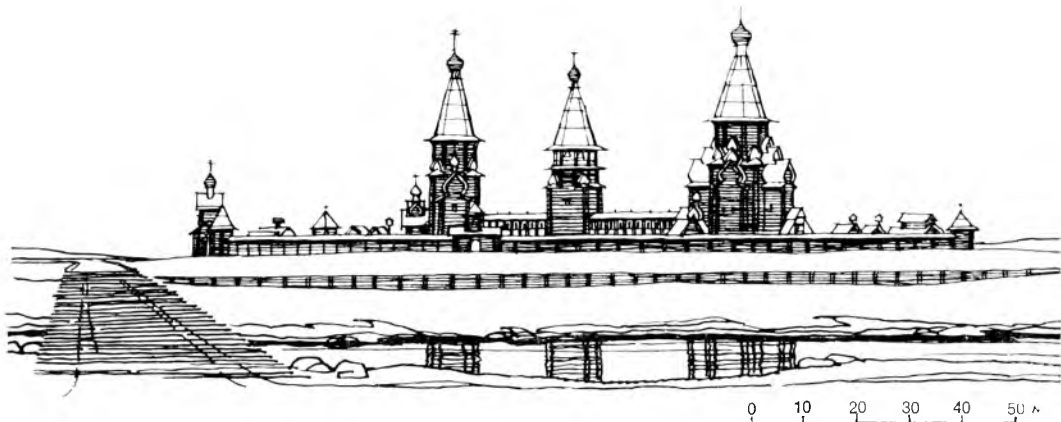
Основное место в ансамбле монастыря занимают, конечно, храмы, те самые, что были построены в середине XVI в. Главный из них, Никольский, относился к широко распространенным крестообразным в плане церквам с шатровым завершением [34, с. 93, 113, 114]. На иконах хорошо видны прирубы, крытые бочками. Переход от них к восьмерику выполнен в виде двух ярусов кокошников. Не забыта даже такая характерная деталь, как промежуточные кокошники на углах четверика. Этот же прием использован также в Успенской церкви и колокольне.

Одноглавый клетский храм, показанный на иконах с южной стороны Никольской церкви, является приделом Александра Ошевенского, в котором находились мощи святого. Церковь с трех сторон окружена крытой, с тесовой забиркой галереей, покоящейся на выпусках бревен. В нее ведут три двусклонных крыльца. Судя по аналогам, можно думать, что размер церкви с прирубам в поперечнике составлял 20—22 м, а высота храма до креста достигала 40—42 м.

Вторая по значению монастырская постройка — церковь Успения представляла собой традиционный восьмерик на четверике с примыкающей к нему обширной трапезной. В северо-западном углу ее кровли — дымник. Наверное, такие же были и у трапезных церквей Троицкой и Хаврогорской волостей — тех, о которых мы рассказывали на основании порядных записей. Около западной стены трапезной показан особый сруб, в котором могла располагаться поварня. С юга — клетский придел Кирилла Белозерского, имеющий самостоятельное крыльцо — решение, опять-таки напоминающее церковь в Хаврогорах. Если основываться на ближайшем аналоге — Петропавловской церкви 1698 г. села Пучуги на Северной Двине

* В описании монастыря XVIII в. при упоминании о пожаре 1706 г. говорится: «... монастырь с церквами ... погорел ... только осталось под западом игуменская келья и прудчик с оградой» (Архив ЛОИИ, колл. 115, № 41, л. 32 об.).

[34, с. 98], то длину Успенской с трапезной можно принять 26—28 м, а высоту 35—37 м.

Шатровая рубленая колокольня принадлежала к тому же типу — восьмерик на четверике. К ней с двух сторон вели крытые переходы на столбах, связывающие в единое целое весь храмовый комплекс. Северная часть перехода соединялась с южным крыльцом Никольской церкви, по которому можно было подняться как на сам переход, так и в храм. А южная часть связывала колокольню с церковью Успения. Здесь лестница находилась в особом прирубе у северной стены трапезной. Стены этих переходов — из теса, забранного «в косяк».

Как же стояли главные сооружения монастыря относительно друг друга? По иконам можно судить только об их порядке. Ведь иконописцы не давали фасадных изображений в современном понимании. Они как бы суммировали множество точек зрения, стремясь представить ансамбль с наиболь-

Рис. 59. Александро-Ошвенский монастырь в XVII в. Вид с северо-востока
Реконструкция

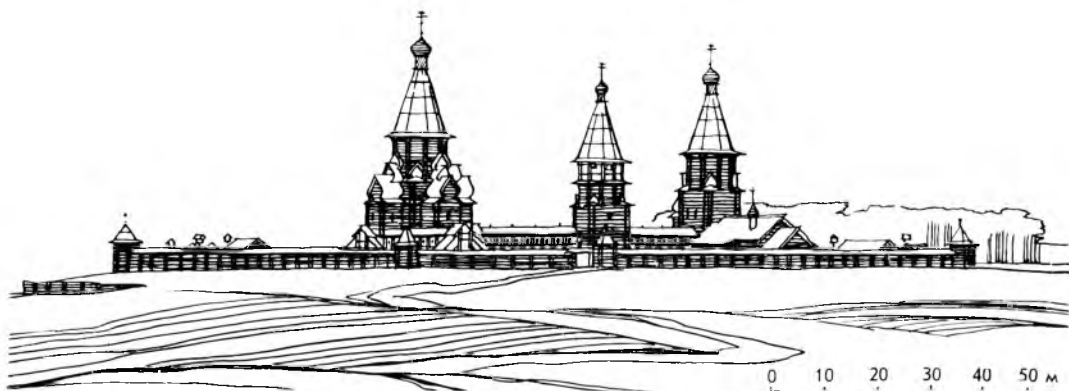

Рис. 60. Александро-Ошвенский монастырь в XVII в. Вид с запада
Реконструкция

шей полнотой. Потому-то на иконах часто показаны те сооружения, которые в натуре не могли быть видны с данной стороны, а храмы же представлены строго фронтально, словно поставленные в один ряд. Иными словами, несмотря на конкретность и даже точность изображения, иконы создают обобщенный образ монастыря. Поэтому, чтобы уяснить взаиморасположение различных построек, необходимо обратиться к традициям планировки погостов, сохранившихся на территории бывшего Каргопольского уезда. Эти традиции не могли не повлиять на композицию монастыря, выполнявшего здесь, в Ошевенской волости, как уже говорилось, роль погоста. В зависимости от местности храмы чаще всего размещались по диагонали друг к другу или образовывали в плане треугольник. В Ошевенском, скорее всего, был первый вариант.

Напомним, что на месте Успенской церкви теперь стоит Покровская, обращенная апсидой на северо-восток. Если сохранилось место, то, надо думать, не изменилась и ориентация церкви, а потому будем считать, что точное местоположение деревянного трапезного храма нам известно. В таком случае, чтобы максимально полно раскрылся силуэт монастыря с тех трех направлений, о которых уже шла речь, Никольскую церковь надо в большей степени повернуть к востоку, тем более что точная ориентация на восток в народной архитектуре и вообще-то встречается не очень часто. Тогда переходы будут примыкать к церквям под менее острыми углами. Колокольня могла стоять ближе к Успенской церкви, чтобы таким образом зрительно уравнивать массу Никольской. При подобном расположении южное крыльцо главного храма оказывается обращенным к Святым воротам, а западное — к западным. В результате вид на церкви открывался сразу и целиком для всех, входивших на территорию монастыря через любые из трех ворот.

Собранным, почти монолитным выглядел ансамбль как от каргопольской дороги (рис. 58), так и с противоположной стороны — от Погоста. Фронтально воспринимался он от моста и с онежской дороги (рис. 59) — в этом «правы» иконы. Наконец, наиболее широко монастырская панорама открывалась издалека — от деревень, расположенных по Халую (рис. 60).

Сопоставление разнородных источников показало, что величественный монастырский ансамбль являлся центром поразительно стройной системы зрительных связей, созданных на большом пространстве Ошевенской области несколькими поколениями севернорусских мастеров.

V. ОЛОНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ

На Олонце город сделать деревянный...

Сегодня в Олонце ничто не напоминает о том, что он когда-то был столицей всего Олонецкого края, а на месте нынешнего городского парка стояла одна из самых значительных деревянных крепостей русского Севера. Располагалась она на мысу, там, где река Олонка, сделав несколько крутых петель, сливается с Мегрегой (рис. 61) и течет дальше, к Ладожскому озеру. Здесь, как и у большинства других деревянных крепостей, десятками возводившихся в XVII в. и на Севере, и в далекой Сибири, вода была первой защитой от неприятеля [36, с. 206; 21, с. 31—32].

И хотя теперь в Олонце нет выдающихся памятников архитектуры, мы можем их представить: сохранилось два чертежа конца XVII — начала XVIII вв., позволяющих увидеть то, что написано в «росписях» города. А их имеется несколько и притом чрезвычайно подробных: *«каков город строеньем, и сколько в том городе башень, и сколько от которой башни городской стены мерою сажень, и скольких венцов башни и городовая стена вверх, и каковы башни строеньем, и скольких стен и мерою сажень, и сколько в том городе какова строенья ныне построено, и сколько к тому городовому и к церковному строенью довелось взять со всего уезду лесу и плотников... и во что то городовое строенье стало...»* [11, VIII, стб. 917].

Сравнение друг с другом этих бесценных документов позволяет реконструировать план крепости, ее стены и башни. В результате к тщательно изученным Кольской, Якутской и Мангазейской крепостям [36; 59; 37, с. 113—117; 38, с. 212—235], прибавляется теперь Олонец, а это чрезвычайно важно, ибо без деревянных укреплений нельзя представить себе древнюю Русь, в которой селение и городом-то начинало называться после того, как получало оборонительную ограду.

С рулеткой в руках прошли мы вдоль воображаемых стен Олонца, буквально каждый шаг сверяя с документами. Так мы и переходили *«от тое наугольной башни... подле реки Мегреги до Воротней башни... а от тое проезжие Мегреские башни вниз подле Мегреги же реки до четырехугольной башни... а от тое... башни к реке Олонцу до наугольной же башни, что против острова...»* [11, VIII, стб. 919—922]. И вот на «своих местах» обнаруживаются: остатки рва; еле заметные холмики там, где когда-то были башни; спуск к реке, где когда-то была пристань, а еще недавно подходил мост, так

СХЕМА МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ
ОЛОНЦА В XVII в.

Рис. 61. Олонец. Место слияния рек Мегреги и Олонки
Фото М. И. Мильчика. 1976 г.

и не изменивший своего положения по сравнению с тем, какое он занимал в XVII в.

Но не все шло гладко: размеры, указанные «рописями», никак не «укладывались» по ширине мыса, а в отличие от южного берега, на северном оказалось невозможным определить места башен. Пришлось долго искать ошибку — или нашу, или олонецких воевод, пока не стало ясно: благодаря крутой излучине воды Олонки за триста лет так подмыли берег, что изменили очертания мыса. Следовательно, остатков северной части укреплений и не может существовать: они давно унесены водой. На реконструкциях плана крепости мы «восстановили» прежнее русло реки, а нынешнее обозначили пунктиром.

В этой работе большим подспорьем оказались планы города второй половины XVIII в. (рис. 62). Хотя на них уже отсутствуют стены и башни, но зато видны ров, мосты, местоположение крепостных церквей, «обливной» остров с церковью, который первый встречал тех, кто по Олонке подплывал к городу со стороны Ладожского озера, а бывали это и свои, и враги: в XVII в. совсем неподалеку от этих мест проходила шведская граница, и в воздухе частенько пахло порохом.

Впервые Олонец упоминается в уставной грамоте Святослава Ольговича под 1137 г. в числе тех мест, которые платили дань новгородскому князю. Затем эти земли стали владением новгородского Софийского Дома, а близ устья Мегреги, на

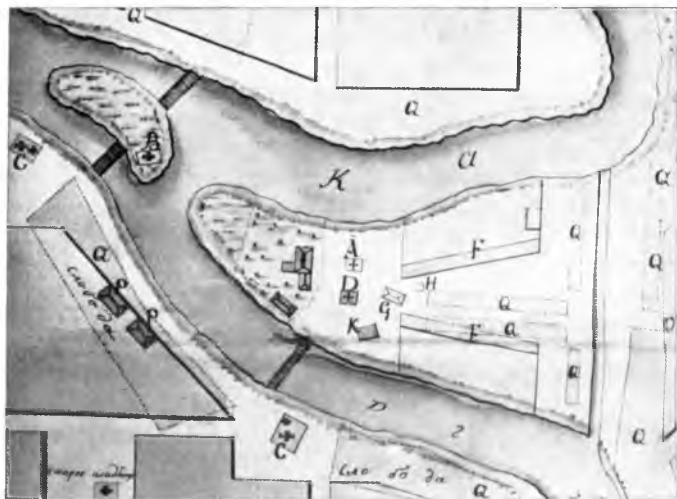
левом «матером» берегу Олонки возник Рождественский погост. К середине XVII в. назревает новое столкновение со Швецией, и потому пограничный Олонец перестает быть вотчиной новгородского архиепископа и его *«с крестьяны и з бобылями, с селы и з деревнями и... со всеми угоды» «отписывают на государя»*. Царь Алексей Михайлович решает, что здесь *«для береженья от немецких людей»* должна быть крепость.

И вот в 1649 г. Заонежские и Лопские погосты были объединены и получили самостоятельное воеводское правление [49, с. 152]. Новоназначенные воеводы князь Федор Волконский и Степан Елагин по царскому указу ранней весной того же года направлены на Олонец для отыскания места, *«где лутчи и пристойнее быть городу»*. Осмотрев *«розные места»*, они остановились на *«Рождественском Олонецком погосте, на реке на Олонце, на усть речки Мегреги, где впаля в реку Алонец, то место, где стояла деревня Оксентьева, а Томначев наволоок тож, а нялося то место между дву рек и посреди Алонецкого погосту...»*. Тогда здесь было глухо: *«а места... к городу подошли непросторные, на низких местех, лесные, поросли по миарином...»* [3, III, с. 225—226].

К строительству приступили немедленно. Крестьяне ближних погостов «секли» лес, сплавливали по рекам бревна, вытаскивали их из воды, на лошадях подвозили тес. Дальние же

Рис. 62. План Олонца. 1782 г.
Фрагмент (ЦГИА СССР)

А — каменная соборная Троицкая церковь; В, С — приходские церкви; I — дом городничего (на месте бывших воеводских хором); К — действа (каменная оружейная палата); G, H, M — уездные присутственные места; Q — кварталы жилой застройки

погосты были обложены денежными повинностями [49, с. 153]. Работа шла полным ходом. Сначала воеводы «меж двух рек» заложили город с рублеными стенами и «было ставить учели» острог — внешнюю линию обороны, скорее всего состоявший здесь из «тына стоячего», т. е. из вкопанных заостренных сверху бревен. Такой тип деревянных укреплений был чрезвычайно распространен на Руси и в Сибири в XVI—первой половине XVII вв. [39, с. 93; 63, с. 127—128; 21, с. 11—17]. Кстати, до 1650-х гг. «ограду вострую» имел и Большой Тихвинский монастырь [47, с. 214—215], а за Полярным кругом, у крепости Колы, она просуществовала до 1704 г. [36, 207—208].

Однако, узнав от крестьян, что «в вешнюю пору» место под крепостью затопляется: «ступит полая вода блиско з дву сторон острогу и... острог исшетаает», олонецкие воеводы острга ставить не стали, а «обложили по тому острожному месту другой рубленой город». К августу того же года строительство уже подходило к концу: «...оба города доделываем», — писали Ф. Волконский и С. Елагин царю. — *Толко городовые крепости не доделаны и вскоре города крыть учнем* [5, с. 81]. 29 сентября вся работа была уже закончена. Олонецкую крепость возвели всего лишь за 4 или 5 месяцев.

В конце октября 1649 г. воеводы послали царю подробное описание — «р о с п и с ь» нового города, чертеж «с розмером» и к тому же — «о б р а з е ц»-модель, чтобы Алексей Михайлович мог представить крепость во всех деталях. В отписке ясно различаются эти три формы отчета: «написав роспись и начерта чертеж и сделав городом образец» [3, III, с. 225]. Нам остается лишь предполагать, как выглядел обра-

зец, посланный в Москву с подьячим Денисом Анисимовым. Скорее всего, это была деревянная резная модель: так, в 1623 г. плотника Савку Михайлова пожаловали сукном за то, что он «*Колужскому городу образец делал*», но, к сожалению, ни одна из подобных моделей до нас не дошла [60, с. 13, 36, 47]. Пропал и чертеж — первый чертеж Олонца, ибо, в отличие от установленного правила, здесь не составляли предварительного чертежа, возможно потому, что место для крепости не было определено заблаговременно, а работали спешно [40, с. 263].

Дальнейшая забота воевод — заселить новый город. Они откровенно сообщают царю, что «*жилых... и посадских людей в городы... охотников никого нету*», что с трудом, «*всякими мерами*» удалось заставить человек 60 «*дворы... ставить*», «*чтобы в городе не пусто было*». Часть крестьян для этого «записали» в посадских людей, часть — в «пашенных солдат». В результате осенью в город было перевезено «*изб з десять*» [3, III, с. 226]. Для привлечения людей в новый город воеводы обещали устроить «выгонные места» для скота — это являлось неотъемлемой частью «городового дела».

Что же представляла собой новопостроенная крепость? Городовая стена шла по берегам Олонки и Мегреги, как бы очерчивая все вытянутое междуречье (рис. 63). По протяжен-

Рис. 63. План Олонцкого города 1649 г.
Реконструкция

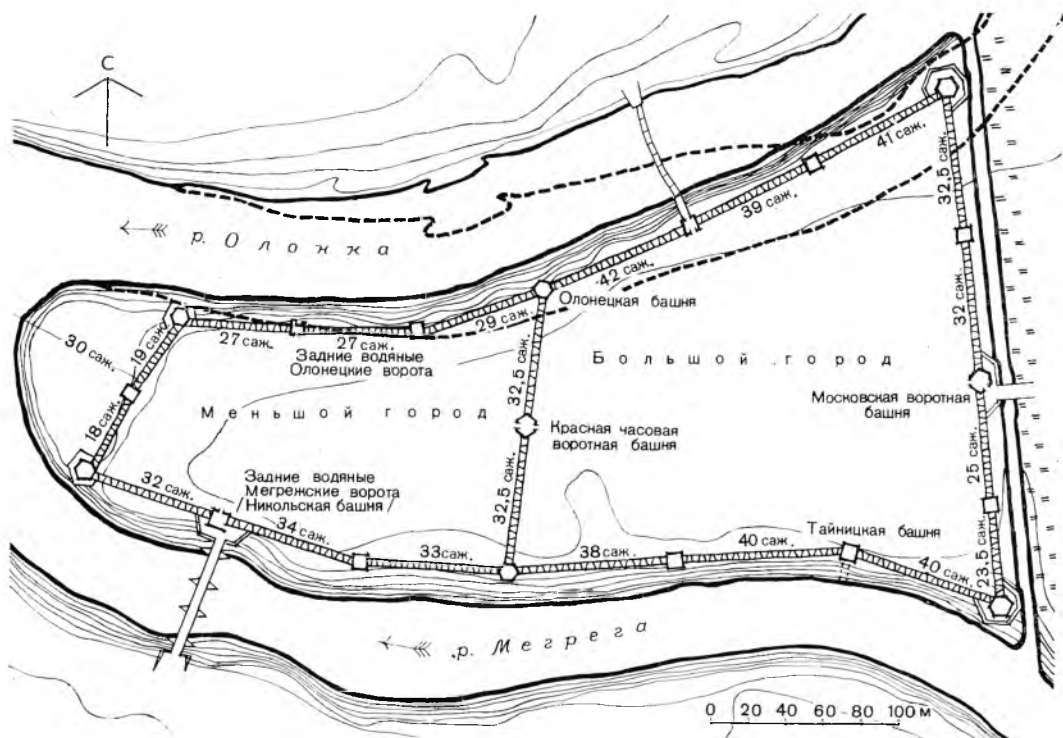
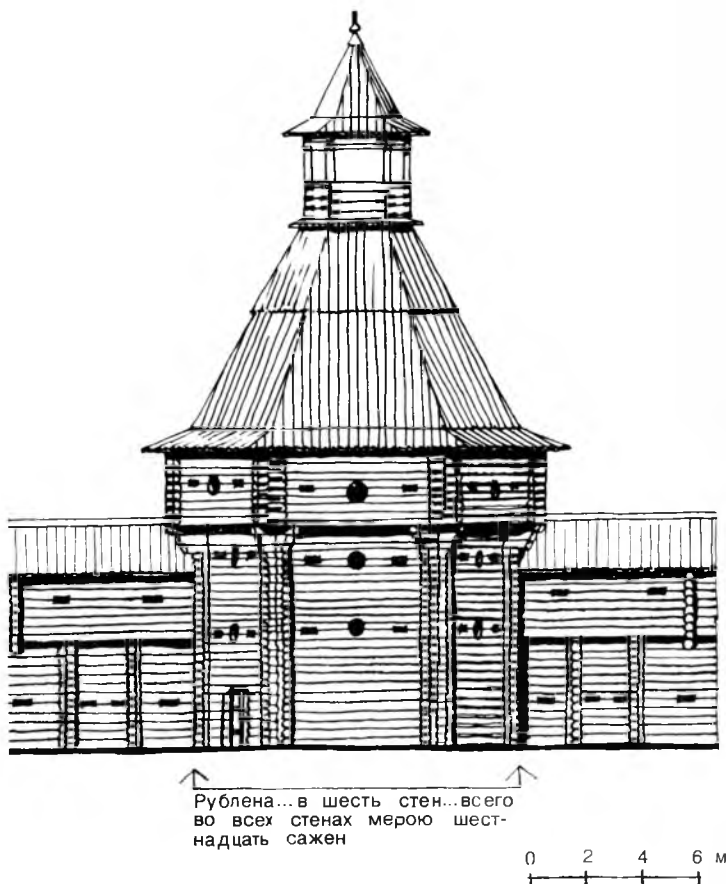
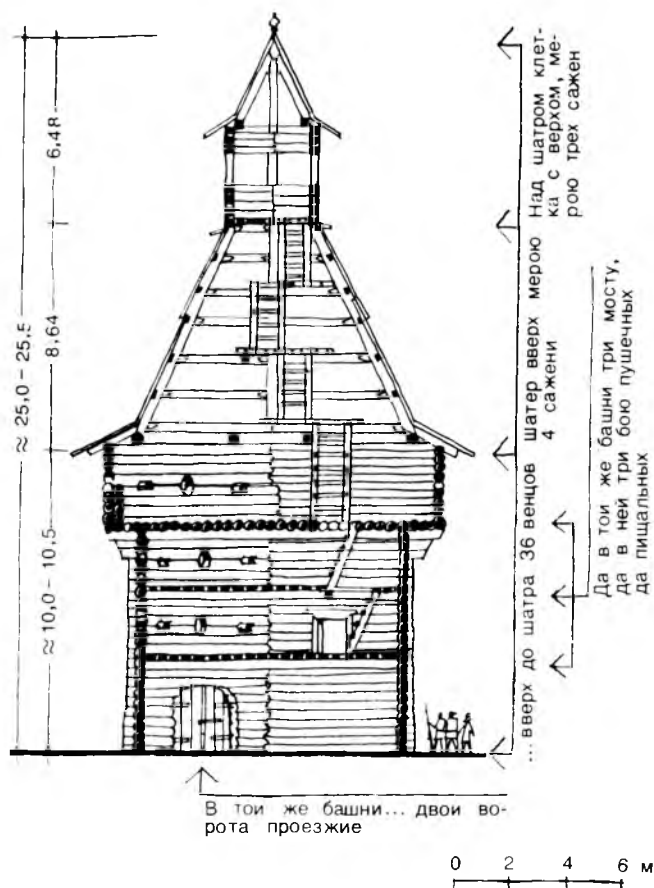

Рис. 64. Фасад и разрез Московской башни 1649 г.
Реконструкция

ности — несколько больше полутора километров — и по числу башен она значительно превосходила Архангельский город, Успенский монастырь Тихвина (см. рис. 1), все сибирские города, не говоря уже о многочисленных острожках, и уступала лишь Холмогорам. Поперечной стеной крепость делилась на два города: один — Большой, который первоначально должен был быть острогом и предназначался для посада, второй, ближе к устью Мегреги, — Меньшой, главная крепость. Ровно посередине внутренней стены возвышалась тридцатидвухметровая воротная Красная башня, рубленная «в шесть стен в трехсаженном сосновом лесу». Над ее шатром — караульня с часами. Внутри — три моста для пушек и стрельцов. Считая эту башню, Меньшой город имел 10 башен: шестериковые, но более низкие стояли по углам, между ними — невысокие (около 20 м) и квадратные в плане.

Для ведения фланкированной стрельбы все башни сильно выступали за линию стен. У угловых, например, «за город

выпущено... четыре стены». Все они стояли близко друг к другу на расстоянии от 38 до 71 м. Воротных башен, кроме названной, было еще две: «...к речки Мегреги водяные косые ворота» и «водяные Олонецкие». Западная, задняя стена не доходила до устья Мегреги на 65 м. Дальше, за узкой протокой — остров, на котором тогда стояла «церковь деревянная низкая во имя Одегитрия». В Меньшом городе одновременно с укреплениями была срублена «церковь деревяна клетцы и с трапезою и с попертью во имя...Троицы». Кроме того, там стояли съезжая изба, казенный погреб и воеводский двор. Эта часть крепости по существу являлась детинцем.

В Большом городе — 9 башен, не считая тех трех, что были общими с Меньшим. Посередине восточной — передней стены крепости — Московская воротная башня с караульней, в башне — «ворота косые», чтобы через них не было видно, что происходит в крепости, а главное, чтобы затруднить неприятелю проникновение внутрь (рис 64). Назывались эти

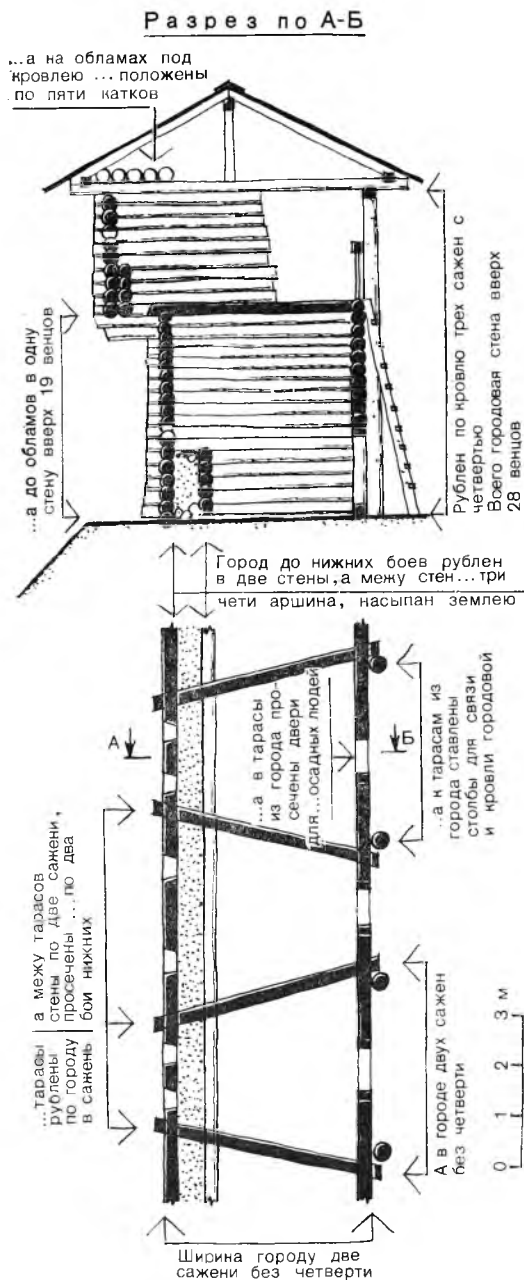

Рис. 65. План и разрез городской стены 1849 г.
Реконструкция

ворота так потому, что от них начиналась дорога на Москву, шедшая через Александро-Свирский монастырь.

Перед башней — глубокий и широкий (7,5 м) ров, соединявший Олонку и Мегрегу. Откосы его укреплены обрубом. Между рвом и стеной — 8,5 м. «Роспись» так объясняет это обстоятельство: «... для того ров дале от стены копан, в полу воду из обеих рек будет рвом водяная пролива, чтобы водою городской стены порухи не учинила...».

С этой же, напольной стороны скорее всего ожидать приступа: «... с Московскую полевую сторону подошли места ровные..., приступные» [3, III, с. 230]. Потому-то здесь городовая стена и башни в своих нижних частях были засыпаны землей, за рвом «ставлены на долбы набойные двоиные» — связанные по два заостренные столбы и вкопанные стоймя [63, с. 141]. Кроме того, перед Московской башней, у самого рва, было еще одно дополнительное деревоземляное укрепление, выступавшее углом — бык. Каждая его сторона длиной около 54 м состояла из двух рубленых стен, между которыми были насыпаны земля и «хрящи». «Да в том же быку, проезжие ворота, да под тем же быком подпас...»*. Это мощное сооружение не только преграждало подход к воротной башне, но и предохраняло ее от подмыва водой. Быки, похожие на бастионы западноевропейских фортеций, были построены перед всеми «круглыми» олонекскими башнями через восемь лет после самой крепости [3, III, с. 923].

Скажем несколько слов об устройстве «городовых стен», рубленых из семиметровых бревен (рис. 65). Они состояли из клетей-тарасов, приспособленных для ведения огня: во внешних стенах были «нижние бои пищальные» — узкие бойницы, похожие на волоковые окна. В Меньшем городе «город... до нижних боев рублен в две стены, а между стен... насыпан(о) землею для защиты (от) пушечной и пищальной стрельбы». Иными словами, изнутри тарасы имели еще одну стенку высотой до груди человека — своего рода бруствер, опираясь на который можно было вести стрельбу. Остальная часть тарасы — пустая, а в ее внутренней стене — «двери... для вместики осадных людей», т. е. там могли находиться защитники крепости. Возможно, потому тарасы и расширились во внутреннюю сторону, напоминая в плане трапецию. Чаше же всего для устойчивости и лучшей защиты от «огненного боя» тарасы засыпали землей и камнями, о чем постоянно упоминают документы начиная с середины XVI в. [9, XIII, с. 202; 63, с. 132—133; 21, с. 18—19].

«Меж тарасов» во внешней стене были также «просечены... по два бои нижних» [3, III, с. 228, 230]. Сверху тарасы закрыты накатом («а по городу намощен мост»). Это второй, или верхний ярус. Внешняя часть стены здесь нависает над нижней («городовая стена рублена с обломы») таким образом, что через навесные бойницы-стрельницы в полу можно было

псражать врага, подступившего к самим стенам. Наверное, для этого еще «*под кровлю (видимо, на стропилах) катки положены, по пяти катков в ряд*». Скорее всего во время приступа их скатывали вниз, на врага [40, с. 92]. «*Для крепости от пищальные стрелбы*» нависающая часть — о б л а м рублен «*в две стены*» до уровня бойниц. Ширина боевого хода 3,8 м позволяла свободно размещаться стрельцам. Со стороны города боевой ход ограждали перила. Высота всей стены — 7 м. Над нею — двускатная тесовая кровля [63, с. 134—135]. Более ста лет назад Ф. Ф. Ласковский впервые графически представил городовую стену Олонца 1649 г. [40, атлас, л. 8, 9]. Новое прочтение той же самой «рописи» позволило теперь существенно уточнить конструкцию и внешний вид крепостных стен.

В Олонце они должны были быть особенно крепкими потому, что «*от пушечные стрелбы ни с которую сторону защиты нет, окроме тарасов укрываться нечим*». «*Для осадного времени*» в Большом городе поставили избы, где могло спрятаться окрестное население во время войны (предполагалось, что люди из восьмиста дворов Олонецкого погоста «в осадное время будут в городе»), затем — житницы «*для государева хлеба*», лавки. К тому что построенному городу стали приезжать торговые люди, среди них немало иноземцев: строительство крепости положило начало порубежной торговле. Воеводы с тревогой спрашивали царя — можно ли «*их пускать*» «*в Большой город в ряд для торговли*», ведь тогда бы они увидели все военные секреты? Ответ пришел скоро: «*. . вы б корелян и немец в город пускать не велели и сей наш указ держали б. . . у себя тайно*» [5, с. 92]. Потому для них гостинный двор был построен вне города «*на острове на стрелище*» (стрелке).

Осенью 1656 г. над городом нависла военная опасность, и чтобы уберечь его «*. . от приходу. . немецких воинских людей*», здесь разместился воевода Петр Пушкин «*с ратными людьми*», которых он привел сюда после неудачной осады Корелы (Кексгольм, ныне Приозерск), бывшей тогда в руках шведов. На подступах к Олонцу — в устье реки Олонки и в Кондушах, у самой границы, за месяц-полтора срубили небольшие «острожки»*. Приготовления были не напрасны: в начале 1657 г. город получил боевое крещение, когда у его стен удалось отразить набег «*немецких воинских людей*». После этого в Олонце наряду с Архангельском, Колой и Устюгом появился постоянный стрелецкий гарнизон [49, с. 157, 160; 36, с. 207].

Новый город стал важнейшим звеном в обороне северных границ Русского государства. «Роспись» 1649 г. как бы указывает его место, перечисляя расстояние до ближайших крепостей: «*. . до Ладogi от Олонца 150 верст; а до Новогорода 300 верст; . . а немецкой рубеж. . . 40 верст; а до Корелы. .*

* ЦГАДА, ф. 210, 1656 г., № 301, л. 173.

Ладожским озером 200 верст; а до Орешка... 200 ж верст...» [3, III, с. 230—231].

Но тем не менее город простоял недолго: весной 1668 г. он сгорел вместе с церквями, лавками и дворами: *«отнять было не мочно, ветер был большой, а... улицы и дворы тесные»* [11, VIII, стб. 907]. Восстановление пришлось начинать с самого начала — с составления сметы: *«... велено осмотреть на Олонце городского места, мочно ль... сверх прежнего основания вновь под город места прибавить... и во что станет деревянной или земляной город сделать... и какими людьми тот город делать; и о том о всем... сметную роспись прислать к Москве»* [11, VIII, стб. 907—908].

К августу 1669 г. *«сметная роспись и месту чертеж»* были составлены. *«Всего всякого лесу»* требовалось 79 560 бревен, а весь строительный материал должен был обойтись в *«2708 рублей 3 алтына 2 денги»**. На вопрос о том, можно ли *«под город места прибавить»*, воевода Замятня Левонтиев и дьяк Иван Олухов отвечали, что это сделать невозможно, так как *«с трех сторон города обошли реки, а с четвертой стороны копан ров...»*. Они же отказались и от мысли сделать *«земляной город»*, т. е. с насыпными валами для пушек: *«... земля иловатая и дерновых мест нет, а прилегли подле рек мхи и болота топкие»*. Так два варианта постройки крепости по-новому были отвергнуты, и царь принял решение восстановить Олонец в прежнем виде: *«мы, великий государь, указали и бояре наши приговорили на Олонце город сделать деревянной на прежнем месте, по чертежу и строением против прежнего... а улицы в городе учинить... пространные...»* [11, VIII, стб. 908—910].

Видимо, весной следующего года состоялась закладка нового города. Судя по другим городам, это происходило так: освятить место соборной церкви *«на прежнем месте»*, священник, *«пев молебны и воду святы и со кресты, идет в круг месту, иде быти стене градской»*. Потом, обратившись к четырем сторонам света, *«знаменает крестом»* и возглашает молитву о будущем граде: *«... утверди ограждение се..., прибави его от губительства, труса и потопа, огня и меча, нашествия иноплемненных, междусобные брани...»*. После этого священник благословляет главного мастера и других плотников**, которые тут же, по заранее сделанной на земле разметке, начинают окладывать будущие стены и башни.

Весь 1670 г. ушел на заготовку материалов. Для этого население Заонежских и Лопских погостов было обложено особым денежным сбором. Кроме того, его обязали поставлять лес для строительства и дать плотников на полный сезон. Весь город был разделен на участки между погостами. Когда в 1672 г. зимой *«бурею раскрыло городской стены... 34 сажени тое кровлю... сломало»*, начали выяснять, кто строил этот участок. Оказалось, что *«роскрыло тое городской стены*

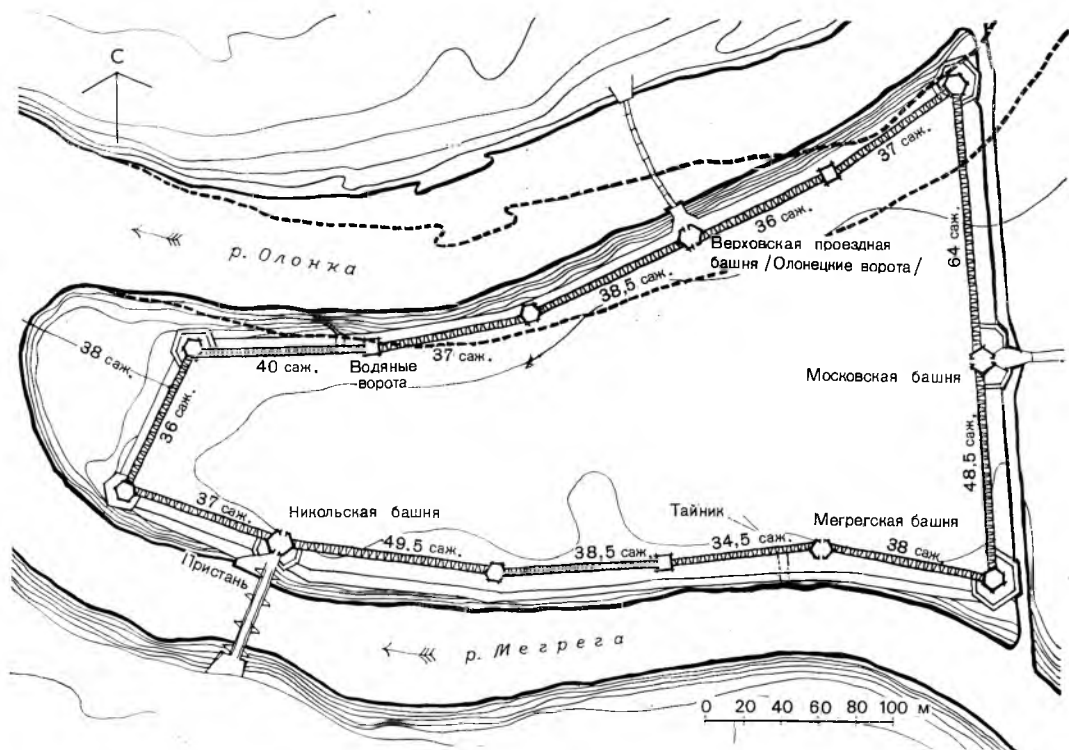
* Архив ЛОИИ, колл. 11, № 228, л. 14 об.

** ГБЛ, ор., ф. 304, № 741—Чины разные. XVII в., л. 328—333.

Рис. 66. План Олонецкого города
1670—1671 гг.
Реконструкция

строения разных погостов: ...10 сажень Остречинского погоста да одну сажень... Тубозерской волости» и т. д. [1, № 19].

К концу 1670 г. работа не была закончена: крестьяне «не достроили... городской стены 70 сажень... да трое башни». Эту задержку новый воевода Иван Баклановский объяснял тем, что «из уезда лес прислали не сполна и плотников не многих людей». Людей не хватало, хотя подрывали и стрельцов. Поэтому еще зимой, заранее, в приказной избе воевода И. Баклановский и подьячий В. Булычов наняли плотничью артель стрелецкого десятника Трофима Дубакова и посадского человека Григория Власьева «рубить и поставить от подошвы и до верха... остаточной городской стены мерю 70 сажень... да три башни штигульные...». Заплатить им воевода согласился огромную по тем временам сумму — «212 рублей 16 алтын 4 денги» за стену и еще «за башни 90 рублей». «Для поспешения» эти деньги подрядчикам выданы из государственной казны, а чтобы возместить такой расход, назначен был новый денежный сбор «с розных погостов и волостей». Воеводская «память» по этому поводу составлена в решительных выражениях: сборщик денег должен «приехав в те погосты и волости, сыскать старост и волостных людей, а сыскав... велеть

заплатить в государеву казну сполна... не замешкав...». Далее идут угрозы самому сборщику (его имя в документ не вписано): *«а будет ты тех денег... сполна не доправишь... быть тебе в великой опале и жестоком наказанье, и те денги велят доправить... на тебе, безо всякие поноровки...»* [7, с. 90—91]. Так в XVII в. крестьяне дважды оплатили постройку Олонца.

В течение двух лет к городу были доставлены 77 871 бревно, среди которых большинство составляли трехсаженные бревна, но немало было четырех- и пятиясенных [11, VIII, стб. 930]. Новый Олонец кончили только к декабрю 1671 г. В связи с этим И. Баклановский и В. Булычев, как тогда полагалось, составили *«роспись и образец и месту чертеж»*. До нас же опять дошла только «роспись», но и она дает возможность судить о том, как выглядела крепость* (рис. 66). Она существенно отличалась от старой, хотя было **указано** строить «против прежнего».

Во-первых, сократилась протяженность стен до полутора километров (было 713 сажень, стало *«701 сажень без четверти аршина»*, считая *«по лицу и в башнях кругом»*). Произошло это оттого, что город поставили дальше от воды: *«ныне город рублен со всех четырех сторон от прежнего городского места внутрь города, чтоб к прежнему... было не в тягость и обрубь не оплыли»*, т. е. чтобы уберечь укрепления от воды. Затем уменьшилось количество башен: вместо 19 их стало 13: *«те башни ныне против прежнего не построены... чтоб башня от башни были не близко и башня башню боем оберегала»*. Теперь возросла дальность стрельбы, а главное же — прежде защитникам крепости было затруднительно вести фланкированный огонь: легко попасть в соседнюю башню. Ныне же, наоборот, появилась возможность держать под пушечным и пушечным огнем подступы к соседним башням: потому-то они по-прежнему выступали из плоскости стен почти на весь свой объем. Наконец, теперь не восстановили среднюю башню и стену, разделявшую два города.

Чтобы внимательнее рассмотреть новопостроенный город, проследуем и мы вдоль его стен и башен вслед за «росписью» 1671 г., сопоставляя ее с последней «росписью», относящейся к 1702 г.** Поможет нам в этом прекрасный план Олонца (рис. 67)***, составленный, правда, через двадцать лет после первой «росписи» — в начале 90-х гг. и, конечно, по другому поводу, но зафиксировавший, естественно, тот же город.

Итак, начнем с напольной стороны. Здесь располагаются главные ворота крепости — Московская проезжая башня, рубленая в шесть стен (рис. 68). Вверху сруб имеет навесную часть — облам с зубцами — прием, необычный для деревянных крепостей, явно вызванный подражанием каменным. *«От зубца вверх»* башня крыта шатром, *«над шатром — клетка»* — караульня и над ней еще небольшой шатрик. Внутри башни

* Эта книга уже была написана, когда появилась статья О. В. Овсянникова и С. И. Кочуркиной «О древнем Олонце» (в сб. «Средневековые поселения Карелии и Приладожья», Петрозаводск, 1978), в которой авторы дают схематические реконструкции планов Олонецкой крепости и ее стен 1649 и 1672 гг. (с. 106—107). Однако основываются они на не вполне точном прочтении исторических документов.

** ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 22 — Описная роспись города Олонца. 1702 г.

*** БАН, собр. иностр. рукописей, Г^о 266, т. 2, л. 116.

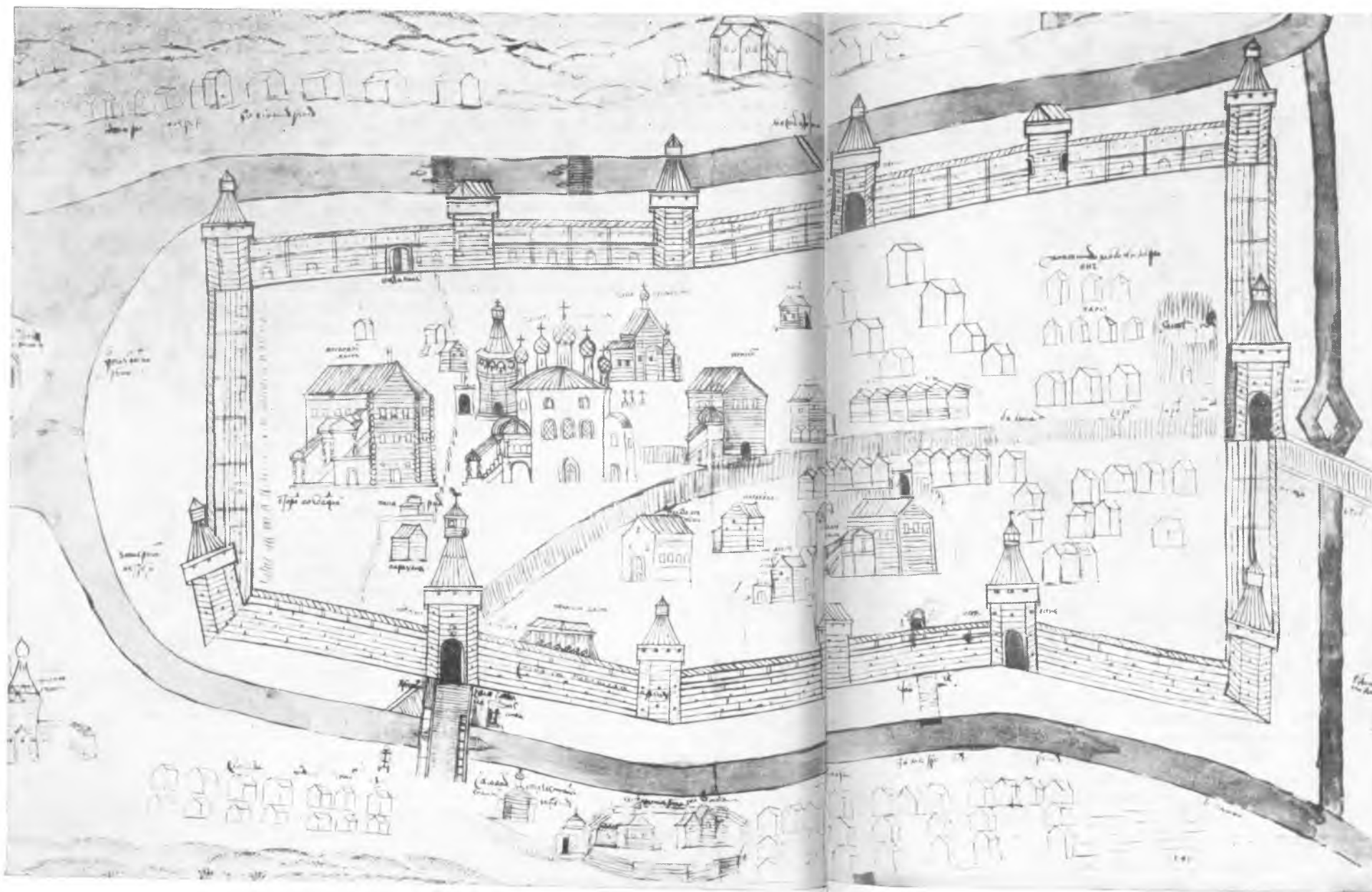
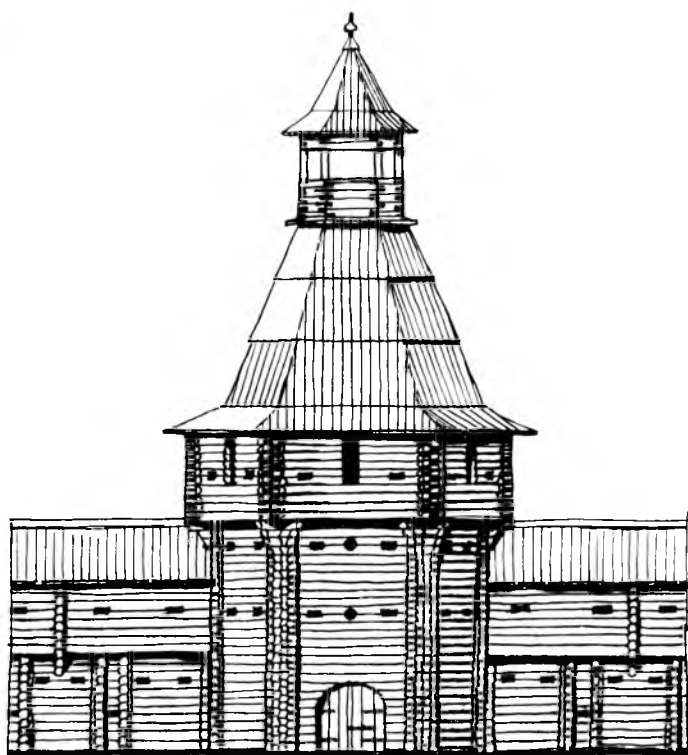

Рис. 67. План города Олонца. Первая половина 90-х годов XVII в.
БАН СССР

Рис. 68. Фасад и разрез Москов-
ской башни 1670—1671 гг.
Реконструкция

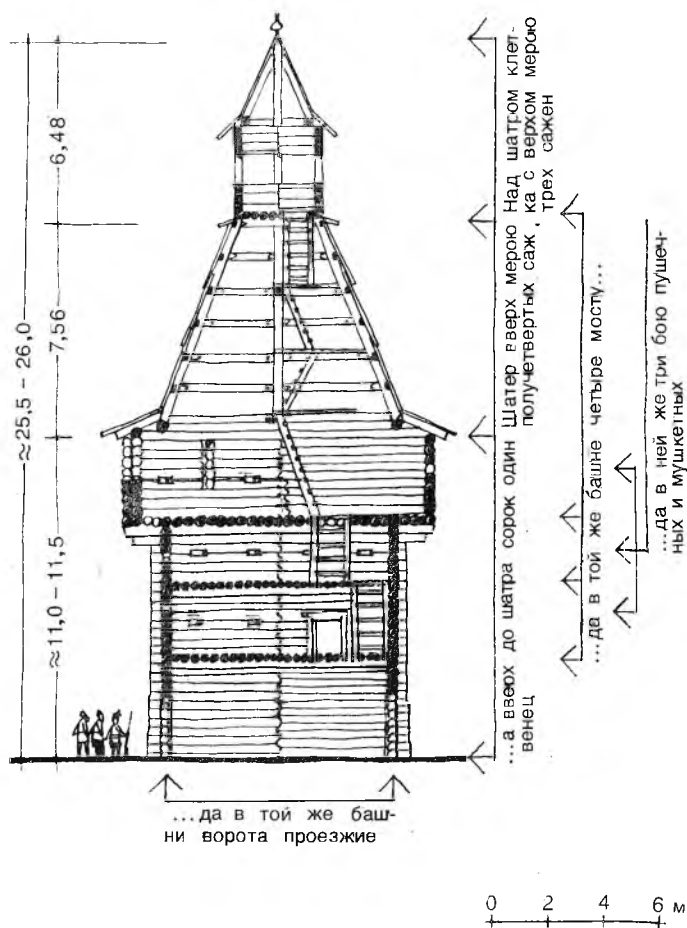
↑
Рублена в шесть стен... и
всего во всех стенах кру-
гом мерою 13 сажень с
аршином

0 2 4 6 м

было четыре перекрытия: два до облама, одно в нем и одно на самом верху. Боевыми являлись все мосты, кроме последнего. Возможно, если верить чертежу, бойницы были и внизу, на уровне ворот. Между мостами внутри, несомненно, были лестницы. Обламы, или раскаты, имели все олоонецкие башни. Там и в подошвенном бое обычно стояли пушки. Остальные бои предназначались для мушкетов и пищалей.

Вторая башня — «*подле рву к реке Мегреге*», наугольная. Она такая же, но несколько ниже (до шатра 37 венцов) и на один мост меньше: судя по чертежу, наверху, в вышке, караульня устроена не была. Итак, теперь на приступной стороне осталось всего три башни. Высота их почти не изменилась, но зато все они сделались значительно шире.

Через 82 м — Мегрегская воротная башня. Здесь, как и в Московской башне, к шестерику караульни имеется

подъем. В следующем прясле «меж башнями, под городовою стеною— тайник». Он представляет собой подземный ход из-под стены к реке длиной несколько более 16 м. Из него к воде имеется лестница, а вход с крепостного двора закрыт железной решеткой. Боковые стены рублены для прочности из двух рядов бревен. Сверху над ним — настил с землей.

Следующая башня — четырехугольная в плане, «в той же башни два мосту, да три бою пушечных и мушкетных», т. е. первый бой — на уровне земли, подошвенный; верхний — на уровне облама, высота которого около 2 м. Башня «крыта полаткою», т. е. на четыре ската. Затем башня — шатровая, такая же, как наугольная, только лишь на два венца выше ее. Следующая самая высокая башня (около 27 м) — проезжая Никольская (рис. 69). Над ее шатром — «хороминка», в которой имеются «часы боевые» — с боем. Над ней — шатрик

Рис. 69. Вид на Никольскую башню со стороны р. Мегреги
Реконструкция

с петухом-флюгером. Поставлена башня на спуске. У ее основания — пристань, сразу от ее ворот берет начало высокий мост, опирающийся на ряжевую подпору. Около моста — каменная часовня, ибо через эти ворота был главный проход от старого погоста и Стрелецкой слободы к соборной церкви.

Дальше — две угловые шестериковые башни, между ними — прясло «*поперек города*» длиной около 75 м. В следующем прясле, идущем уже вдоль Олонки, имеются «*с воеводского двора ворота проезжие*», как и тайник, показанные на нашем плане. Дальше располагается четырехугольная в плане башня с двумя мостами и тремя боями, т. е. здесь, как и в ряде других башен, она имеет бойницы подошвенного боя.

Следующая башня снова «шестиугольная», за ней — «Оло-нецкие верховинские ворота», от них через реку — «мост плотовый» — на плотах, бывший и в первой крепости. Между ними и наугольной башней есть еще одна, четырехугольная. Все они стоят примерно на одинаковом расстоянии друг от друга — 75—80 м, за исключением напольной стороны, где расстояние между башнями составляет около 130 м. Обойдя крепость вокруг, мы снова пришли, но уже с другой стороны, к Московским воротам.

Существенно изменилась и конструкция «городовой стены» (рис. 70). Высота ее чуть понизилась — до трех саженей (6,48 м), ширина же, наоборот, увеличилась до двух (4,32 м). Теперь весь «город с лица до первых боев» рублен в две

стены. Высота второй стены, внутренней, — 4 венца (1,1—1,2 м), благодаря чему стрелки были надежно защищены от обстрела. Выше, до облам — опять в одну стену. «До мосту», т. е. до уровня облама, рублены тарасы высотой 3,33 м. Ровно на одну казенную сажень (2,16 м) они засыпаны землею «и в тех тарасах над землею под мостом учинен средней бой», т. е. в пространстве высотой всего 1,17 м. Следовательно, стрелять оттуда можно было только лежа. Вход туда «учинен с мосту».

Облам состоял из 9 венцов (около 2,5 м), рубленных в две стены. Сложив все «высоты» и вычтя их из общей высоты стены, мы получаем остаток 0,65 м — толщину двух бревен-выпусков, на которые опирается стенка облама. Чтобы удержать ее в вертикальном положении и препятствовать об-

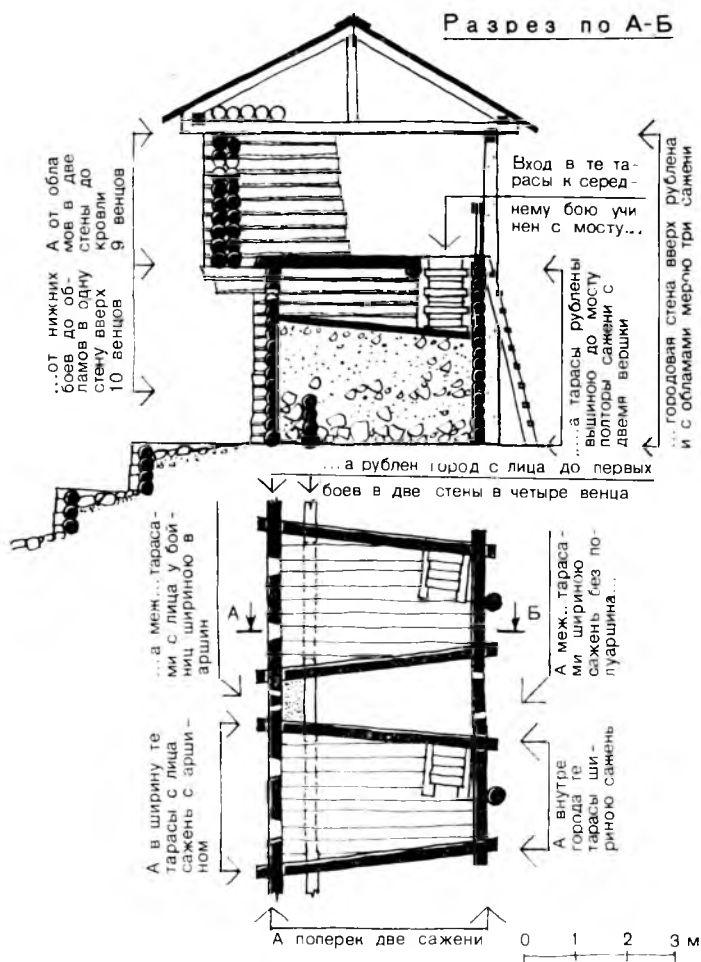

Рис. 70. План и разрез (на уровне среднего боя) городской стены 1670—1671 гг.
Реконструкция

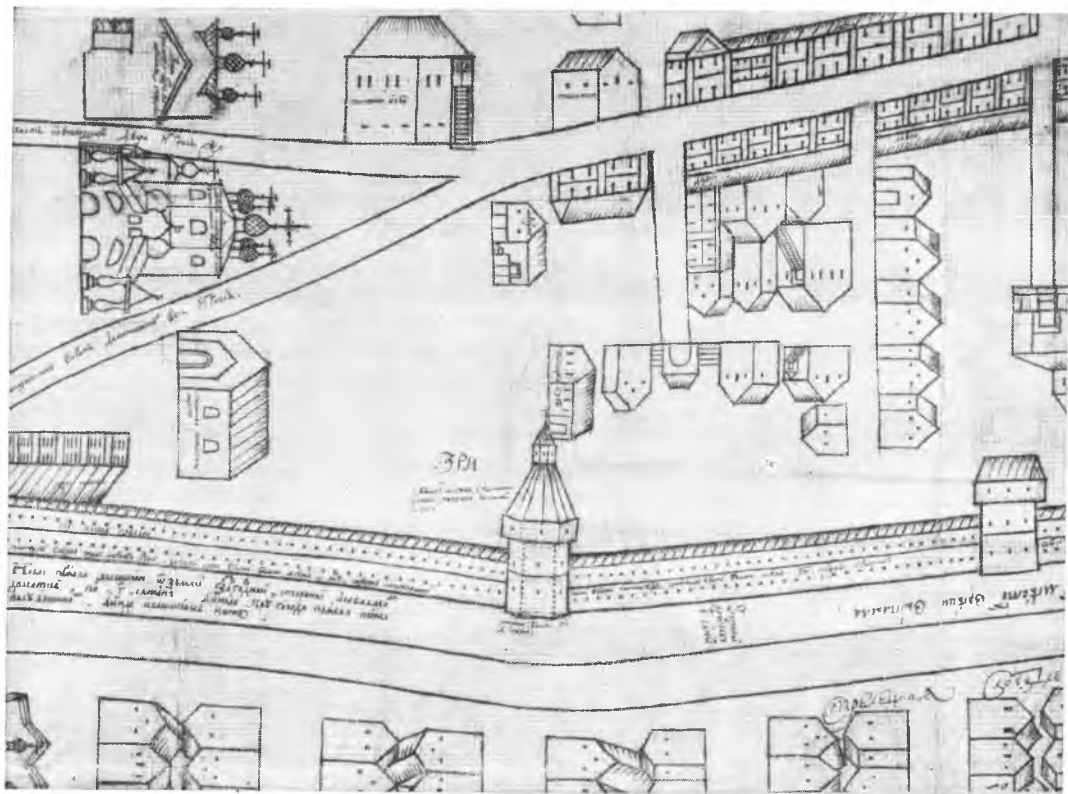

Рис. 71. План города Олонца 1702 г. Фрагмент (ЦГАДА)

валу, над тарасами были устроены поперечные стенки-перегородки, оставлявшие за собой достаточно широкий проход. На чертеже конца XVII в. (см. рис. 67) видно, что боковые стены башен имели проемы, через которые со средних башенных мостов переходили на боевой ход.

По своему плану тарасы, как и прежде, напоминали трапецию, но расширяющуюся теперь к внешней стороне: «*в ширину те тарасы с лица сажень с аршином, а внутри города... шириною сажень*». Между тарасами «*учинен нижний бой*» — своего рода открытые во двор камеры также трапециевидной формы с одной бойницей в стене. Там, где на упомянутом чертеже изображена внутренняя сторона стены, видны проходы к нижнему бою. Таким образом, бойницы нижнего и среднего боев располагались в стене непрерывно, но в шахматном порядке. Бойницы же третьего боя, на уровне обломов, напротив, шли ровным рядом. Всего в стенах насчитывалось более 1300 бойниц, не считая башенных. В отличие от сгоревшего, новый город был несравненно более мощным. День и ночь на смотрильных башен и по стенам стояли караульщики — «до-

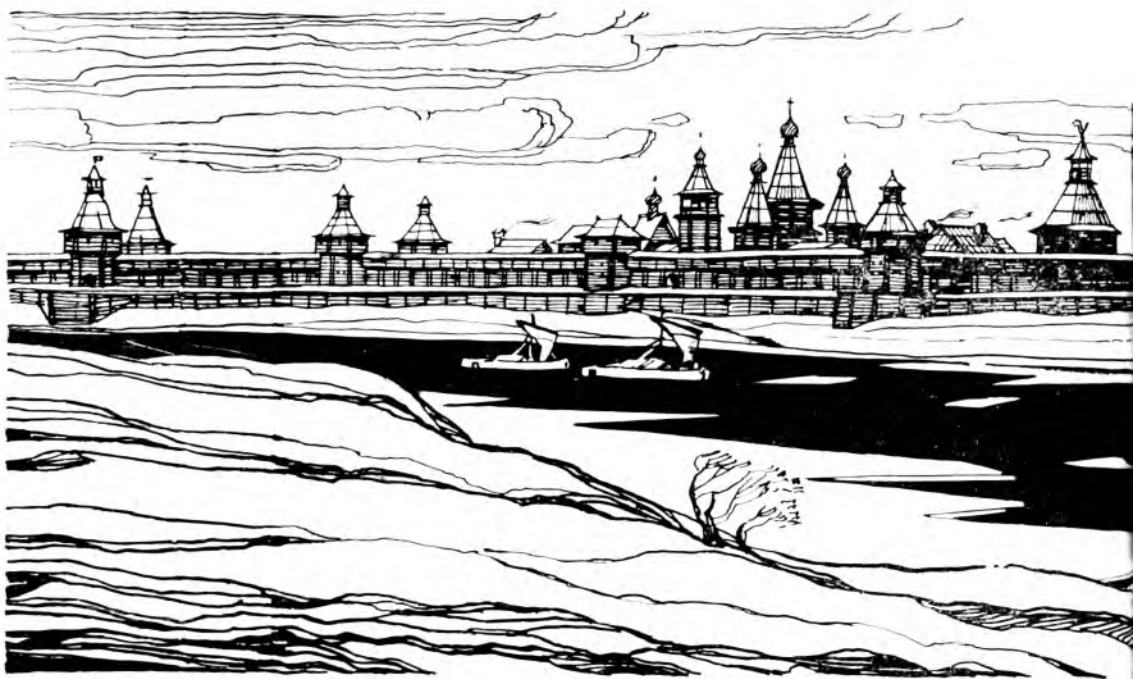

Рис. 72. Вид на Олонецкий город со стороны р. Олонки
Реконструкция

зирали». Ворота «у города» замыкали «за час до вечера» и отмыкали «в час дни», чтобы туда не прошли чужие [3, VI, с. 220].

На следующий 1672 г. расчищали ров, ограждавший крепость с приступной стороны; по обе его стороны насыпали земляные валы, откосы снова укрепили обрубками [1, № 17; 34, с. 202]. В 1683—1685 гг. развернулись новые большие работы, теперь по строительству вокруг города мощного об-
руба — подпорной стенки, так как реки подмывали и рушили берега. Воевода Иван Панин приказал *«тарасы рубить и в те тарасы свои прибывать... (и их) хворостом и землею насыпать полны и земля сровнять... в ровень против старой плотной земли и то обрубное строение укрепить накрепко, чтоб берегов вешнюю водою не подмывало и городской стены порухи не было...»**. Срубы-тарасы были устроены вдоль всего городского берега в два яруса: нижние заложили камнем, верхние — землей и хворостом. Друг с другом тарасы для прочности скреплялись «стрелами» — поперечными бревнами. Любопытно отметить, что еще в домонгольское время сходной конструкцией был укреплен берег ручья на киевском Подоле [61, с. 452—453; 64, с. 28]. Эта работа в Олонце по своему размаху оказалась подстать строительству самого города: на обруб «изошло лесу 9063 бревна», а он обошелся вместе с платой подрядчикам в 1666 рублей 17 алтын**.

* ЦГАДА, ф. 137, оп. 2, № 245, л. 32.

** ЦГАДА, ф. 137, оп. 2, № 245, л. 8, 45, 51.

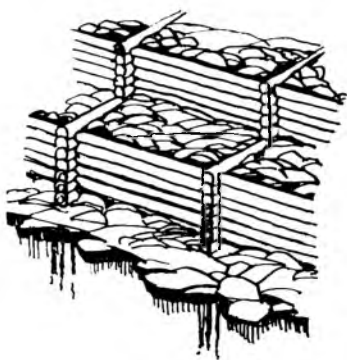
Несколько раньше обруб заново срубили быки, стоявшие у основания Московской, Никольской и четырех наугольных башен, а около двух быков к тому же «для оберегательства... построены надолбы в четыре венца». Вместе с обрубом через ров против каждой из трех башен были сделаны «мосты с решотки и с надолбы, а против Московских ворот мост на срубе». Длина этих мостов — около 39 м.

Тем не менее город постоянно нуждался в ремонте. Прошло еще около десяти лет и на прясле у Никольских ворот чертежник отмечает: «стена ся повалилась в реку». В уже упоминавшейся последней «рописи» Олонца по этому поводу отмечено: «то прясло в прошлом 1700 году построено вновь»*. Эта запись позволяет точно датировать дошедшие до нас фрагменты второго плана (рис. 71), ибо там на этом прясле есть надпись: «сие новое прясло» и ниже: «новое прясло вышиною от земли з загородной стороны и с обламом до катка по 3 сажени, а иные круг города прясла ниже полуаршином, а инде и слишком ниже», а около башни: «зри башням ширина и вышина имянно написано в описной росписи»**.

Таким образом, чертеж и «ропись» являются по существу двумя частями одного документа, а, как нам уже известно, их одновременное составление в виде отчета о проведенных работах — явление обычное для XVII в. [18, с. 61—63]. Видимо, так или примерно так выглядели и не дошедшие до нас более

* ЦГАДА, ф. 137, оп. 2, № 650, л. 3.

** ЦГАДА, ф. 192, карты Оло-нецкой губ., № 3.

БЕРЕГОВЫЕ ТАРАСЫ

ранные чертежи Олонца. Сказанное позволяет отнести чертеж к тому же 1702 г., когда и была составлена «роспись».

Обратимся теперь к внутригородским строениям, также возведенным заново после пожара. Напомним, что одновременно со стенами и башнями «на прежнем месте» и «прежним строением» возвели трехшатровую Троицкую церковь. Можно думать, что Успенский собор в Кемь [34, с. 136—137; 39, с. 212—213, 258] — единственный дошедший до нас подобный памятник — был построен по тому же образцу, ибо он так же, как и олонецкий храм, имеет два придела, крытых шатрами.

Церковные шатры, окруженные шатровыми башнями и лентой городских стен... Наверное, это было поразительное зрелище, особенно для подплывавших к городу, когда бесконечные леса по берегам вдруг сменялись лесом шатров (рис. 72).

Через несколько лет рядом с церковью построили шатровую же колокольню с вышкой-смотрительней под главой (она показана на первом чертеже), а в июле 1675 г. воевода Иван Чаадаев и дьяк Степан Польков подрядили Трофима Дубакова «с товарищи» *«подле соборной церкви построить теплую... а в ней две службы срубить из готового лесу и покрыть, и изготовить... добрым мастерством...»*. Артель у церковного плотника была сорок человек. И потому не удивительно, что в августе им уже потребовалась осина *«на чешую... на две главы»*, в сентябре на церкви *«обивали железом кресты»*, а в ноябре *«псковитин Мишка Леонтьев... ковал... цепи к церковным крестам»*. Тогда же с плотниками был произведен и полный расчет*. Судя по первому чертежу, Богоявленская церковь, как и ее предшественница, относилась к клетским церквям с трапезой, но с севера она теперь получила придел (над ним — вторая глава).

Деревянные церкви простояли в Олонце совсем недолго: во второй половине 80-х гг. того же XVII в. был выстроен каменный пятиглавый собор на подцерковье и с одним приделом**. Он-то и показан на обоих чертежах. Только на первом изображено крыльцо, крытое деревянной бочкой и, вероятно, односходное, на втором — уже прекрасное двусходное каменное крыльцо, верхний рундук которого крыт бочкой на три стороны. Видимо, каменное крыльцо было достроено в последнее десятилетие XVII в. С севера к собору примыкает придел со своим входом.

На том же чертеже 1702 г. по другую сторону улицы, ведущей к воеводскому двору, показана *«церковь Богоявления Господня каменная с приделами»*. Значит, в промежуток между составлением первого и второго планов и эту церковь заменили каменной. Теперь она получила три главы, что, вероятно, соответствовало двум приделам, и звонницу, установленную, по-видимому, по образцу псковских на кровле трапезной.

К западу от церквей главная — Московская улица упиралась в ворота восводского двора. Это самый большой двор во

* ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 8, л. 145 об., 146, 151, 164, 164 об.

** Время возведения каменного храма установлено на основании собственноручной автобиографической записи его строителя — протопопа Льва на страницах составленного им рукописного сборника [4, с. 28].

бить... над передней горницей сени или чордак и вход сделать и около оперить и покрыть, и окна поделать, да над другой горницей избушку ж срубить в брус и всход сделать... и земля на потолок поднять...», а чуть дальше в расходной книге записано, что эти же плотники «хоромное строение строили: на воеводском дворе на горницах рубили избушки и чордаки...»*. Иными словами, на воеводском дворе тогда и был возведен третий этаж, состоявший из трех чердаков, где летом спали, а также хранили «всякую домовую рухлядь». За торцом на чертеже видно еще одно строение, входившее в состав воеводских хором: это, возможно, задняя горница. Опись 1712 г. упоминает еще три светлицы, где, наверное, жили комендантские дочери. Там даже стояли «клевикорды».

Характерно, что почти все окна в доме — красные. Вполне возможно, что их колоды и окончины были раскрашены: так, великоустюгские прихода-расходные книги 1669 г. содержат запись об иконнике, который «писал на воеводском дворе две окончины, дерева красил и олифил»**, а у енисейского воеводы все «верхнее житье» снаружи было «писано красками» [37, с. 145]. Если к тому же вспомнить о находках фрагментов резных причелин и столбов, точеных баясин при раскопках Киева, Ладоги, Новгорода, Мангазеи [64, с. 33; 35, с. 33—34; 58, с. 48—55, 176—177; 50, с. 46], то старый спор о том, имели ли украшения жилые строения древней Руси, можно считать разрешенным.

Обратим внимание и на то, что над домом олонецкого воеводы показана труба: топился он по-белому, печи имел не битые, а кирпичные (есть запись об изготовлении для этого дома кирпичей). Стояли воеводские хоромы особняком во всей крепости, за оградой. Вокруг них располагались поварня, амбары, «фряжский погреб», скотный двор и огород.

О другом олонецком дворе, принадлежавшем дьяку — второму по значимости человеку в городе, нам известно больше, так как сохранилось поручительство за строивших его

* ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 8, л. 149 об.
 ** ЦГАДА, ф. 137, Великий Устюг, кн. 177, л. 194 об.

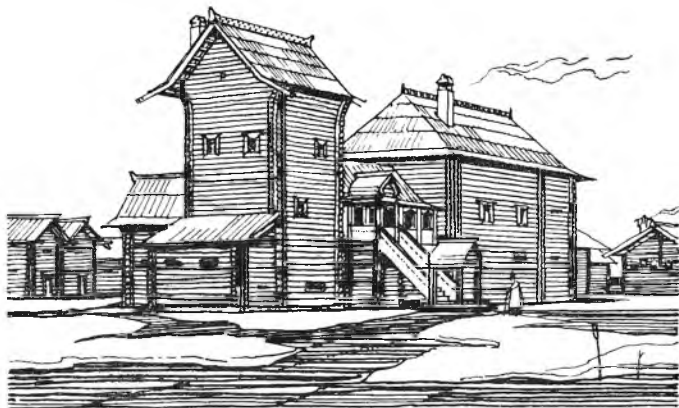

Рис. 74. Общий вид дьячего двора, построенного в Олонце в 1672 г.
 Реконструкция

плотников [7, с. 91—92], хотя, к сожалению, оно излагает содержание работ более кратко, нежели обычно порядная. На следующий сезон после того, как закончились главные работы по крепости, в апреле 1672 г., Григорий Власьев, который, как и Т. Дубаков, встал теперь во главе собственной артели, *«уговорился и нанялся» «поставить дьячей двор...на прежнем месте...с государева лесу».*

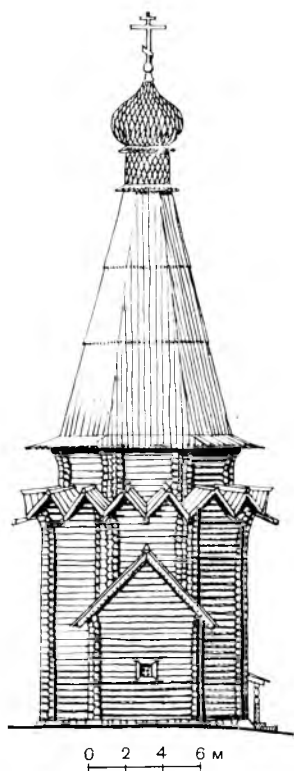
Из каких же построек должен был состоять этот двор? В основе его знакомая нам трехчастная связь: *«горница с комнатою на подклетах жилых»*, *«повалыша»* с небольшим прирубом-*«задцом»* и сени между ними (рис. 74). К ней Т-образно или Г-образно в плане примыкали *«задняя горница на подклетке жилком с сенми и с чуланами и с задцом».* Определить вышину, *«сделать нутро»* и лестницы решали, *«как понадобится»* заказчику и *«как доведетца»* плотникам. Иначе говоря, о всех деталях они договаривались между собой по ходу работ.

Кроме хором, на дьячем дворе Власьев «с товарищи» обязались срубить мыльню, конюшню, погреб и над ним амбар, а также *«заборы около всего двора забрать и покрыть... да ворота створчатые добрым мастерством».* На первом чертеже этот двор показан явно упрощенно — одним срубом под двускатной кровлей. Вероятно, дьячие горницы были рублены «в лапу», так как чертежник, в отличие от воеводского двора, углы показал прямыми линиями. Окна и здесь — красные, тогда как у соседних караульни, двора Александровского монастыря они расположены характерным треугольником. Главное украшение дьячих хором — крыльцо на отдельном срубе с высокой лестницей и двумя рундуками, крытыми бочками. Дворовые ворота стояли в проулке между лавками, расположенными вдоль Большой Пробойной улицы.

Немного дальше, в том месте, где от нее отходила другая улица в сторону Никольских ворот, располагалась приказная изба (см. рис. 67). Сначала ее срубили небольшой, наземной [11, VIII, стб. 928], а уже в июле 1675 г. было решено ее *«роскласть»* и *«построить вновь на прежнем месте... на подклетах и с чуланами».* 17 октября того же года все двадцать человек артели Г. Власьева получили деньги последнего срока *«за приказное строенье»* *. Судя по второму чертежу, «приказ» имел большой подклет, а высокое крыльцо вело прямо к верхнему помещению, где сидели дьяк и подьячие (см. рис. 71). Высокую четырехскатную кровлю украшал резной гребень. В приказной избе почти ежедневно разбирали земельные споры между карельскими крестьянами, вели делопроизводство и денежную отчетность, принимали челобитные, судили.

Приказная изба напоминала хорошо освещенную горницу: в стенах шесть колодных окон со слюдяными окончинами. У внутренней стены — изразцовая на ножках печь. В красном углу — пять киотов с иконами. Под ними дубовый стол для

* ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 8, л. 147, 160.

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ
СОГИНСКОГО ПОГОСТА.

1696 г. ВОСТОЧНЫЙ ФАСАД

По проекту реставрации
М. И. Коляды и И. А. Мачерет

воеводы с медными шандалами, в которые вставлялись восковые свечи. Рядом — стол дьяка. Столы отделены «от утеснения людского» перилами. Вдоль стен — лавки «с причалинами». Из полавочников стоят коробьи из луба «под государевы дела», а в сенях, в особом чулане — окованные железом сундуки для приказного архива*. По счастью, большая часть его сохранилась до наших дней.

В городе жили по преимуществу духовные и служилые люди: в 1707 г. вдоль его улиц стояло 20 дворов подьячих, 13 — попов и причетников, 7 — капитанов и поручиков**. Однако они почти не показаны на двух известных нам планах Олонца, где запечатлены главным образом общественные и воинские постройки: три монастырских подворья, тюрьма за «*тыном стоящим*» около Московских ворот, таможня, как и на Тихвинском посаде, окруженная навесом (здесь представляли товары), государевы житницы, амбары, пушечный двор у Никольских ворот и почти рядом с ним «*казенная пороховая полата*» (на первом чертеже она называется «*полата оружейная*»).

Последняя постройка — первое каменное здание в городе. Строили его с 1672 по 1676 г. Документы сохранили записи о поставке валунов для фундамента, извести из Новгорода и Александрова монастыря для «*отбелу полаты*», об обжигании кирпичей, даже о плате «*попу с приченики...*, как они были со святой водою на основании полаты» и «*иконнику за писмо иконы, что поставлена на полате*». Под фундамент вырыли ров длиной 78 м и глубиной 1,3 м. В него забили 959 свай, на них положили 84 лежня, а затем весь ров забутили «*диким камнем*». Тут же плотники вытесывали потоки, причелины, брусье и тес на кровлю, конек которой должен был быть украшен гребнем, вырезанным из специально купленных трех пластин, ладилы пороховые бочки «*в нутро*». На «*полатное строение*» ушло 190 080 кирпичей [11, VIII, стб. 938—948]. Это было длинное одноэтажное здание с толстыми стенами и небольшими окнами, забранными решетками, крытое двускатной тесовой кровлей. Не случайно так торопились с его строительством: там должны были сберечься в случае пожара порох, оружие, казна. Примерно десять лет спустя началось строительство второго каменного здания — уже упоминавшегося Троицкого собора.

Наконец, нельзя не обратить внимание на «*погост Николаевской*», стоявший у самого устья Мегреги (рис. 75). Его деревянная шатровая церковь вместе с мегрегской наугольной башней составляла как бы торжественные врата, через которые надо было проплыть, чтобы пристать у Никольских городских ворот. Своеобразие этого храма — в странном поясе у основания шатра.

Более убедительно подобный пояс, состоящий из двух фронтовых рядов, показан у Знаменской церкви на планах

* Описание интерьера приказной избы сделано на основании ежегодных прихода-расходных списков по Олонцу — см. ЦГАДА, ф. 137, Олонец, кн. 2—21.

** ЦГАВМФ, ф. 176, № 14, л. 2—25.

Тихвинского посада (рис. 76). Перед нами, без сомнения, еще один тип храма, некогда распространенный в Обонежье. Из тех, что сохранились, к нему близок только недавно реставрированный памятник — Никольская церковь 1696 г., стоящая совсем недалеко от Олонца, — в Согинском погосте [34, с. 124—125]. У нее на основном восьмериковом срубе стоит второй, меньший восьмерик, а переход от одного к другому выделен фронтонным (конструктивным) поясом. В отличие от этого, в олонецком и тихвинском храмах, по-видимому, было не два, а три соответственно уменьшавшихся восьмерика. Иными словами, они соединяли в себе и ярусные, и шатровые завершения [16, с. 180].

Вторая Олонецкая крепость, построенная всего лишь через двадцать с небольшим лет после первой, оказалась значительно совершеннее: за счет появления среднего боя, приспособленного для стрельбы лежа, и распределения бойниц в шахматном порядке возросла ее огневая мощь, нижние части прясел и верхние бои получили теперь двойные стены, благодаря чему стрелки стали надежно защищены от пуль и ядер. Уменьшение количества башен свидетельствует о возросшей дальности стрельбы крепостной артиллерии.

Новая крепость использовала элементы каменной военной архитектуры — обламы и даже зубцы. Сравнительно равномерное распределение башен по всему периметру стен полностью обеспечило ведение фланкирующего огня, ликвидировав таким образом мертвые зоны. Кроме того, перед наиболее важными башнями возвели дополнительные древо-земляные сооружения — быки. Наконец, много внимания было уделено укреплению берега и затруднению подступов к крепости с напольной стороны (надолбы, рогатки и пр.).

Таким образом, наряду с устойчивостью многовековых традиций деревянного зодчества происходило постоянное обновление строительных приемов. Быстрые темпы возведения обонх городов, создание многочисленных чертежей, моделей, детальные «рописи», продуманная и сложная организация обороны свидетельствовали о высоком уровне военно-инженерного искусства, достигнутого древнерусскими фортификаторами и плотниками второй половины XVII в.

Неизвестно, как долго простояла вторая Олонецкая крепость. Скорее всего, она сгорела в пожаре 1741 г.* и после этого уже не возобновлялась: победа в Северной войне отодвинула шведскую границу далеко на северо-запад.

* *
*

Изба и «город», амбар и величественный собор, часовня и куст селений целой волости... При всем разнообразии увиденных нами строений в их основе один поистине универсальный материал — дерево, единые строительные приемы, единые

Рис. 75. Никольская церковь Олонецкого погоста
Фрагмент плана Олонца первой половины 90-х годов XVII в. (БАН СССР)

Рис. 76. Знаменская церковь на Большом посаде Тихвина
Фрагмент плана Тихвина 1678 г. (Архив ЛОИИ АН СССР)

* ЦГАДА, ф. 547, оп. 2, № 35/2361.

начала «меры и красоты» — расчета и интуиции, устоявшегося и рождающегося опыта, повторяемости и неповторимости.

Вчитываясь в порядные записи, всматриваясь в старинные чертежи, мы стремились проникнуть в строительную и конструктивную логику мастеров XVII в., представить облик исчезнувших памятников, найти их истоки в глубокой древности. Что-то приоткрылось нам, что-то удалось воссоздать из исторического небытия, в чем-то мы, возможно, ошиблись, что-то осталось непонятым. И все же вопросы, обращенные к прошлому, не напрасны: через секреты плотничьего мастерства, через многообразие форм и типов существовавших строений мы проникаем в духовный мир ушедшей эпохи, извлекаем уроки и потому ощущаем себя ее законными преемниками.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПОРЯДНАЯ ЗАПИСЬ НА ПОСТРОЙКУ ДВУХ ГОРНИЦ И СЕНЕЙ В ВОЛОГДЕ (1684 г.)

Роспись, что на две горницы лесу и на сени высечь соснового, доброго, ядреного, гладкого, несуковатого и не дублецатого и не закомлистого, красного сколько понадобится и на наряд в горницы и на подволоки, и в сени, и на окошка, и на косяки, и на двери, и на кровли тесу сколько понадобится. На горницы бревна длиною все стены * трех сажень с полуаршином ** в трехаршинную сажень, на сени длиною бревна трех сажень с аршином, в то же меру; в отрубе все бревна толщиной в восемь вершков, да в полоосма вершка, а менши семи вершков не ставить; да в те же горницы по три моста, да в сенях на два моста бревен сколько понадобится, а толщину в отрубе бревна в шесть вершков и припровадить тот бревенной и тесовой лес, что на то хоромное строенье понадобится, в плотех к Вологде на срок на Петров день и Павлов святых верховых апостол нанешнего 192 (1684) году; и поставить под его Андреев двор, и из воды возы возить к его Андрееву двору на гору на своих наемных лошадах. И выскоблить, и срубить, а к рубке тех хором приттить на срок на Успеннень день святые Богородицы того ж году. А срубити им, порядчиком, на того лесу две горницы вышиною *** 19 рядов или с рядом двадцать до повалу и обвершить и взаимить ***, у обеих горниц все стены по три сажени с полуаршином ****, а вонные стены скоблить, а верхние житья рубить в брус; да в тех же горницах внутри наместить по три моста, в горнице исподние мосты тесать и в подпизбцах стены (сст. 2) вытесать кругом и двери на косяках зделать, высотой пустить от нижних мостов до средних мостов по три аршина и средние мосты наместить в черты, а исподы у мостов тесать и выскоблить, и на мосты земли наволочить и тесовые мосты на землю в приплот наплотить толщиной в обеих горницах средние мосты с землею и с тесовыми мостами вышиною пустить на аршине, а в горницах вышиною пустить ужи тех, с тесовых мостов до подволоков по четыре аршина и на потолки земли наволочить и те горницы и сени покрыть под одну кровлю на драницах скалами, тесом в зубец, на огнивах, и причелины по краям прибить; и в горницах стены кругом выскоблить и лавки кругом на подставках зделать и опушить. И двери на косяках зделать и окон на косяках, сколько хозяин повелит зделать; да подволоки в обеих горницах в брусье в косяк в закрой забрать и выскоблить; да в сенях исподней и средней мосты

* Далее зачеркнуто «четырех» и сверху написано «стены», затем на поле приписано «трех».

** «Полу» написано над строкой.

*** Написано над строкой.

**** Далее зачеркнуто «выкопаты».

намостить бревенные и вытесать, а сенные бревна тесать обе стороны; да в сенях на брусье подволока тесовая зделать взакрой, на подволоку лесница. Кругом лесницы забрать тесом в косяк, да к сеням делать лесница и крыльцо и покрыть; а зделать те горницы и сени, и крыльцо, как у Ивана Олферьева у ворот малые горницы зделаны. И до отделки того хоромного дела прочь не отходить. А рядили 40 рублей, наперед 10 рублей, а как по лес пойдут, взяти 10 рублей, а как хоромы покроем, взяти 10 рублей, досталь, как отде-
ляют.

Архив ЛОИИ, колл. 27, оп. 1, № 145.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ВКМ	— Вельский краеведческий музей
ГАВО	— Государственный архив Вологодской области
ГБЛ ОР	— Государственная библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГНИМА	— Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
МАХ	— Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Акты об устройстве города Олонца. — Олонецкие губернские ведомости, 1849, № 17—19.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией. Под ред. Н. Калячова. СПб., 1864, Т. I—II.
3. Дополнения к актам историческим. СПб., 1846—1872.
4. Известия церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1883 г. Киев, 1884.
5. Карелия в XVII веке. Сборник документов. Сост. Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948.
6. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. II.
7. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. — Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3.
8. Платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. — Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.
9. Полное собрание русских летописей. Т. I—IV, VII, VIII, XIII, XXXIII.
10. Псковские летописи. М., 1955. Вып. II.
11. Русская историческая библиотека СПб., 1884. Т. VIII; СПб., 1890. Т. XII; СПб., 1894. Т. XIV; СПб., 1908. Т. XXV.
12. Сборник грамот Коллегии экономии. Л., 1929. Т. II.
13. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
14. Суворов Н. И. Мирская рядная запись на постройку деревянной церкви 1666 г. — Известия Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. II, вып. 5—6.
15. Таможенные книги Московского государства XVII века. М. — Л., 1951. Т. III.

ЛИТЕРАТУРА

16. Агафонов С. Л. Некоторые исчезнувшие типы древнерусских деревянных построек. — Архитектурное наследство. М., 1952. Т. 2.
17. Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII веков (Енисейский край). — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1964. Т. 87.
18. Алферова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII веках. — Вопросы истории, 1977, № 7.
19. Амвросий. История Российской иерархии. М., 1813. Ч. V.
20. Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950.

21. Б а л а н д и н С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII веке. — В кн.: Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974.
22. Б а р а ш к о в а В. С. Из истории хозяйственной деятельности и быта посадского населения Белоозера в XVI веке. — История СССР, 1975, № 2.
23. Б л о м к в и с т Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1956. Новая серия, т. XXXI.
24. Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. М., 1909—1912. Т. I—II.
25. Б о ч а р о в Г. Н., В ы г о л о в В. П. Вологда. Кириллов, Ферапонтово. Белозерск. М., 1966.
26. Г а б е Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
27. Г р а б а р ь И. Э. Предисловие. — В кн.: Соколов С., Томская И. Народное искусство Севера России. М., 1924.
28. Г р а б а р ь И. Э. О русской архитектуре. Исследования. Охрана памятников. М., 1969.
29. Греков Б. Д. План части Новгорода конца XVII века. Л., 1926.
30. Г р о м о в Г. Г. Русское крестьянское жилище XV—XVII веков по письменным источникам. — Вестник Московского университета. Сер. IX. История, 1965, № 6.
31. Г р о м о в Г. Г. Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв. (по графическим источникам). — Вестник Московского университета. Сер. IX. История, 1967, № 3.
32. Забелин И. Е. Две порядные записи об устройстве иконостаса в соборе московского Донского монастыря. — Записки Русского археологического общества. СПб., 1856. Т. VIII.
33. Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1872. Ч. I.
34. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
35. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. — М., 1971.
36. Косточкин В. В. Деревянный «город» Колы. — В кн.: Метательная артиллерия и оборонительные сооружения Древней Руси. М., 1958.
37. Кочеданов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.
38. Крадин Н. П. К вопросу о реконструкции города Мангазеи. — В кн.: Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.
39. Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Деревянное зодчество. Пг., 1916.
40. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858, Ч. I.
41. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
42. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах. — Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. II.
43. Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1959.
44. Максимов П. Н. Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре. — Архитектура СССР, 1940, № 1.

45. Милославский М. Г. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI—XVII веках. — Труды Института истории естествознания и техники. М., 1956. Т. 7.
46. Мильчик М. И. Северные порядные записи XVII в. на строительство деревянных церквей. — Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. III.
47. Мильчик М. И. Древнерусский архитектурный ансамбль на чертежах и иконе XVII века. — История СССР, 1974, № 2.
48. Мильчик М. И. Северный деревянный монастырь на иконах XVII—XIX вв. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978 г. Л., 1979.
49. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII веков. Петрозаводск, 1947.
50. Овсянников О. В. Дом и усадьба в сибирском городе XVII века. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1973. Вып. 136.
51. Ополонников А. В. Лазаревская церковь Муромского монастыря. — Архитектурное наследство. М., 1969. Т. 18.
52. Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.
53. Пулькин В. И. Кижские рассказы. М., 1973.
54. Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII—XVII веках. — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
55. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
56. Романов М. И. История одного северного заолустья. Великий Устюг, 1925.
57. Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII веках. М. — Л., 1951.
58. Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII веков. Л., 1972.
59. Султанов Н. В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. — Изв. Археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 24.
60. Тиц А. А. Загадки древнерусского чертежа. М., 1978.
61. Толочко П. П. Новые данные о городском строительстве в древнем Киеве. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976.
62. Ушаков Ю. С. Деревянное зодчество русского Севера (народные традиции и современные проблемы). Л., 1974.
63. Фриде М. А. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам. — Изв. Российской Академии истории материальной культуры, Л., 1924. Т. III.
64. Харламов В. О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X—XIII ст. — В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976.
65. Шенников А. А. Крестыанские усадьбы XVI—XVII веков (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России). — Архитектурное наследство. М., 1963. Т. 15.
66. Шенников А. А. О происхождении и назначении повалуши. — Доклады отделения этнографии Географического общества СССР. 1967. Вып. 5.
67. Чечулин Н. Д. Русские деревянные жилые постройки в XVI веке. — Записки Русского археологического общества. СПб., 1893. Новая серия. Т. VI, вып. 3—4.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	5
I. Тихвинские двои и Вологодские хоромы	13
II. Храмы на Северной Двине и Минце	36
III. Ансамбль погоста в Бестужеве	63
IV. Ансамбль Ошевенской волости .	78
V. Олонецкая крепость	93
ПРИЛОЖЕНИЕ. Порядная запись на постройку двух горниц и сеней в Вологде	123
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	124
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	125

МИХАИЛ ИСАЕВИЧ МИЛЬЧИК
ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ УШАКОВ

ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА РУССКОГО СЕВЕРА СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Редактор **Б. А. Китайчик**
Художественный редактор **О. В. Сперанская**
Оформление, макет и графический материал
Ю. С. Ушакова
Технический редактор **В. В. Живнова**
Корректоры **И. И. Кудревич**
и **Ю. М. Зислин**

ИБ № 1135

Сдано в набор 30.04.80.
Подписано в печать 13.11.80 М-33501.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага мелованная.
Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 9,36+0,16 вкл.
Уч.-изд. л. 9,4+0,32 вкл. Изд. № 1910-Л.
Тираж 20 000 экз. (2-й завод 8001 — 20 000 экз.)
Заказ № 1297. Цена 1 р. 20 к.

Стройиздат, Ленинградское отделение, 191011,
Ленинград, пл. Островского, 6.

Типография № 2 Ленуприздата. 191104, Ленинград,
Литейный пр., д. 55.